Н. Суворовъ.

Средневѣковые университеты.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1898.

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ
АКАДЕМИИ.
5631
25

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	III—V
ВВЕДЕНІЕ. Понятіе объ университетѣ въ средніе вѣка	1— 11
ГЛАВА I. Возникновеніе университетовъ	13— 74
ГЛАВА II. Дотація и привилегіи университетовъ . . .	74—106
ГЛАВА III. Устройство средневѣковыхъ университетовъ	107—164
ГЛАВА IV. Возведеніе въ ученыя степени	164—188
ГЛАВА V. Преподаваніе и вообще учебное дѣло въ средневѣковыхъ университетахъ	189—212
ГЛАВА VI. Итоги къ началу новой исторіи	213—245

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимаясь разработкой различныхъ вопросовъ церковнаго права, я не разъ приходилъ къ сознанію необходимости выяснить для себя, въ какомъ отношеніи средневѣковые университеты состоятъ къ церкви. Выясняя же себѣ этотъ вопросъ, я невольно долженъ былъ расширить свою задачу и изслѣдовать, что такое были средневѣковые университеты вообще, какъ и при какихъ историческихъ условіяхъ они возникли, на какихъ основахъ утверждалась и въ какихъ формахъ проявлялась ихъ жизнь и дѣятельность. Результатомъ этихъ изслѣдованій является предлагаемый читающей публикѣ очеркъ. Въ русской литературѣ есть цѣнныя статьи, посвященныя средневѣковымъ университетамъ: таковы въ особенности статьи, помѣщенныя въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за 1862—1864 гг. Но, во-первыхъ, на основаніи этихъ статей, посвященныхъ отдѣльнымъ университетамъ, недостаточно разъясняющимъ генезисъ университетовъ и не приводящимъ въ ясность тѣхъ итоговъ, которые обнаружились къ началу новой исторіи, трудно придти къ какимъ-либо общимъ выводамъ въ смыслѣ оцѣнки средневѣковыхъ университетовъ вообще,—во-вто-

рыхъ. иностранная литература по исторіи университетовъ обогащалась отъ времени до времени новыми цѣнными вкладами, къ которымъ въ особенности слѣдуетъ отнести капитальное изслѣдованіе Кауфмана. Издавая въ свѣтъ этотъ очеркъ, я не имѣю никакихъ иллюзій насчетъ привлеченія къ нему массы читателей, такъ какъ немногіе у насъ найдутъ удовольствіе въ томъ, чтобъ углубляться въ сѣдую старину, да еще и не свою, а иностранную и иновѣрную. Но на нѣкоторое число читателей все-таки разсчитываю и полагаю, что насколько важенъ вопросъ объ университетахъ въ ихъ современной постановкѣ, настолько же важно и все то, что содѣйствуетъ уразумѣнію историческаго развитія университетовъ.

Н. С.

При составленіи очерка, авторъ пользовался слѣдующими пособіями:

Meiners. Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitaten, B. I, 1801.

Savigny. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, B. III, 1822

Hahn. Das Unterrichtswesen in Frankreich mit einer Geschichte der Pariser Universität, 1848.

Thurot. De l'organisation de l'enseignement dans l'université de Paris au moyen âge, 1850.

Krabbe. Die Universität Rostock im funfzehnten und sechszehnten Jahrhundert, 1854.

Newman. Wesen und Wirken der Universitäten, übers. v. Schündelen, 1858.

Hautz. Geschichte der Universität Heidelberg. B. I, 1862.

Aschbach. Geschichte der Wiener Universität im ersten Jahrhunderte ihres Bestehens, 1865.

Marqwardsen. Universitäten (въ Deutsches Staatswörterbuch Блюнчли и Братера, B. X. 1867)

Döllinger, Die Universitäten sonst und jetzt, 1871.

Muther Zur Geschichte der Rechtswissenschaft und der Universitäten in Deutschland. 1876.

Статьи **Paulsen'a** „Die Grundung der deutschen Universitäten im Mittelalter“ и „Organisation und Lebesordnungen der deutschen Universitäten im Mittelalter“ (въ Sybels's Historische Zeitschrift, B. XLV, 1881).

Denifle, Die Universitaten des Mittelalters bis 1400. Berl. 1885 (рецензъ Кауфманомъ въ Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, B. VII, 1886).

Herm. Fitting, Die Anfänge der Rechtsschule zu Bologna, 1888.

Thorbecke. Geschichte der Universität Heidelberg, 1886.

Hinschius. System des katholischen Kirchenrechts, B. IV, § 241, а также **Schulte**, Geschichte der Quellen und Litteratur des canonischen Rechts, B. II, § 117, и еще **Scherer**, Handbuch des Kirchenrechts, B. II, Abth. 1, § 103.

L'abbé G Peries. La faculté de droit dans l'ancienne Université de Paris, 1890.

G. Kaufmann. Die Geschichte der deutschen Universitäten, B. I, 1888; B. II, 1896.

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе объ университетѣ въ средніе вѣка.

Среднимъ вѣкамъ неизвѣстно было то значеніе, которое въ настоящее время усвояется университету. Нынѣ, если не всегда въ дѣйствительности, то всегда въ теоріи, университетъ означаетъ всецѣлость или совокупность всѣхъ наукъ, всѣхъ отраслей человѣческаго знанія (universitas literarum), въ противоположность разнымъ спеціальнымъ, хотя бы и высшимъ, учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ учащійся спеціализируется въ какой-либо одной области знанія, преимущественно прикладного, практическаго. На самомъ дѣлѣ, конечно, университетъ далеко не всегда обнимаетъ всю сумму знаній, и напр. русскіе университеты вообще, за исключеніемъ юрьевскаго, не имѣютъ въ своей средѣ богословскаго факультета, т.-е. не обнимаютъ собой цѣлой обширной области знанія, а иногда и другіе факультеты отсутствуютъ въ томъ или другомъ университетѣ; возможно даже, что университетъ существуетъ съ однимъ факультетомъ. Но въ теоріи университетъ, повторяемъ, все-таки представляется вмѣстилищемъ всѣхъ наукъ. Не таково было понятіе объ университетѣ въ средніе вѣка. Держась терминологіи римскаго права, средневѣковые юристы называли университетомъ (universitas) всякій организованный союзъ людей, всякую корпорацію—*corpus*, какъ говорили тогда, употребляя терминъ римскаго же права. Въ томъ же

значеніи употреблялся и еще одинъ терминъ римскаго права — *коллегія*, хотя коллегіей, какъ объяснено будетъ ниже, сталъ обыкновенно называться отдѣльный, частичный, союзъ внутри университетской корпораціи. Впрочемъ, мы увидимъ, что даже и названіе университета считалось умѣстнымъ не только въ примѣненіи къ всецѣлой школьной организаціи, но и къ составной ея части, такъ что, напр., въ Болоньѣ, Падуѣ, Монпелье, существовало нѣсколько университетовъ, что однако не мѣшало имъ считать себя составными частями одной всецѣлой universitas. Съ точки зрѣнія организованнаго союза или общественной организаціи, не было никакихъ препятствій и городъ называть университетомъ гражданъ (universitas civium) и любой ремесленный цехъ подводить подъ то же понятіе университета, тѣмъ болѣе, что исторически первыя начала университетовъ относятся къ той же эпохѣ, на которую падаютъ возникновеніе самостоятельныхъ городскихъ общинъ въ Италіи и сформированіе западно-европейскихъ цеховъ. Слѣдовательно, корпорація, образовавшаяся въ видахъ научныхъ интересовъ, была лишь видовымъ понятіемъ, подходившимъ подъ общее понятіе университета, какъ организованнаго союза людей. Отъ этой корпораціи, существованіе которой вызвано школьными интересами, средніе вѣка отличали самую школу, въ смыслѣ школьнаго или учебнаго дѣла (studium). Въ особенности, когда заходила рѣчь объ учрежденіи университета, и тотъ, кто просилъ издать, и та власть, которая издавала учредительную грамоту, употребляли выраженіе: «studium generale», а не «universitas». Названіе школы «генеральною» опять-таки нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что въ ней должна преподаваться вся совокупность наукъ,— такъ какъ во многихъ генеральныхъ школахъ не доставало разныхъ научныхъ отраслей,—а въ томъ, что, въ противоположность разнымъ партикулярнымъ или мѣстнымъ, для мѣстнаго района предназначеннымъ, школамъ, генеральная школа предназначалась для учителей и учащихся всѣхъ націй, и

пріобрѣтенныя въ ней ученыя степени должны были пользоваться общимъ признаніемъ во всѣхъ высшихъ школахъ западнаго христіанства: получившій ученую степень въ одной генеральной школѣ пріобрѣталъ способность учить вездѣ (facultas docendi ubique terrarum), т.-е. во всякой другой генеральной школѣ. Изрѣдка встрѣчается, наконецъ, названіе: «академія» въ примѣненіи къ университету, а приблизительно съ XIV в. сталъ придаваться ему эпитетъ: «alma mater» (т.-е. нѣжная мать), заимствованный изъ каноническаго права и изъ литургическаго языка.

Изслѣдователи по исторіи средневѣковыхъ университетовъ основательно настаиваютъ на сходствѣ строя университетовъ, какъ корпорацій, составлявшихся въ видахъ научныхъ интересовъ, съ строемъ ремесленныхъ цеховъ Ученое производство или ремесло облеклось въ такія же регулированныя формы, какъ и любое ремесленное производство: общее собраніе членовъ подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго главы, извѣстная дисциплина и извѣстная послѣдовательность градацій въ средѣ членовъ. Градаціи школяровъ, баккалавровъ и магистровъ или докторовъ соотвѣтствовали цеховымъ градаціямъ учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ (Lehrling, Geselle, Meister). Желающій обучиться мастерству, долженъ былъ поступить въ обученіе къ опредѣленному мастеру (магистру). Послѣ двухлѣтняго приблизительно изученія начальныхъ основаній ремесла, мастеръ представлялъ своего ученика другимъ мастерамъ для испытанія, по выдержаніи котораго ученикъ становился подмастерьемъ (баккалавромъ). Баккалавръ продолжалъ учиться, но въ то же время начиналъ, подъ руководствомъ своего мастера, и другимъ преподавать элементы пріобрѣтеннаго имъ знанія, браться за самостоятельную работу, чтобы пріобрѣсти навыкъ къ выполненію болѣе трудныхъ задачъ. Затѣмъ, послѣ двухлѣтней же приблизительно дѣятельности въ качествѣ подмастерья-баккалавра, который уча учился, новое испытаніе въ присутствіи мастеровъ дѣлало его

способнымъ получить дозволеніе учить или стать мастеромъ науки. Немудрено, что наприм. во Флоренціи ревизія университетскихъ статутовъ поручалась той же коммиссіи, на которую возложены были контроль и ревизія статутовъ разныхъ ремесленныхъ ассоціацій. Съ подробностями относительно промоцій, т.-е. возведенія въ ученыя степени, и съ значеніемъ каждой степени въ отдѣльности для хода университетской учебной жизни мы познакомимся ниже. Здѣсь упомянуто о нихъ только для того, чтобы оправдать умѣстность сравненія университетовъ съ цехами. Что же касается *причинъ*, вызвавшихъ образованіе школьныхъ корпорацій, то, въ отношеніи къ нѣкоторымъ въ особенности университетамъ, сходство этихъ корпорацій съ купеческими гильдіями оказывается еще болѣе близкимъ, чѣмъ сходство съ цехами. Сходство это съ особенною ясностію наблюдается въ исторіи болонскаго университета. Городъ оказывалъ защиту только своимъ собственнымъ гражданамъ; чужестранцы, пришлые люди, должны были сами позаботиться о себѣ, постараться создать для себя гарантіи спокойнаго существованія. Первое извѣстіе объ отношеніи школяровъ къ городу Болоньѣ и объ ихъ жизни въ городѣ сохранилось въ старинномъ стихотвореніи, воспроизводящемъ тѣ привѣтствія, съ которыми болонскія власти, горожане и школяры обратились къ императору Фридриху I Барбароссѣ, когда онъ въ 1155 г. стоялъ лагеремъ подъ Болоньей. Императоръ полюбопытствовалъ узнать отъ школяровъ, каково имъ живется въ Болоньѣ. Одинъ изъ магистровъ, отъ имени всѣхъ школяровъ, отвѣтилъ, что, въ общемъ, имъ живется недурно,— худо только то, что горожане за долги одного школяра арестуютъ любого другого школяра, и что они, школяры, просили бы императора принять ихъ подъ свое покровительство. Отсюда справедливо заключаютъ, что, уже въ первой половинѣ XII в., привлекаемые въ Болонью возраставшею славой тамошнихъ преподавателей юриспруденціи, пришельцы изъ всѣхъ странъ могли сос-

диняться въ землячества, и что это именно обстоятельство и могло подать поводъ болонскимъ гражданамъ арестовать любого чужеземца за долги его земляка. И вотъ, по просьбѣ школяровъ, посовѣтовавшись съ князьями, императоръ издаетъ законъ, воспрещающій арестовать одного за долги другого и ограждающій школяровъ отъ возможнаго пристрастія со стороны городскихъ судей созданіемъ для нихъ особой привилегированной подсудности. Въ упомянутомъ стихотвореніи дѣло представляется такъ, что императоръ тотчасъ же, непосредственно по выслушаніи заявленія школяровъ, издалъ законъ въ ихъ пользу. Такой законъ, дѣйствительно, былъ изданъ Барбароссой, но не раньше какъ въ 1158 г. въ рейхстагѣ на ронкальскихъ поляхъ. Онъ носитъ названіе: «Authentica Habita» и включенъ былъ въ 13-й титулъ IV книги юстиніановскаго кодекса (слово «Authentica» означало на языкѣ средневѣковыхъ юристовъ новеллу, т.-е. новый, изданный послѣ юстиніановской кодификаціи, императорскій законъ, а слово «Habita» есть начальное слово въ этомъ законѣ, какъ и вообще императорскіе, а равно и папскіе, законы принято было называть и цитировать по первымъ словамъ, съ которыхъ они начинаются). Привилегія Фридриха сдѣлалась основой для массы позднѣйшихъ грамотъ, дававшихся университетамъ императорами и другими государями. Привилегіи сдѣлались гораздо болѣе обширными и разнообразными; но не только въ Болоньѣ и въ другихъ университетскихъ городахъ Италіи, а даже въ возникшихъ гораздо позднѣе университетахъ Германіи господствовала идея, что наука принадлежитъ цѣлому міру, что штудирующіе собираются въ данное мѣсто со всѣхъ концовъ міра и образуютъ здѣсь собою общину чужеземцевъ, въ противоположность мѣстной городской общинѣ. Въ Болоньѣ эта противоположность была выражена болѣе рѣзко, чѣмъ гдѣ либо: школяры-туземцы, т.-е. болонскіе граждане, долгое время стояли внѣ болонской университетской корпораціи, да и въ позднѣйшее время, когда противопо-

ложность между школярами чужеземцами (scholares forenses) и школярами-туземцами (scholares cives) ослабѣла, слѣды ея сохранились въ томъ, что имена тѣхъ и другихъ заносились въ особыя матрикулы. Вообще же квартирный вопросъ, всегда остававшійся наиболѣе острымъ именно для пришлыхъ въ университетскомъ городѣ людей, имѣлъ, какъ мы увидимъ, первостепенную важность въ исторіи всѣхъ университетовъ.

Привилегія Барбароссы была дарована тѣмъ, которые «предпринимаютъ путешествія ради научныхъ занятій». Но такъ какъ предпринимать путешествія съ научною цѣлью могли не только учащіеся, а и учащіе, и въ итальянскихъ городахъ сдѣлалось даже обычнымъ приглашать или просто переманивать къ себѣ составившихъ себѣ репутацію профессоровъ изъ другого города, то можно было бы ожидать, что профессора, покрайней мѣрѣ пришлые, войдутъ въ школьную корпорацію, тѣмъ болѣе что въ средневѣковыхъ университетахъ вообще нелегко было провести границу между учащими и учащимися. На самомъ дѣлѣ мы видимъ нѣчто иное. Профессора, даже и пришлые, насколько они получали осѣдлость и права гражданства, наприм. въ Болоньѣ, были отрѣзаннымъ ломтемъ отъ школьной корпораціи, которая и называлась въ Болоньѣ университетомъ школяровъ (universitas scholarium). Школяры играли роль нанимателей, входившихъ въ договорное соглашеніе съ тѣми лицами, лекціи которыхъ они желали слушать и подъ руководствомъ которыхъ желали заниматься, относительно гонорара и помѣщенія для аудиторіи. Въ корпоративномъ же строѣ жизни школяровъ профессора тѣмъ менѣе могли участвовать, что городъ сталъ обыкновенно отбирать присягу отъ профессоровъ въ томъ, что они никакими способами не будутъ содѣйствовать выселенію или переселенію школяровъ въ другой городъ. А переселеніе или угроза переселеніемъ служили обыкновенно для школяровъ самымъ острымъ оружіемъ, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ тому, чтобы от-

стоять свои интересы и добиться желательныхъ уступокъ со стороны города. Съ этой точки зрѣнія, давшіе означенную присягу профессора должны были представляться такими людьми, отъ которыхъ нечего ожидать поддержки корпоративныхъ интересовъ. Самыя переселенія, означавшія въ сущности перенесеніе университета изъ одного города въ другой и наблюдаемыя даже на поворотѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новой исторіи въ позднѣе основанныхъ германскихъ университетахъ, были яснымъ выраженіемъ идеи, что община чужеземцевъ, не привившаяся къ одному городу, ищетъ для себя болѣе подходящей почвы въ другомъ мѣстѣ, гдѣ она также останется общиною чужеземцевъ

Authentica Habita еще ничего не знаетъ объ университетѣ школяровъ и о ректорахъ университета. Самое большое, о чемъ можно заключить изъ содержанія этого закона,—есть существованіе ко времени изданія его мелкихъ земляческихъ союзовъ, не обезпеченныхъ въ спокойномъ существованіи и въ спокойныхъ занятіяхъ наукой. Привилегія Барбароссы должна была дать толчокъ къ дальнѣйшему развитію корпоративнаго начала: привилегія дарована *всѣмъ* пришельцамъ, желающимъ заниматься наукой въ чужомъ городѣ, и *всѣмъ* же нужно было сплотиться для охраны этой привилегіи и вообще для отстаиванія общихъ интересовъ отъ возможныхъ посягательствъ со стороны горожанъ Привилегіею создается особая подсудность для школяровъ предъ учителями ихъ, или предъ мѣстнымъ епископомъ по выбору школяровъ (вмѣсто общей подсудности городскимъ судьямъ) Но вскорѣ мы видимъ ректоровъ и другихъ должностныхъ лицъ школьной корпораціи: и юрисдикція, и поддержаніе дисциплины, и установленіе статутовъ оказываются въ рукахъ этой университетской организаціи, причемъ и сами учителя оказываются въ подчиненіи ректору, выбираемому школярами и изъ среды школяровъ же. Тутъ очевидно, идея университета, какъ ученаго цеха, съ мастерами во главѣ,—идея, несомнѣнно воспроизводившая-

ся въ парижскомъ и въ большей части другихъ средневѣковыхъ университетовъ,—встрѣтилась съ идеей гильдіи, какъ ассоціяціи чужеземцесъ, пришлыхъ людей, озабоченныхъ изысканіемъ средствъ къ спокойному существованію на чужбинѣ, и не только встрѣтилась (это можно сказать и о другихъ университетахъ, въ которыхъ такъ называемыя «націи» играли важную роль), но и подчинилась этой послѣдней идеѣ. Правда, и въ Болоньѣ собственно-учебное дѣло было, такъ сказать, царствомъ магистровъ,—въ школѣ магистры царствовали или управляли (отсюда средневѣковое выраженіе: magistri regentes—магистры—регенты или управляющіе, какъ синонимъ магистровъ преподающихъ или читающихъ (magistri legentes): они читали лекціи, руководили репетиціями, диспутаціями и вообще практическими упражненіями; они производили испытанія и испытанныхъ представляли компетентной власти, какъ способныхъ и достойныхъ полученія ученыхъ степеней. Но они подчинены университетскимъ статутамъ, выработаннымъ корпораціей школяровъ и регулирующимъ между прочимъ такіе предметы, какъ росписаніе лекцій и упражненій и даже надзоръ за аккуратностію въ исполненіи преподавательскихъ обязанностей, подчинены затѣмъ судебной и дисциплинарной власти ректора-школяра, выбраннаго корпораціей школяровъ. Въ Парижѣ, по образцу котораго развились порядки большей части другихъ университетовъ, мы конечно, не видимъ такого преобладанія учащихся надъ учащими: здѣсь все управленіе университетскими дѣлами находилось въ рукахъ магистровъ, и никогда школяры не обладали правомъ ни избирать, ни быть избираемыми въ университетскія должности даже и въ предѣлахъ «націй», такъ что идея ученаго цеха здѣсь вполнѣ торжествовала. Савиньи называлъ поэтому парижскій строй аристократическимъ, а болонскій демократическимъ. Позднѣйшіе изслѣдователи, впрочемъ, предостерегаютъ отъ искушенія доводить это различіе до рѣзкой противоположности между устройствомъ болон-

скимъ и парижскимъ. Положимъ, болонскій университетъ назывался и называлъ себя университетомъ школяровъ (universitas scholarium), а парижскій—университетомъ учителей (universitas magistrorum); но и въ Парижѣ едва ли не чаще говорили объ «университетѣ магистровъ и школяровъ», или даже просто объ университетѣ школяровъ. Во всякомъ случаѣ чувство корпоративной связи между учащими и учащимися парижскаго университета было не менѣе сильно, чѣмъ между членами болонскаго университета, точно такъ же какъ это чувство было сильно между членами всякаго ремесленнаго цеха, несмотря на разницу степеней, занимаемыхъ ими въ цеховой организаціи. Поэтому-то, какъ замѣчаетъ Кауфманъ, школяры парижскаго и другихъ однородныхъ университетовъ, сложившихся по одному типу съ парижскимъ (наприм., въ Оксфордѣ, Орлеанѣ, Тулузѣ), не усматривали въ своей организаціи учительскаго давленія, и Болонья никѣмъ и никогда не воспѣвалась, какъ прибѣжище академической свободы въ противоположность Парижу. Въ Болоньѣ, правда, иногда въ очень юномъ возрастѣ начинали изучать юриспруденцію; но это были обыкновенно болонцы же, мѣстные граждане, которые, собственно говоря, къ университету даже и не принадлежали. Университетъ составляли лица зрѣлаго возраста, пришельцы-чужеземцы, дослужившіеся иногда до высокихъ должностныхъ ранговъ, наприм., архидьяконъ и другіе прелаты, а пожалуй даже и кардиналы. Этимъ обстоятельствомъ болѣе, чѣмъ «демократическимъ духомъ» объясняется, почему школяръ могъ оказаться во главѣ университета, въ качествѣ его ректора. Въ Парижѣ подобное явленіе было немыслимо, но зато весь складъ жизни клонился къ тому, чтобы сглаживать разницу между учащими и учащимися. Не даромъ слово: «studentes» употреблялось для обозначенія не однихъ только учащихся школяровъ, а всѣхъ тѣхъ, которые штудируютъ, т.-е. посвящаютъ свои силы научнымъ занятіямъ — въ

качествѣ ли учителей, или въ качествѣ учениковъ (studentes docendo et addiscendo). Какъ уже выше было замѣчено, и какъ еще лучше разъяснится впослѣдствіи, когда рѣчь будетъ идти о факультетахъ, границу между учащими и учащимися въ средневѣковыхъ университетахъ провести было нелегко. Баккалавръ былъ, съ одной стороны, преподавателемъ, учителемъ, а съ другой продолжалъ оставаться ученикомъ. Мало того, магистръ низшаго факультета (искуствъ, artium), желавшій пріобрѣсти ученую степень по одному изъ высшихъ, становился въ положеніе школяра на этомъ послѣднемъ, затѣмъ въ положеніе подмастерья-баккалавра, и только получивъ высшую ученую степень на высшемъ факультетѣ, разрывалъ свою связь съ прежнимъ факультетомъ. Иногда человѣкъ безъ средствъ старался скопить себѣ малую толику преподавательскою дѣятельностію, съ тѣмъ чтобы потомъ имѣть возможность слушать лекціи какого нибудь прославленнаго учителя. Затѣмъ и учащіе, и учащіеся были обыкновенно (въ Парижѣ въ особенности) духовными лицами, причемъ учителя могли быть не старше своихъ учениковъ. Тѣ и другіе жили обыкновенно на одинаковыя средства, именно на доходы съ церковныхъ должностей, оставаѣшихся за ними, въ силу папской привилегіи, на время научныхъ занятій Тѣ и другіе были люди безбрачные и безсемейные, одинаково присягали въ повиновеніи ректору и статутамъ, пользовались общими университетскими привилегіями и подлежали общей дисциплинѣ, даже одинаково отличались въ разныхъ исторіяхъ, веселыхъ похожденіяхъ, попойкахъ и свалкахъ, одинаково жили въ коллегіяхъ или общежитіяхъ, какъ скоро появились эти послѣднія; на диспутахъ, наконецъ, школяръ могъ побить любого баккалавра, а, пожалуй, и самого магистра. Вотъ почему и учащіе, и учащіеся одинаково чувствовали и сознавали себя членами университета, и вотъ почему «аристократическимъ» строемъ Парижа не подрывалось средневѣковое понятіе

объ университетѣ, какъ ученомъ цехѣ, или какъ объ общественной организаціи, составившейся въ видахъ научныхъ интересовъ.

Таково понятіе университета въ средніе вѣка. Съ цѣлью обстоятельнаго ознакомленія съ средневѣковыми университетами, мы разсмотримъ въ отдѣльныхъ главахъ: 1) возникновеніе университетовъ, 2) дотацію и привилегіи университетовъ, 3) ихъ устройство, 4) возведеніе въ ученыя степени, 5) преподаваніе и вообще учебное дѣло въ университетахъ и 6) приведемъ себѣ въ ясность тѣ итоги, которые обнаружились къ концу среднихъ вѣковъ.

ГЛАВА I.

Возникновеніе университетовъ.

Древнѣйшіе университеты болонскій и парижскій возникли почти одновременно и не только повліяли на другіе, позднѣе возникавшіе, университеты, но и испытали взаимное вліяніе одного на другого въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи. Поэтому не излишне будетъ изложить генезисъ образованія обоихъ университетовъ въ ихъ начальныхъ фазахъ. Собственно говоря, древнѣйшею высшею школою въ западной Европѣ была салернская (спеціально медицинская), уже въ XI в. славившаяся въ Европѣ; но относительно прошлаго этой школы сохранилось мало извѣстій, и, кромѣ того, она не оставила послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ исторіи западноевропейскихъ университетовъ, такъ какъ и медицинскія же школы, позднѣе возникавшія, складывались по болонскому или парижскому образцу.

Начнемъ съ *Болоньи*.

Болонскіе юристы желали производить учрежденіе болонской школы правовѣдѣнія отъ императора Ѳеодосія II, учредительная якобы грамота котораго была даже внесена въ 1257 г. въ сборникъ важныхъ оффиціальныхъ документовъ. Грамота эта, по выраженію Фиттинга, есть одна изъ тѣхъ благочестивыхъ фальсификацій, которыя въ средніе вѣка столь же мало смущали совѣсть, какъ и похищеніе мощей. Не болѣе основательнымъ оказалось и другое, многіе вѣка господствовавшее, представленіе, что правовѣдѣніе находилось въ полномъ упадкѣ, и что

римское право оставалось совершенно неизвѣстнымъ на западѣ вплоть до XII в., когда, при императорѣ Лотарѣ, находившіеся съ нимъ въ союзѣ пизанцы завоевали Амальфи и въ числѣ другихъ вещей, доставшихся имъ въ добычу, взяли драгоцѣнный манускриптъ юстиніановскихъ пандектъ, находящійся теперь во Флоренціи и называемый флорентинскимъ спискомъ. Въ связь съ этимъ фактомъ и ставили до нынѣшняго столѣтія оживленіе римскаго права и правовѣдѣнія, представляя дѣло такъ, что императоръ Лотарь, подаривъ пизанцамъ рукопись за оказанныя ими услуги, вмѣстѣ съ тѣмъ, по совѣту Ирнерія, занимавшагося будто бы ранѣе изученіемъ права въ Константинополѣ и лучше другихъ понявшаго важное значеніе находки, предписалъ эдиктомъ повсемѣстное изученіе и примѣненіе судами римскаго права, и что, наконецъ, Ирнерій самъ и положилъ въ Болоньѣ начало научной обработкѣ римскаго права, почему и долженъ считаться основателемъ тамошней юридической школы, а вмѣстѣ и современнаго правовѣдѣнія. Савиньи въ своей знаменитой «Исторіи римскаго права въ средніе вѣка» опровергъ этотъ взглядъ, доказывая, что эдиктъ Лотаря есть не что иное, какъ сказка, и что римское право не было надобности вновь вводить, такъ какъ оно во всѣ эпохи среднихъ вѣковъ было въ дѣйствіи и въ живомъ примѣненіи, и что болонской школѣ предшествовали юридическія школы въ другихъ городахъ Италіи. Но и Савиньи все-таки приписывалъ Ирнерію «возстановленіе правовѣдѣнія», называя даже это возстановленіе «внезапнымъ». Яснѣе и точнѣе представляетъ дѣло Фиттингъ въ цѣнной брошюрѣ, составленной имъ по поводу празднованія въ 1888 г. восьмисотлѣтняго юбилея болонскаго университета: «Начала юридической школы въ Болоньѣ». Выводы позднѣйшихъ ученыхъ, какъ итальянецъ Беста, въ существенномъ сходятся съ выводами Фиттинга. Не говоря о томъ, что въ церковныхъ школахъ, охранявшихъ вообще во времена варварства остатки античной образованности, преподавались такъ назы-

ваемыя «свободныя искуства» (artes liberales), различавшіяся какъ trivium (грамматика, діалектика и риторика) и quadrivium (ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка), и въ связи съ риторикой, какъ особый родъ словесности, преподавалось право (хотя, разумѣется, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ),—для правовѣдѣнія существовали спеціальныя школы въ Римѣ и Равеннѣ, и, кромѣ того, школа лонгобардско-римскаго права въ Павіи. Одна любопытная черта отличаетъ эти доболонскія юридическія школы—несвязанность положительнымъ закономъ римскимъ (или лонгобардскимъ). Воображая себя преемниками классическихъ римскихъ юристовъ, которымъ предоставлено было «создавать право», и въ то же время мало знакомые съ источниками, доболонскіе юристы произвольно устанавливали разныя юридическія положенія, мотивируя ихъ требованіями справедливости. Эта несвязанность юристовъ почвою положительнаго закона, при малыхъ ресурсахъ умственнаго развитія и знанія, была одною изъ причинъ, почему болонская школа со времени Ирнерія, взявшаяся за точное изученіе самыхъ источниковъ юстиніанова права, затмила всѣ предшествовавшія школы и завоевала себѣ всемірную репутацію.

Любопытно, что толчокъ къ занятіямъ Ирнерія римскимъ правомъ былъ данъ маркграфинею Матильдою, извѣстною въ исторіи своею горячею приверженностію къ папѣ Григорію VII. По разсказу болонскаго юриста Одофреда XIII в. († 1265), до начала преподавательской дѣятельности Ирнерія въ Болоньѣ существовала школа искуствъ (studium in artibus), и самъ Ирнерій первоначально преподавалъ «искуства», а затѣмъ принесеніе юстиніановскихъ книгъ изъ Равенны въ Болонью дало ему поводъ заняться ими, но, съ другой стороны, еще раньше Ирнерія преподавалъ тамъ «законы» нѣкій Пепо, которому однако, какъ замѣчаетъ Одофредъ, не удалось достигнуть извѣстности. Ирнерій родился въ Болоньѣ и былъ гражданиномъ этого города, хотя о его жизни,

времени рожденія и смерти вообще мало извѣстно. Рожденіе его падаетъ на 1050—1060 гг. О немъ упоминается въ 1100 г., какъ о посланномъ императоромъ Генрихомъ IV судьѣ по одному дѣлу, и потомъ въ документѣ отъ 1113 г. какъ о членѣ судебнаго засѣданія въ присутствіи маркграфини Матильды. Предполагаютъ, что Ирнерій первоначально преподавалъ діалектику съ риторикой и, въ связи съ послѣднею, могъ до извѣстной степени заниматься правомъ. Въ разсказѣ Одофреда о принесеніи законныхъ книгъ изъ Равенны въ Болонью и о толчкѣ, данномъ этимъ событіемъ дѣятельности Ирнерія, усматривается зернышко истины: возможно, что нѣкоторыя отдѣльныя части юстиніанова законодательства Ирнерій добылъ только изъ Равенны. Большую важность имѣетъ то обстоятельство, что, судя по документамъ, раньше въ судахъ Тусціи (т.-е. во владѣніяхъ маркграфини Матильды) дѣйствовали равеннскіе юристы, которые затѣмъ замѣняются юристами изъ Болоньи. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что Матильда не желала имѣть дѣло съ юристами города, который сдѣлался центральнымъ пунктомъ теченій, враждебныхъ Григорію VII, особенно съ тѣхъ поръ, какъ изъ равеннской юридической школы вышелъ бурный памфлетъ противъ Григорія VII и, въ довершеніе всего, равеннскій архіепископъ выбранъ былъ какъ антипапа, съ цѣлью водворенія котораго на римской каѳедрѣ императоръ Генрихъ IV жесточайшимъ образомъ опустошилъ владѣнія маркграфини. Когда же притомъ, во время военныхъ походовъ Генриха въ Италію (1081—1084 г.), поддерживавшаяся дотолѣ въ Римѣ юридическая школа распалась, маркграфиня, вѣроятно, побудила молодого даровитаго человѣка, раньше уже съ успѣхомъ преподававшаго смежныя отрасли знанія, посвятить себя изученію римскаго права. И Ирнерій съ своей стороны не могъ не цѣнить покровительства могущественной государыни, изъ территоріи которой обезпечивался обильный притокъ слушателей. Послѣ смерти маркграфини, онъ, какъ видно, поступилъ на службу къ

императору Генриху V и участвовалъ, въ качествѣ императорскаго судьи, въ разныхъ судебныхъ засѣданіяхъ, а также дѣйствовалъ по исполненію разныхъ порученій императора. Приглашеніе Ирнерію было сдѣлано, по предположенію Фиттинга, около половины восьмидесятыхъ годовъ XI в.; поэтому Фиттингъ находилъ не безосновательнымъ празднованіе въ 1888 г. восьмисотлѣтняго юбилея болонскаго университета, хотя, собственно говоря, съ выступленіемъ Ирнерія, началось существованіе не университета, а школы, поставившей себѣ задачей точное изученіе юстиніановскихъ законныхъ книгъ, въ противность господствовавшему дотолѣ направленію. Юристы прежняго направленія, воображавшіе себя преемниками римскихъ классическихъ юристовъ, въ своихъ отвѣтахъ на вопросы, вызывавшіеся разными казусами практики, склонны были говорить тономъ законодателя и, при какомъ-нибудь рѣшительномъ отступленіи отъ юстиніанова законодательства, вмѣсто всякаго оправданія, довольствовались заявленіемъ, что кругъ юристовъ не даетъ юстиніанову закону полнаго примѣненія. Въ XI в., говоритъ Фиттингъ готово было возникнуть новое средневѣковое право на римской основѣ, но съ сильными уклоненіями отъ римскаго права, примѣнительно къ идеямъ и обстоятельствамъ времени. Но этотъ процессъ былъ прерванъ Ирнеріемъ и его преемниками. Въ уклоненіяхъ отъ юстиніанова права Ирнерій видѣлъ лишь не имѣющія никакого оправданія ошибки и результатъ недостаточнаго знакомства съ источниками, каковымъ и на самомъ дѣлѣ были отчасти эти уклоненія. Задачею Ирнерія и его преемниковъ было выяснить истинное и полное содержаніе юстиніанова права путемъ всеобъемлющаго и основательнаго изученія всѣхъ его частей. Вскорѣ и составилось убѣжденіе, что поистинѣ основательное и полезное знакомство съ римскимъ правомъ можно получить только въ Болоньѣ. Политика императора Фридриха I вполнѣ благопріятствовала этому направленію, такъ какъ, въ постоянныхъ спорахъ съ папой и въ борьбѣ съ лом-

бардскими городами, стремившимися къ независимости, онъ находилъ, что ему лучше всего опереться на букву существующаго права и ссылаться на юстиніановы законы, понятые въ ихъ первоначальномъ и подлинномъ смыслѣ. Получить знаніе римскаго права изъ единственно-чистаго источника устремилась въ Болонью масса учащихся изъ всѣхъ странъ запада, преимущественно изъ Германіи. Успѣху болонской школы могли содѣйствовать и благопріятныя естественныя условія города: сравнительно холодная и благопріятная для занятій зима, близость горъ, дававшихъ возможность пріятнаго освѣженія въ жаркіе лѣтніе дни, плодородная почва, обиліе винограда и овощей. Какъ при Ирнеріѣ, такъ и при его ближайшихъ преемникахъ, школьное дѣло въ Болоньѣ стояло на такихъ же основаніяхъ, на какихъ оно вообще держалось тогда въ Италіи. Это было частное дѣло предпринимателя—профессора, который, если обладалъ талантомъ и знаніями въ области своей спеціальности, могъ привлечь къ себѣ массу учащихся и пожинать плоды своихъ трудовъ въ видѣ условленнаго между обѣими сторонами гонорара, могъ побудить своимъ примѣромъ и другихъ способныхъ учителей къ преподавательской дѣятельности, но ни между учащими, ни между учащимися не было корпоративной связи, существовала только школа, которая столь же легко могла распасться, какъ она и возникла. Лишь позднѣе какъ Болонья, такъ и другіе итальянскіе города—республики оцѣнили всю важность высшей школы для ихъ политическаго престижа и старались наперерывъ не только устраивать высшія школы, но и переманивать къ себѣ учащихъ и учащихся изъ другого города, предлагая тѣмъ и другимъ выгодныя условія.

Уже изъ вышесказаннаго можно объяснить, почему въ Болоньѣ должна была разцвѣсть именно юридическая школа насчетъ другихъ отраслей знанія. Къ этому добавить нужно, что и Болонья, и другіе итальянскіе города—республики нуждались въ юристахъ для выработ-

ки своихъ статутовъ, для замѣщенія городскихъ должностей, для веденія внѣшнихъ сношеній. Другія отрасли знанія, какъ въ Болоньѣ, такъ и въ другихъ итальянскихъ университетахъ, не получили болѣе или менѣе значительнаго развитія, за исключеніемъ каноническаго права, которое съ половины XII в. стало разсматриваться и преподаваться какъ вѣтвь не теологіи, а юриспруденціи, параллельная римскому праву. Другихъ вѣтвей, или юридическихъ дисциплинъ, кромѣ римскаго и каноническаго права, не знали ни болонскій, ни другіе средневѣковые университеты. Преобладаніе юристовъ въ Болоньѣ сильно сказывается уже ко времени изданія аутентики «Habita». Въ рейхстагъ на ронкальскихъ поляхъ были приглашены четыре преподавателя — юриста, и привилегія была дарована тѣмъ, которые путешествуютъ ради научныхъ занятій, въ особенности преподавателямъ божественныхъ и священныхъ законовъ (omnibus qui causa studiorum peregrinantur scholaribus et maxime divinarum atque sacrarum legum professoribus). Привилегированная подсудность указана школярамъ, по ихъ выбору, «предъ ихъ *господиномъ* или *учителемъ*, или же предъ мѣстнымъ епископомъ» (coram domino aut magistro suo, vel ipsius civitatis episcopo). Юристы истолковали этотъ законъ такъ, что слово «господинъ» приложимо только къ нимъ однимъ, преподавателямъ же другихъ наукъ приличествуетъ лишь названіе «учитель». А въ дѣйствительности дарованная Фридрихомъ юрисдикція сдѣлалась почти исключительнымъ достояніемъ преподавателей права, такъ какъ школяры рѣдко обращались къ суду преподавателя-неюриста, пока неудобства этой профессорской юрисдикціи и развивавшійся больше и больше корпоративный строй не выдвинули ректорскую юрисдикцію. Любопытно еще, что юристы истолковали законъ Барбароссы въ томъ смыслѣ, что юрисдикція преподавателямъ другихъ отраслей *впервые дана* этимъ закономъ, а за ними самими она лишь *признана* и *подтверждена*, принадлежала же она имъ и безъ того на основаніи

юстиніановскаго закона (Omnem reipublicae § 10). Не невозможно впрочемъ, что и самъ Фридрихъ стоялъ на почвѣ этого закона, изданнаго Юстиніаномъ въ пользу юридической школы въ Беритѣ. У Юстиніана говорится, что надзоръ надъ писцами и извѣстное дисциплинарное наблюденіе надъ школярами предоставляется намѣстнику провинціи (Финикіи приморской), епископу и профессорамъ законовъ; Фридрихъ же превратилъ этотъ ограниченный надзоръ въ юрисдикцію вообще, а намѣстника провинціи, не приличествовавшаго Болоньѣ, обошелъ молчаніемъ; по крайней мѣрѣ, глосса (т.-е. толкованіе) къ данному мѣсту юстиніановскаго кодекса и къ «Habita» замѣчаетъ, что новый законъ есть лишь распространеніе юстиніановскаго. Любопытно, наконецъ, что и самый титулъ докторскій юристы присвояли себѣ однимъ, для остальныхъ преподавателей считая достаточнымъ титулъ магистра.

«Habita» была издана въ 1158 г., и къ этому времени, какъ выше было замѣчено, могли образоваться мелкія землячества, потому что всего проще и естественнѣе было людямъ, прибывшимъ на чужбину изъ одной и той же страны, дѣйствовать сообща и помогать другъ другу. Что прочной организаціи не существовало, видно изъ слѣдующаго факта: когда въ 1176 г. прибылъ въ Болонью папскій легатъ, его осадили жалобами на безпорядки и насилія при размѣщеніи по квартирамъ напиравшей отвсюду массы школяровъ. Богатые изъ нихъ перебивали, наддавая цѣну, у бѣдныхъ занятыя уже послѣдними помѣщенія, такъ что бѣдняки выгонялись изъ квартиръ въ серединѣ года, до истеченія срока найма, вслѣдствіе чего еще болѣе затруднялась возможность отысканія квартиръ. Легатъ угрожалъ за подобныя насилія и вѣроломство отлученіемъ отъ церкви; но, нѣсколько лѣтъ спустя, папскій же легатъ нашелъ тѣ же самыя явленія въ Болоньѣ и снова повторилъ тѣ же угрозы. Дѣло, дѣйствительно, было серьезное: по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, число штудирующихъ въ Болоньѣ доходило до

10,000 и болѣе, и оказывалось, что школяры могли терпѣть не отъ притѣсненій только со стороны горожанъ, а и отъ недостатка товарищеской взаимности въ средѣ самихъ же школяровъ. Но вотъ, въ первой половинѣ XIII в., мы наблюдаемъ нѣчто новое: малыя землячества или мелкіе союзы слились въ двѣ большія universitates— университетъ ультрамонтановъ и университетъ цитрамонтановъ (разумѣется, съ итальянской точки зрѣнія: ультрамонтаны—это пришельцы изъ-за альпійскихъ горъ, цитрамонтаны—пришельцы изъ разныхъ городовъ Италіи, которымъ не было надобности переходить черезъ Альпы, чтобы достигнуть Болоньи). Оба университета распадались на частичные союзы («провинціи» или «королевства», какъ ихъ называли). Такъ наприм., университетъ ультрамонтановъ въ 1265 г. составлялся изъ 13-ти провинціальныхъ союзовъ (галлы, пикардійцы, бургунды, пришельцы изъ Пуату, Тура и Ле-манса, норманны, каталонцы, венгры, поляки, германцы, испанцы, провансальцы, англичане и гасконцы). Университетъ цитрамонтанскій составлялся изъ еще большаго числа «королевствъ» (до 18-ти). На взаимодѣйствіи обоихъ университетовъ, ультрамонтанскаго и цитрамонтанскаго, покоилась потомъ жизнь цѣлаго болонскаго университета. Но такъ какъ въ обоихъ университетахъ господствовали юристы, а между тѣмъ въ Болоньѣ находилось не мало и такихъ лицъ, которыя штудировали медицину и свободныя искуства (trivium и quadrivium), и которыя тяготились своею зависимостію отъ юристовъ, выражавшеюся уже въ томъ одномъ, что ректоромъ могъ быть избранъ только юристъ: то медики съ «артистами» учинили расколъ, образовавъ новый университетъ съ особымъ ректоромъ. Юристы старались было помѣшать этой затѣѣ и подстрекнули даже городъ запретить имъ образованіе новаго университета (каковое запрещеніе, дѣйствительно, и состоялось въ 1295 г.); но въ 1316 г. особый университетъ съ особымъ ректоромъ былъ формально признанъ въ мирномъ соглашеніи юридическаго упи-

верситета съ городомъ. Во второй половинѣ XIV в. (въ 1362 г.,) включена была еще въ университетъ папой Иннокентіемъ VI-мъ теологическая школа, организованная однако по парижскому образцу, т.-е. съ сосредоточеніемъ власти въ рукахъ магистровъ. Вообще же говоря, университетъ болонскій (т.-е. два юридическихъ университета—ультрамонтанскій и цитрамонтанскій—и университетъ медиковъ съ артистами) обнималъ собою именно штудирующихъ пришельцевъ: профессора могли входить въ корпоративный строй, лишь насколько они были пришельцами же, т.-е. не были природными болонскими гражданами, или не получили правъ болонскаго гражданства втеченіе своей профессорской дѣятельности. Но такъ какъ профессора все-таки не могли не оставаться управляющими собственно школьнымъ или учебнымъ дѣломъ вплоть до испытаній на ученыя степени включительно, то, въ противовѣсъ университету школяровъ, они составили изъ себя коллегіи, какъ предохранительное средство противъ полнаго подчиненія ректорамъ школяровъ. Такъ явились профессорскія коллегіи юристовъ, нотаріальнаго искуства, медиковъ, артистовъ. Эти коллегіи не были общежитіями въ томъ смыслѣ, въ какомъ развились коллегіи въ другихъ университетахъ, отчасти и въ итальянскихъ, но въ послѣднихъ только для бѣдныхъ школяровъ.

Со времени изданія въ 1219 г. декретала папы Гонорія III, поставленъ былъ въ извѣстныя отношенія къ болонскому университету архидьяконъ болонскаго каѳедральнаго капитула. Изъ декретала папы можно заключить, что если раньш и существовали испытанія, пред-че шествующія возведенію въ ученыя степени, то недостаточно регулированныя. Часто случается, говоритъ папа, что въ Болоньѣ люди неподготовленные допускаются къ учительству, вслѣдствіе чего и репутація учителей страдаетъ, и пользамъ школяровъ, желающихъ учиться, наносится ущербъ. Вотъ почему папа, въ видахъ поддержанія чести школы и интересовъ учащихся, предписы-

ваетъ, чтобы на будущее время *лиценція*, (т.-е. дозволеніе учить, licentia docendi) давалась архидьякономъ, на основаніи предшествующаго, тщательно произведеннаго профессорами, испытанія. А когда въ XIV в. въ университетъ включена была теологическая школа, то лиценцію въ теологіи предоставлено было давать епископу болонскому, на основаніи таковаго же предварительнаго испытанія, такъ что съ этого времени юристы съ канонистами, медики и артисты должны были получать лиценцію отъ архидьякона, а теологи отъ епископа. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что къ болонскому университету примѣненъ былъ тотъ порядокъ, который успѣлъ къ тому времени развиться въ парижскомъ университетѣ, гдѣ такъ называемый канцлеръ, также членъ каѳедральнаго капитула, располагалъ правомъ давать лиценцію. Вліяніемъ же Парижа нужно объяснить и то, что названіе «канцлера» сдѣлалось техническимъ для обозначенія того должностного лица, отъ котораго исходитъ лиценція, хотя бы въ дѣйствительности дѣло это возлагалось не на каѳедральнаго канцлера, а на другаго члена каѳедральнаго капитула (архидьякона, схоластика), или даже на самого епископа. Но въ болонскомъ, равно какъ и въ другихъ итальянскихъ университетахъ, порядки которыхъ были большимъ или меньшимъ подражаніемъ болонскимъ порядкамъ, духовный прелатъ, хотя бы онъ назывался и канцлеромъ, остался въ сторонѣ отъ университета, какъ внѣшняя власть, контролирующая производство испытаній на ученыя степени. Итальянскіе университеты, за исключеніемъ неапольскаго (о чемъ ниже), принадлежатъ къ одному и тому же типу городскихъ университетовъ, подчиненныхъ городскому правительству, въ отличіе отъ канцлерскихъ университетовъ, въ которыхъ канцлеръ, располагавшій правомъ давать лиценцію, выступилъ и въ другихъ отношеніяхъ какъ университетская власть. Древнѣйшій университетъ этой категоріи есть *парижскій*.

Парижскій университетъ несомнѣнно возникъ въ связи

съ церковными учрежденіями и подъ вліяніемъ церковныхъ властей. Строго говоря, въ средніе вѣка не существовало общаго взгляда, по которому школьное дѣло считалось бы исключительною монополіею церкви. Основу, на которой покоилось все школьное дѣло среднихъ вѣковъ, составляло законодательство Карла Великаго и его преемниковъ. Нельзя, правда, отрицать, что и Карлъ Великій, при учрежденіи школъ, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ потребности церкви, что его главными совѣтниками и помощниками были духовныя лица, и что, наконецъ, всѣ основанныя имъ школы, за исключеніемъ придворной, были церковными и монастырскими. Но всѣмъ этимъ указывается скорѣе на то, что Карлу Великому трудно было найдти въ какой-либо другой средѣ, кромѣ духовенства, грамотныхъ людей, способныхъ заниматься школьнымъ дѣломъ, чѣмъ на школьную монополію, и при томъ не духовенства вообще, а духовенства каѳедральнаго. Папа Александръ III (въ декреталѣ, занесенномъ потомъ въ оффиціальный каноническій сборникъ Григорія IX) провозгласилъ свободу открытія учебныхъ заведеній безъ пригѣсненій со стороны епископа или канониковъ его каѳедральнаго капитула. Однако, въ противоположность этому воззрѣнію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ и личныхъ отношеній, епископъ или каноникъ, на котораго спеціально возлагалось попеченіе о каѳедральной школѣ, претендовалъ на нѣчто въ родѣ школьной монополіи по отношенію къ городу, или даже къ цѣлому епископскому діэцезу (по нашему – епархіи). Надобно замѣтить, что въ составѣ каѳедральнаго духовенства при епископѣ, образующаго собою капитулъ, отдѣльные члены носятъ вообще названіе канониковъ, и должности ихъ, какъ членовъ капитула, вообще называются каноникатами, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, отправляющіе особыя должности, носятъ и особыя названія, какъ архидьяконъ, деканъ, пробстъ, канцлеръ, схоластикъ, оффиціалъ, канторъ и друг. Обыкновенно попеченіе о каѳедральной школѣ воз-

лагалось на схоластика, самое названіе котораго произошло отъ его спеціальной функціи — руководить школой (schola); но иногда, за неимѣніемъ въ капитулѣ особаго схоластика, дѣло это возлагалось на кого-либо другого, между прочимъ на канцлера (cancellarius), который, самъ по себѣ, былъ чѣмъ-то въ родѣ церковнаго секретаря или нотаріуса, который составлялъ именно оффиціальныя церковныя грамоты и документы, скрѣпляя ихъ приложеніемъ церковной печати, хранившейся у него же. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ каѳедральному духовенству въ самомъ дѣлѣ и удалось провести свои притязанія на школьную монополію. Наприм., городъ Бреславль въ 1267 г. не считалъ себя въ правѣ устроить школу, хотя епископская школа находилась за городскими воротами, и посѣщеніе ея затруднялось дурными дорогами и опасными мостами: городъ могъ устроить у себя школу, лишь послѣ того какъ получено было дозволеніе на это отъ епископа. Подобнымъ же образомъ Любекъ въ XIII в. признавалъ школьную монополію каѳедральной церкви, или наприм., въ Ашафенбургѣ схоластикъ имѣлъ исключительное право держать школу и дозволять открытіе школъ въ предѣлахъ цѣлаго архидьяконскаго округа.

Исторія возникновенія парижскаго университета, не смотря на усердную ея разработку въ довольно большой литературѣ, все еще представляетъ нѣсколько неясныхъ и спорныхъ между учеными изслѣдователями пунктовъ. Въ ближайшемъ отношеніи къ началу парижскаго университета стоятъ каѳедральная школа при Нотръ-Дамъ, состоявшая подъ руководствомъ каѳедральнаго канцлера, и двѣ монастырскія школы—аббатства св. Женевьевы и аббатства св. Виктора, особенно первая изъ нихъ, въ которой процвѣтали главнымъ образомъ *artes*, искусства, тогда какъ школы каѳедральная и св Виктора были по преимуществу теологическими. Повидимому, въ Парижѣ никто не думалъ о школьной монополіи, и считалось лишь не подлежащимъ сомнѣнію, что никто не

можетъ устроить школу и выступать въ качествѣ учителя на чужой землѣ безъ разрѣшенія землевладѣльца. Отсюда слѣдовало, что тотъ, кто желалъ учить въ зданіяхъ или на землѣ, принадлежавшихъ каѳедральной церкви или аббатству св. Женевьевы, долженъ былъ испрашивать дозволеніе на то у каѳедральнаго канцлера, или у аббата, но что, съ другой стороны, не было никакихъ препятствій открывать школы въ другихъ мѣстахъ и предмѣстьяхъ Парижа, особенно въ монастыряхъ и подъ ихъ покровительствомъ. Но двѣ названныя школьныя области, т.-е. каѳедральная и св. Женевьевы, уже въ первой половинѣ XII в., успѣли завоевать себѣ блестящую репутацію, которая привлекала къ нимъ массу учащихъ и учащихся. Мнѣніе теологовъ парижской каѳедральной школы цѣнилось и принималось во вниманіе при разрѣшеніи богословскихъ споровъ о пресуществленіи (transsubstantiatio) хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христовы, о непорочномъ зачатіи (immaculata conceptio) Св. Дѣвы, а въ началѣ второй половины XII в. англійскій король Генрихъ II Плантагенетъ отдалъ на рѣшеніе парижскихъ теологовъ свой споръ съ Ѳомой Бекетомъ, архіепископомъ кэнтербюрійскимъ. Что же касается школьной области св. Женевьевы, то прославленію ея немало способствовалъ Петръ Абеляръ, учившійся сначала въ каѳедральной школѣ у каноника Вильгельма Шампо, потомъ вступившій въ состязаніе съ своимъ учителемъ и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ устроить школу въ другихъ мѣстахъ, разбившій свою палатку на сѣверномъ склонѣ возвышенности, на которой расположено аббатство св. Женевьевы, и своей блестящей діалектикой привлекшій къ себѣ массу слушателей изъ всѣхъ странъ Европы. Преподаваніе Абеляра въ Парижѣ, съ перерывами, продолжалось приблизительно отъ 1102 до 1136 г., и послѣ того какъ его злосчастный романъ съ Элоизой и другія обстоятельства заставили его навсегда покинуть Парижъ, школьное дѣло было продолжаемо его учениками, такъ что, на этомъ основаніи,

нѣкоторые изслѣдователи Абеляра именно и считали виновникомъ возникновенія парижскаго университета; новѣйшія изслѣдованія высказываются противъ этого взгляда, но охотно допускаютъ, что Абеляръ проложилъ дорогу будущему университету.

Школьную область св. Женевьевы называли въ Парижѣ: «на горѣ» (in monte), а каѳедральную область: «между двумя мостами» (inter duos pontes), такъ какъ она расположена была на островѣ Сены; на лѣвомъ берегу Сены основался и такъ называемый латинскій кварталъ, а книгопродавцы уже вначалѣ XIII в. облюбовали себѣ мѣсто близъ соборнаго храма парижской Богоматери.

Мы сказали, что Абеляръ проложилъ дорогу будущему университету; это нужно понимать такъ, что именно въ школьной области св. Женевьевы начался процессъ образованія землячествъ, изъ которыхъ позднѣе составились націи,—процессъ столь же естественный, какъ и въ Болоньѣ, и начавшійся едва ли даже не раньше, чѣмъ въ Болоньѣ. Въ настоящее время, впрочемъ, признается ошибочнымъ утвержденіе Савиньи, что уже въ 1206 г. четыре націи вступили между собою въ договорное соглашеніе о выборѣ ректора. Событіе это случилось по крайней мѣрѣ 20 ю годами позднѣе: къ началу XIII в. четырехъ организованныхъ націй еще не существовало, но университетская корпорація начинала уже выступать весьма отчетливо, и не въ школьной области св. Женевьевы, а въ области Нотръ-Дамъ, на островѣ. Не школяры, а магистры образовали здѣсь корпоративное соединеніе, подъ дирекціей каѳедральнаго канцлера, который и сдѣлался главой парижскаго университета, и когда позднѣе въ строй университета вошли націи, то характеръ профессорской корпораціи повліялъ и на эти послѣднія, такъ какъ и въ предѣлахъ націй всякое управленіе дѣлами сосредоточилось въ рукахъ магистровъ—членовъ націй, а не школяровъ. Предполагаютъ, что толчкомъ къ корпоративному соединенію магистровъ,

т.-е. учителей, проходившихъ учительскую должность на островѣ съ дозволенія каѳедральнаго канцлера и въ зависимости отъ него, послужила обнаружившаяся и сознанная необходимость регулировать переходъ отъ ученичества къ учительству. Уже примѣръ Абеляра показывалъ, что любой талантливый и честолюбивый юноша могъ быстро превратиться изъ ученика въ учителя. Каѳедральный канцлеръ давалъ дозволеніе учить (licentiam docendi) всѣмъ, желавшимъ заняться преподавательской практикой, какой бы отрасли знанія дѣло ни касалось, и велъ надзоръ за ними, такъ что всѣ преподаватели въ области Нотръ-Дамъ (а они считались сотнями) зависѣли отъ канцлера и состояли къ нему въ одинаковомъ отношеніи. А, съ другой стороны, тѣ же самые преподаватели могли содѣйствовать канцлеру при дачѣ имъ лиценціи, такъ какъ канцлеръ, если онъ желалъ дѣйствовать добросовѣстно, нуждался въ свидѣтельствѣ магистровъ о достаточной подготовкѣ и способности лиценціата. Отсюда вытекали общіе интересы канцлера и преподавателей въ отношеніи къ школьнымъ занятіямъ и къ штудирующимъ, а общіе интересы, какъ справедливо замѣтилъ Денифле, искони ведутъ къ образованію интерессентами общественныхъ союзовъ

Но если зарожденіе корпораціи магистровъ совершилось не въ оппозицію канцлеру, а въ зависимости отъ него и въ общихъ съ нимъ интересахъ, то окрѣпло корпоративное начало несомнѣнно въ борьбѣ съ канцлеромъ и при поддержкѣ папъ. Прежде чѣмъ, однако, сказать объ этой борьбѣ, слѣдуетъ упомянуть о распоряженіи короля Филиппа-Августа, которое было вызвано столкновеніемъ школяровъ съ горожанами въ 1200 г. Служитель одного знатнаго школяра германскаго происхожденія былъ побитъ въ одной изъ парижскихъ таверенъ; въ отместку за это толпа школяровъ, ворвавшись въ кабачекъ, избила содержателя до полусмерти, а это въ свою очередь привело въ ярость горожанъ, которые, вѣроятно, рады были подвернувшемуся случаю отплатить шко-

лярамъ за разные ихъ старые грѣхи. И вотъ они, подъ предводительствомъ превѡ, напали на домъ, въ которомъ жили германскіе школяры, убили того знатнаго господина, служитель котораго вольнымъ или невольнымъ образомъ подалъ поводъ къ столкновенію, и нѣсколько другихъ лицъ. Магистры пожаловались королю на насилія со стороны горожанъ, угрожая вмѣстѣ и съ школярами покинуть Парижъ. Король, чтобы уладить дѣло мирнымъ образомъ, опредѣлилъ, что на будущее время школяръ, арестуемый за преступленія, долженъ быть выдаваемъ духовному суду, т.-е. епископу, который могъ осуществлять свою судебную власть или черезъ оффиціала (т.-е. черезъ тотъ должностной органъ, который вѣдалъ судъ въ общемъ порядкѣ епархіальнаго управленія по всѣмъ дѣламъ и надъ всѣми лицами въ объемѣ церковно-судебной компетенціи), или черезъ канцлера. Послѣдній на самомъ дѣлѣ сдѣлался постояннымъ представителемъ епископа по выполненію возложенной на него королемъ задачи, и въ рукахъ канцлера оказалась судебная власть надъ всѣмъ ученымъ людомъ. Единство подсудности должно было, разумѣется, содѣйствовать укрѣпленію солидарности, а вскорѣ послѣ того папа Иннокентій III предоставилъ магистрамъ имѣть постояннаго представителя или синдика для веденія гражданскихъ дѣлъ, право составлять статуты и обязываться взаимно присягой къ соблюденію ихъ. Это было въ 1208—1209 гг. Но вскорѣ же раздаются жалобы на злоупотребленія со стороны канцлера, и начинается оппозиція ему со стороны магистровъ. Оказалось, что до 1212 г. не существовало никакого статута, которымъ бы регулировался образъ дѣйствій канцлера при дачѣ имъ лиценціи. Разумѣется, какъ уже замѣчено было выше, канцлеръ, если онъ желалъ дѣйствовать добросовѣстно въ этомъ отношеніи, не могъ обойдтись безъ свидѣтельства профессоровъ о годности кандидатовъ на лиценцію. Но, повидимому, не всѣ канцлеры дѣйствовали по этой методѣ. Въ 1212 г. папа Иннокентій III (который самъ

раньше учился въ Парижѣ), очевидно, по поводу заявленныхъ ему жалобъ, обратился въ Парижъ съ посланіемъ, изъ котораго видно, что канцлеръ и лиценцію давалъ, не справляясь съ сужденіемъ магистровъ о качествѣ кандидатовъ, и вымогалъ отъ желающихъ вести школьное дѣло присягу на вѣрность и повиновеніе своей особѣ, иногда и деньги, да, кромѣ того, и въ качествѣ судьи, заключалъ въ тюрьму безъ достаточнаго основанія. Результатомъ папскаго посланія былъ компромиссъ въ слѣдующемъ 1213 г. между канцлеромъ и магистрами при посредничествѣ папскаго легата. Въ силу этого соглашенія, канцлеръ обязался не арестовать ни одного школяра, за исключеніемъ случаевъ тяжкихъ преступленій, которыя давали бы поводъ опасаться, что виновный ускользнетъ отъ суда бѣгствомъ, и самые вызовъ и арестъ производить не черезъ городскую полицію, а по возможности черезъ своихъ служителей, при чемъ распоряженіе о лишеніи свободы можетъ быть обжаловано епископу и его оффиціалу. Денежные штрафы канцлеръ обязывался налагать только съ извѣстными ограниченіями, такъ чтобы штрафныя суммы во всякомъ случаѣ не составляли источника доходовъ. Въ силу договора, съ другой стороны, за канцлеромъ признается право давать лиценцію даже и безъ предварительнаго испытанія и рекомендаціи магистрами, но рѣшительно отрицается право отказывать въ лиценціи кандидату, рекомендованному магистрами — или большинствомъ магистровъ (по общему правилу), или шестью магистрами, изъ которыхъ трое выбираются магистрами же, а трое канцлеромъ на шесть мѣсяцевъ (при лиценціи «въ искуствахъ»). При утвержденіи этого соглашенія въ Римѣ, въ 1215 г., по слѣдній пунктъ былъ измѣненъ такимъ образомъ, что канцлеръ вообще можетъ давать лиценцію только на основаніи предварительнаго испытанія, произведеннаго магистрами, и притомъ лиценцію въ искуствахъ (in artibus) не раньше какъ по достиженіи кандидатомъ 21 года, а лиценцію въ теологіи не раньше достиженія 35-лѣт-

няго возраста. Добавлено еще, что всякій, заплатившій за лиценцію деньги канцлеру или кому-либо другому, устраняется отъ учительской должности. Канцлеръ, однако, не успокоился и, какъ видно, привлекъ на свою сторону епископа: оба они стали оспаривать право магистровъ составлять статуты и обязываться подъ присягой и съ угрозой штрафами къ соблюденію статутовъ, угрожая отлученіемъ отъ церкви всѣмъ тѣмъ, кто сталъ бы принимать участіе въ подобныхъ актахъ. По жалобѣ корпораціи, папа принялъ ея сторону и поручилъ архіепископу руанскому отмѣнить распоряженіе епископа. Но такъ какъ епископъ продолжалъ свои притѣсненія и подвергъ отлученію отъ церкви апеллировавшихъ къ папѣ магистровъ и школяровъ, то всѣ магистры пріостановили чтенія. Папа кассировалъ епископское отлученіе, объявивъ притомъ, что на будущее время никто не долженъ дерзать провозглашать подобные приговоры противъ парижскаго университета безъ особаго соизволенія папскаго престола. Въ 1222 году папѣ снова пришлось вступиться за университетъ, такъ какъ епископъ, не смотря на запрещеніе, снова отлучилъ отъ церкви разныхъ магистровъ и школяровъ и для того, чтобы пресѣчь распри въ самомъ источникѣ, папа слѣдующимъ образомъ регулировалъ отношенія между епископомъ и канцлеромъ, съ одной стороны, и университетомъ, съ другой: судебная власть принадлежитъ епископу и осуществляется имъ черезъ оффиціала или черезъ канцлера; за канцлеромъ признается право давать лиценцію, но тюрьма, которую канцлеръ выстроилъ для школяровъ, должна быть разрушена; школяры могутъ быть арестуемы только тогда, когда безъ этого обойдтись нельзя, и только по распоряженію епископа, а не канцлера, и въ такомъ случаѣ должны содержаться подъ приличнымъ арестомъ (honeste); осуждаются претензіи канцлера на отобраніе отъ магистровъ присяги на вѣрность, а также злоупотребленія канцлера при дачѣ лиценціи. Непредусмотрѣннымъ оставался вопросъ о печати, а между тѣмъ

обладаніе печатью, по средневѣковымъ понятіямъ, считалось столь же безусловно необходимымъ признакомъ всякой universitas, какъ общая касса и общее имущество, синдикъ и право установленія статутовъ. До 1221 г. корпорація не имѣла своей печати; университетскія бумаги всякій разъ препровождались къ канцлеру для приложенія печати, и, какъ скоро корпорація завела свою печать, канцлеръ протестовалъ, настаивая на своемъ исключительномъ правѣ скрѣплять печатью университетскіе акты. Папа Гонорій III, къ которому обратились стороны, медлилъ рѣшеніемъ, потому, вѣроятно, что вопросъ и въ самомъ дѣлѣ былъ не изъ легкихъ (мы увидимъ, что онъ и остался неяснымъ, служа источникомъ недоразумѣній): смотрѣть ли на канцлера, какъ на главу университета, входящую въ самый строй корпораціи, въ качествѣ ея составного элемента, или какъ на внѣшнюю, постороннюю для корпораціи, власть? Съ первой точки зрѣнія трудно было возражать противъ нахожденія печати въ рукахъ канцлера, а цѣлое развитіе университетской корпораціи до сихъ поръ шло именно въ этомъ направленіи, указывая на канцлера, какъ на шпицъ корпоративной организаціи. Не давая тотчасъ рѣшительнаго отвѣта, папа распорядился, чтобы впредь до его рѣшенія, корпорація не употребляла своей печати, и чтобы противъ епископа, канцлера и тѣхъ изъ магистровъ и школяровъ, которые склонятся на ихъ сторону, не было предпринимаемо никакихъ репрессивныхъ мѣръ со стороны корпораціи. Однако, магистры, не смотря на папское запрещеніе, продолжали употреблять свою печать, и когда папскій легатъ сломалъ ее, школяры подняли бунтъ, для усмиренія котораго потребовались королевскія войска. Легатъ отлучилъ отъ церкви дѣйствовавшихъ противъ него магистровъ и школяровъ, и какъ велико было ихъ число, видно изъ того, что на одномъ лишь соборѣ буржскомъ пришлось дать абсолюцію 80-ти магистрамъ. Въ концѣ концовъ корпорація добилась права имѣть собственную печать: это право полу-

чено было университетомъ въ 1252 г. отъ папы Иннокентія IV.

Въ то же самое время шла внутренняя организаціонная работа, такъ-сказать, въ нѣдрахъ самой корпораціи: образованіе факультетовъ и націй представляетъ едва ли не самую любопытную страницу въ исторіи возникновенія парижскаго университета. Слѣдя за исторіей возникновенія болонскаго университета, мы не встрѣчались съ факультетами, потому что ихъ тамъ не было; нѣкоторое слабое подобіе факультетовъ можно усматривать лишь въ упоминавшихся выше докторскихъ коллегіяхъ. Факультеты явились именно въ Парижѣ и изъ Парижа были заимствованы въ другіе университеты, особенно въ германскіе. Въ одномъ оффиціальномъ документѣ отъ 1254 г. (litera universitatis magistrorum et scholarium Parisius studentium) значится, что источникъ мудрости (sapientiae fons) въ Парижѣ дѣлится на четыре факультета: теологію, юриспруденцію, медицину и философію (разумную, естественную и моральную), — это какъ бы четыре рѣки рая (quasi quatuor paradisi flumina), о которыхъ говорится въ книгѣ Бытія. Профессора этихъ факультетовъ, говорится въ документѣ, чтобы имѣть возможность съ большими свободой и спокойствіемъ предаваться научнымъ занятіямъ, связавъ себя нѣкоторыми спеціальными узами права (quodam juris speciali vinculo sociati), образовали изъ себя корпорацію (corpus collegii sive universitatis), получившую затѣмъ разныя привилегіи. Это историческое свидѣтельство нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что парижскій университетъ образовался путемъ соединенія четырехъ факультетовъ, существованіе которыхъ такимъ образомъ предшествовало бы образованію университета, такъ какъ подобное предположеніе, замѣчаетъ Денифле, противорѣчило бы всѣмъ извѣстнымъ историческимъ даннымъ. Образовательнымъ элементомъ парижскаго университета были просто магистры разныхъ отраслей знанія, факультеты же образовались позднѣе силою солидарности, связывавшей от-

дѣльныя группы преподавателей одной и той же дисциплины. Наприм., теологи естественнымъ образомъ обособились отъ остальныхъ потому, что съ преподаваніемъ теологіи связывалось право проповѣди, и теологи состояли въ большей, чѣмъ всѣ другіе, зависимости отъ епископа, да къ тому же, и по возрасту своему, они были солидными людьми (не моложе 35 л.). Медики должны были на первый планъ ставить практику, а не теоретическое преподаваніе. Объ артистахъ нечего и говорить: всѣми условіями своего существованія они обособлялись отъ остальныхъ, и если гдѣ должна была почувствоваться потребность въ правилахъ для общаго регулированія дѣлъ, равно касавшихся и учителей, и учащихся, то всего сильнѣе у артистовъ.

Надобно замѣтить, что слово „facultas», само по себѣ, означаетъ способность, въ примѣненіи къ научной отрасли—способность преподавать эту отрасль, а также и самую отрасль преподаваемую. Въ послѣднемъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ обособленной области знанія или научной отрасли, въ первый разъ слово «facultas» было употреблено папой Гоноріемъ III въ 1219 г. въ его посланіи къ парижскому университету: здѣсь говорится, что школяръ, выдержавшій испытаніе и получившій лиценцію, можетъ свободно «управлять» въ той отрасли (facultas), въ которой дана ему лиценція. Но въ 1255 г. выраженіе это употребляется уже въ новомъ значеніи. Артисты говорятъ: «мы... магистры искусствъ... въ виду новыхъ и неисчислимыхъ опасностей, угрожающихъ нашему *факультету*», а въ январѣ 1259 г. тѣ же артисты, для отвращенія опасностей, угрожающихъ имъ, требуютъ присяги предъ цѣлымъ *факультетомъ* (jurent coram tota facultate). Ясно, говоритъ Денифле, что «facultas» понимается здѣсь уже не въ смыслѣ науки, а въ смыслѣ совокупности магистровъ извѣстной области знанія, т.-е. въ современномъ значеніи факультета. Но что же случилось послѣ 1219 года? Магистры отдѣльныхъ отраслей стали составлять общіе статуты, соединяясь въ общія со-

бранія, сообща производить испытанія, возводить въ ученыя степени, возведенныхъ принимать въ свое общеніе, недостойныхъ исключать и т. д. Твердою точкой опоры для процесса развитія факультетовъ послужила булла папы Григорія IX «Parens scientiarum» 1231 г., которую обыкновенно называютъ «великою хартіей» (magna charta) парижскаго университета. Въ папской буллѣ подтверждаются порядки, установленные 1222 въ г., но всѣ факультеты трактуются отдѣльно, каждый самъ по себѣ, и каждому дается полномочіе «устанавливать уставы и порядки, какіе окажутся нужными, относительно способа и часовъ чтенія, относительно диспутацій, костюма, погребенія умершихъ, относительно баккалавровъ... таксированія квартиръ, дисциплинарныхъ мѣръ противъ ослушниковъ», причемъ даже прямо воспрещается одному факультету вмѣшиваться въ дѣла другого. Отъ статутовъ и распоряженій отдѣльнаго факультета должны были различаться постановленія цѣлой «universitas», обязательныя для всѣхъ факультетовъ; исключеніе изъ факультета разсматривалось, какъ исключеніе изъ цѣлаго университета вообще, и напротивъ, мнѣніе наприм. теологическаго факультета по какому-нибудь вопросу разсматривалось, какъ мнѣніе цѣлаго университета.

Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, въ виду описаннаго положенія дѣлъ, что мало-по-малу названіе научной отрасли перенесено было на совокупность преподавателей этой отрасли. Но и позднѣе еще, въ папскихъ и императорскихъ учредительныхъ грамотахъ подъ «facultas» разумѣется научная отрасль, и даже не одна изъ четырехъ, соотвѣтствующимъ четырехъ факультетамъ, а всякая научная спеціальность Папа (всего чаще) или императоръ (рѣже) соизволяли на открытіе въ данномъ городѣ «генеральной школы», въ которой должно вестись преподаваніе по богословію, каноническому и гражданскому праву, медицинѣ, грамматикѣ, діалектикѣ и всякой другой дозволенной спеціальности (et in qualibet alia *licita facultate*), причемъ слово «дозволенная» означало,

что разныя недозволенныя «искуства», напр., волшебство, исключаются изъ университетскаго преподаванія.

Изъ взгляда на факультетъ, какъ на организованную совокупность преподавателей, вооруженную правомъ составлять статуты и проч., логически выводилась необходимость придать корпоративную законченность факультетской организаціи: во главѣ факультетовъ стали деканы (названіе, заимствованное изъ церковной организаціи каѳедральныхъ капитуловъ), и каждый факультетъ получилъ особую печать. Все это дѣлалось не вдругъ, а постепенно. Юристы и медики получили деканов въ 1267 г.; печать юристы получили въ 1271 г., медики въ 1274 г.; теологи дольше другихъ оставались въ непосредственной зависимости отъ канцлера, который обыкновенно самъ былъ теологомъ, и получили декана лишь въ 1296 г. а артисты и совсѣмъ не получили декана,—почему, выяснится ниже, когда мы будемъ говорить о націяхъ. Прежде же чѣмъ перейдти къ націямъ, нужно сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно двухъ факультетовъ: юридическаго и богословскаго.

Въ 1219 г. папа Гонорій III запретилъ преподаваніе въ Парижѣ римскаго права, такъ что съ этого времени и втеченіе нѣсколькихъ столѣтій парижскій университетъ не имѣлъ полнаго юридическаго факультета, который представлялся одними канонистами, или, какъ ихъ называли, декретистами (потому что основною книгой, которую они преподавали, служилъ каноническій сборникъ, извѣстный подъ названіемъ «декрета» Граціана). Отсюда нѣкоторые ученые готовы были сдѣлать общій выводъ, что церковь въ средніе вѣка систематически противодѣйствовала изученію римскаго права. Но еще Савиньи разъяснилъ неосновательность этого мнѣнія. Что въ духовныхъ сферахъ могли вообще раздаваться голоса недовольныхъ противъ увлеченія духовенства римскимъ правомъ въ ущербъ занятіямъ по теологіи, въ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго, и напр. около половины XII в., св. Бернгардъ клервоскій жаловался на то, что въ папскомъ

дворцѣ слышатся не законы Господа, а законы Юстиніана. Нужно принять во вниманіе, что даже въ итальянскихъ школахъ, въ гораздо большей степени отмѣченныхъ свѣтскимъ характеромъ, чѣмъ остальныя высшія школы, главный контингентъ учащихся составляло духовенство, съ ревностью предававшееся изученію юриспруденціи, разсчитывая этимъ путемъ «добраться до парадиза высокихъ должностей и богатыхъ бенефицій», какъ выразился одинъ средневѣковый писатель (Рожеръ Бекон̀ъ). Но главное дѣло даже и не въ этомъ, а въ соображеніяхъ совсѣмъ другого порядка. Вскорѣ же по возникновеніи университетовъ болонскаго и парижскаго составилось убѣжденіе, что, такъ сказать, Самимъ Господомъ Богомъ предназначено быть одному свѣтильникомъ въ области юриспруденціи, другому—въ области богословія. Папа Гонорій III въ буллѣ 1219 г говоритъ, что металлоносныя жилы находятся не въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ, что въ одномъ мѣстѣ добывается серебро, въ другомъ желѣзо, въ третьемъ золото, причемъ подъ золотомъ разумѣетъ теологію и мѣстонахожденіемъ золотоносныхъ жилъ называетъ Парижъ.

О томъ же Гонорію III извѣстно, что онъ былъ главнымъ покровителемъ болонскаго университета, не отступавшимъ даже предъ совѣтами школярамъ скорѣе оставить городъ, чѣмъ подчиниться несправедливымъ требованіямъ горожанъ. Подобно тому, какъ Болонья ревниво относилась къ попыткамъ другихъ итальянскихъ городовъ основать у себя высшія школы, подобно тому, какъ въ Англіи Оксфордъ и Кембриджъ такъ-таки и не допустили въ средніе вѣка образованія университетовъ въ другихъ англійскихъ городахъ, или какъ позднѣе императоръ Карлъ IV, спасая Прагу отъ конкурренціи, не очень благосклонно относился къ учрежденію вѣнскаго университета, такъ и Парижу старались обезпечить возможность посвященія его лучшихъ силъ теологіи и безопасность отъ всякихъ возможныхъ конкурренцій. Любопытно, что авиньонскіе папы, всѣ симпатіи которыхъ тяготѣли къ

Франціи, изъ 18-ти университетовъ, учрежденныхъ за время пребыванія папъ въ Авиньонѣ, въ девяти не допустили преподаванія *теологіи*, да и изъ тѣхъ девяти, въ которыхъ разрѣшено имѣть теологическій факультетъ, въ двухъ воспрещены были промоціи въ теологіи (Римъ и Перуджія), а промовированные въ Кагорѣ поставлены въ необходимость подвергаться новому испытанію въ Парижѣ, если хотѣли тамъ учить. Напротивъ, тѣ же папы ничего не имѣли противъ преподаванія римскаго права въ другихъ, французскихъ же, университетахъ, и нѣкоторые изъ нихъ, напр. орлеанскій и анжерскій, были и оставались по преимуществу юридическими школами, а напр. въ Парижѣ бернардинцамъ воспрещено было заниматься даже и каноническимъ правомъ, да и вообще, какъ думаютъ, нищенствующимъ орденамъ исключительно рекомендовались занятія теологіей. Факты изъ позднѣйшей исторіи, приводимые у Савиньи, не менѣе ясно освѣщаютъ истинный смыслъ воспрещенія преподаванія римскаго права въ парижскомъ университетѣ. Такъ въ XVI в. парижскіе канонисты не разъ заявляли о своемъ желаніи преподавать римское право, но остальнымъ факультетамъ удавалось затормозить это дѣло частью своими постановленіями, частью жалобами въ парламентъ. А въ 1572 г. парижскіе канонисты были прямо обвиняемы многими юридическими школами Франціи въ томъ, что они преподавали римское право и промовпровали въ немъ, и парламентъ рѣшилъ дѣло противъ канонистовъ Въ 1576 г. дозволено было преподаваніе римскаго права Якову Куяцію, съ предоставленіемъ ему права возводить въ докторскую степень по римскому праву въ Парижѣ; но три года спустя, на собраніи государственныхъ сословій въ Блуа было возобновлено старинное воспрещеніе, которое окончательно было устранено лишь въ 1679 г. На самомъ дѣлѣ, за все время существованія парижскаго университета,канонисты не могли обойдтись безъ изученія римскаго права, и если напр. въ статутѣ канонистовъ 1370 г. было выражено, что можно, и не штудируя римскаго пра-

ва, получать степени и читать лекціи по каноническому праву, то это, какъ замѣчаетъ Савиньи, нужно понимать лишь въ томъ смыслѣ, что нѣтъ необходимости проходить полный курсъ римскаго права въ какомъ-либо чужомъ университетѣ, и несомнѣнно, что въ самомъ же Парижѣ читались вводныя лекціи по римскому праву, не допускались же только подробныя чтенія по самымъ книгамъ Юстиніана, т.-е. не было систематическаго изученія, которое бы дѣлало инструирующаго способнымъ промоціи А что во Франціи, вообще, римское право было не въ загонѣ, это всего лучше доказывается именами такихъ звѣздъ первой величины, какъ Донеллъ, Куяцій и оба Готофреда. Не съ неба же свалились эти свѣтила юриспруденціи, и притомъ въ такую историческую эпоху, когда во всѣхъ другихъ странахъ, не исключая и Италіи, юриспруденція влачила довольно жалкое существованіе.

Для богословскаго факультета, но вмѣстѣ также и для цѣлаго университета имѣло немаловажное значеніе столкновеніе съ монахами нищенствующихъ орденовъ, въ особенности доминиканскаго. Марквардсенъ и нѣкоторые другіе историки связывали даже съ этимъ столкновеніемъ образованіе факультетовъ вообще, представляя ходъ событій въ такомъ видѣ, что долговременныя распри университета съ монахами повели въ 1257 г. къ образованію факультета теологовъ, примѣру котораго послѣдовали потомъ медики и канонисты. Приведенные выше факты, въ особенности булла 1231 г., не оправдываютъ этого взгляда. Борьба университета съ монахами возгорѣлась изъ-за того, что монахи, искусно пользуясь событіями, требовали признанія ихъ въ качествѣ членовъ университета. Первый толчокъ къ предъявленію этой претензіи монахами былъ данъ столкновеніемъ школяровъ съ горожанами въ 1229 г., которое и вообще имѣло важныя послѣдствія для корпоративной жизни университета и отразилось даже на судьбахъ другихъ университетовъ, не только французскихъ, но и англійскихъ, такъ что не

излишне будетъ разсказать объ этомъ событіи. Въ одной изъ тавернъ школяры, употребляя точное выраженіе стариннаго историка, «нашли вино превосходнымъ, но счетъ, предъявленный имъ за выпитое вино, слишкомъ высокимъ». Отсюда недоразумѣніе. Школяры побили содержателя кабачка, а сбѣжавшіеся сосѣди тѣмъ же отплатили школярамъ. Послѣдніе, полагая, что они остались въ долгу, на слѣдующій день снова явились, взяли таверну приступомъ и опустошили домъ, нанося побои всѣмъ, попадавшимся на пути, мущинамъ и женщинамъ. Такъ какъ селеніе, въ которомъ находилась таверна, принадлежало монастырю св. Марцелла, то пріоръ монастыря обратился съ жалобой къ королевѣ Бланкѣ, управлявшей въ то время за малолѣтняго короля (Людовика Святого). Когда королева дала строгіе приказы парижскому прево, не въ мѣру усердствующіе полицейскіе напали на группу ни въ чемъ неповинныхъ людей, не участвовавшихъ въ разгромѣ кабака, и такъ сильно избили ихъ, что нѣкоторые остались на мѣстѣ избіенія. Тотчасъ собрались магистры и рѣшили предъявить королевѣ требованіе объ удовлетвореніи за совершившееся злодѣяніе. Не получивъ немедленнаго удовлетворенія, магистры поручили особому комитету обсудить данный вопросъ, и комитетъ рѣшилъ, что если втеченіе шести недѣль удовлетворенія не послѣдуетъ, лекціи и остальные академическіе акты будутъ пріостановлены на шесть лѣтъ, и втеченіе этихъ шести лѣтъ воспрещается и учащимъ и учащимся проживать въ городѣ, даже въ діэцезѣ парижскомъ. Шесть мѣсяцевъ прошло, а удовлетворенія не послѣдовало, и университетъ фактически распался. Начались массовыя переселенія въ Орлеанъ, Анжеръ, Оксфордъ, Кембриджъ и др. города. Такъ «великій потокъ научной жизни, выведенный изъ русла, распался на маленькіе пересыхающіе ручейки», писалъ папа Григорій IX королю Людовику, убѣждая его дать оскорбленнымъ удовлетвореніе и возвратить имъ привилегію Филиппа Августа. Привилегія Филиппа была возобновлена, но насчетъ удовлетво-

ренія за насиліе совѣтники короля не расположены были ни къ какимъ уступкамъ. Епископъ отлучилъ даже отъ церкви тѣхъ магистровъ и школяровъ, которые присягнули оставить Парижъ, а равно тѣхъ, которые получили бы лиценцію въ Анжерѣ и Орлеанѣ безъ содѣйствія парижскаго канцлера; кромѣ того, на провинціальномъ соборѣ сенскомъ епископъ провелъ постановленіе о лишеніи выселившихся въ другіе города школяровъ привилегіи освобожденія отъ резиденціи (мы послѣ увидимъ, въ чемъ состояла эта привилегія и какъ много значила она въ университетской жизни). Школяры перенесли дѣло въ Римъ, и здѣсь оно нашло себѣ сильную поддержку: въ это именно время издана была вышеупоминавшаяся булла Григорія IX—«Parens scientiarum», которую называютъ «великою хартіей» парижскаго университета. Въ заключеніи буллы говорится, что магистры и школяры, послѣ причиненныхъ имъ насилій давшіе присягу оставить Парижъ, преслѣдовали не эгоистическій, а общій интересъ, и присягнувшіе разрѣшаются отъ присяги на случай, если бы король подтвердилъ ихъ старинныя привилегіи и наказалъ тѣхъ, кто дѣйствовалъ противъ нихъ насильственно. Булла, очевидно, предполагала содѣйствіе короля; поэтому, одновременно съ изданіемъ буллы, адресованной на имя университета, папа обратился съ письмомъ къ королю, убѣждая его возобновить привилегію Филиппа и доставить удовлетвореніе школярамъ и рекомендуя, кромѣ того, особому покровительству короля тѣхъ двухъ магистровъ, которые столь успѣшно вели въ Римѣ у папы дѣло университета. Дѣло наконецъ и уладилось, послѣ чего начался новый приливъ молодежи, даже болѣе сильный, чѣмъ когда-либо раньше; случалось, что въ Парижѣ скоплялось до 30,000 штудирующихъ.

Возвратимся, однако, къ нищенствующимъ монахамъ. Монахи воспользовались тѣмъ временемъ, когда академическіе акты прекратились и дѣло магистровъ велось въ Римѣ, для устроенія лекцій въ своихъ орденскихъ до-

махъ и имѣли успѣхъ: лица, которымъ поручено было преподаваніе, оказались дѣйствительно выдающимися учеными (Альбертъ Великій, Александръ Галесъ). По возстановленіи университетскихъ чтеній, магистры сначала не трогали монаховъ, но монахи потребовали включенія ихъ въ корпорацію, какъ равноправныхъ членовъ Университетъ былъ противъ этого, такъ какъ опасался, что члены ордена, съ ихъ особыми интересами и правилами, внесутъ въ университетъ элементъ раздора, да и бѣлое духовенство вообще не очень благоволило къ монахамъ, видя, что они лишаютъ его всякаго вліянія на народъ путемъ проповѣди и исповѣди. Все-таки университетъ въ 1252 г. согласился дать орденамъ по одной профессурѣ, помимо того преподаванія, которое могло вестись въ орденскихъ помѣщеніяхъ для монаховъ. Когда затѣмъ, при новыхъ пертурбаціяхъ, постигшихъ университетъ, магистры хотѣли постановить общее рѣшеніе объ оставленіи Парижа, монахи обѣщали свое согласіе на общее мѣропріятіе лишь подъ тѣмъ условіемъ, если имъ дадутъ по второй профессурѣ Университетъ, испробовавъ всякія убѣжденія и угрозы, исключилъ монаховъ изъ своей среды. Но монахи не сдались. Они перенесли дѣло въ Римъ, куда и университетъ также отправилъ отъ себя посольство и на этотъ разъ проигралъ, отчасти, можетъ быть, и отто го, что глава посольства, какъ видно, не въ достаточной степени дипломатъ, выразилъ въ Римѣ порицаніе не только образу дѣйствій нищенствующихъ монаховъ, но и самымъ ихъ обѣтамъ, т.-е. въ сущности и римскому престолу, одобрившему ордена. Монахи получили вторую профессуру, и хотя, какъ показалъ послѣдующій ходъ событій, доминиканцы содѣйствовали не посрамленію, а прославленію парижскаго университета (изъ доминиканскаго ордена вышли такія знаменитости средневѣковой науки, какъ Ѳома Аквинскій и Бонавентура), но въ университетѣ навсегда остался, по выраженію одного писателя, извѣстный осадокъ горечи, и осадокъ этотъ былъ настолько силенъ, что вытѣснилъ всѣ воспоминанія о

прежней поддержкѣ, оказывавшейся университету папами. Въ послѣдовавшихъ вскорѣ послѣ того столкновеніяхъ королевства съ папствомъ университетъ рѣшительно сталъ на сторону короля и потомъ, втеченіе долгаго времени, былъ очагомъ западно-европейскаго либеральнаго (епископальнаго) движенія, направлявшагося противъ единовластія папы.

Сказавъ объ образованіи профессорской корпораціи съ канцлеромъ во главѣ и съ четырьмя факультетами, какъ частичными автономными корпораціями, вошедшими въ составъ университетской организаціи, мы все еще не дошли до цѣли выяснить себѣ процессъ образованія парижскаго университета. Нашему наблюденію представляется еще другой факторъ въ ходѣ внутренняго организаціоннаго развитія университета (кромѣ факультетовъ)—это націи. Дѣленіе на націи—школяровъ ли однихъ, или школяровъ вмѣстѣ съ магистрами, стекавшихся отвсюду въ Парижъ,—едва ли не болѣе древняго происхожденія, чѣмъ дѣленіе по факультетамъ. Нѣкоторые изслѣдователи полагали даже, что націи именно и легли въ основу парижской университетской корпораціи. Естественно, что пришлая масса штудирующей молодежи, какъ и въ Болоньѣ, группировалась по землячествамъ Эти землячества мало-по-малу соединились въ четыре обширныя группы или націи: галльскую, англійскую (замѣнившуюся германскою, послѣ того какъ притокъ англичанъ, съ образованіемъ университетовъ оксфордскаго и кембриджскаго, ослабѣлъ), пикардійскую и норманнскую. Почему образовалось именно четыре націи и въ числѣ этихъ четырехъ оказались именно такія-то, объясняется вѣроятно тѣмъ, что названныхъ національностей было всего болѣе въ тотъ моментъ, когда складывалось четверное дѣленіе, съ точностью потомъ воспроизводившееся въ разныхъ германскихъ университетахъ. Пришельцы изъ другихъ странъ, напр. изъ-за Пиринейскихъ горъ или изъ Италіи, пріурочивались къ одной изъ названныхъ четырехъ націй. Четыре націи развились въ

автономныя корпораціи, и любопытно, что каждая изъ нихъ имѣла свою печать уже въ сороковыхъ годахъ XIII в., т.-е. раньше, чѣмъ факультеты получили свои печати, и даже раньше, чѣмъ цѣлая университетская корпорація получила безспорное право имѣть свою печать. Между тѣмъ какъ факультеты развились на учебной почвѣ въ отношеніи къ преподаваемымъ наукамъ, націи образовались для взаимной поддержки, для дисциплины и въ видахъ административныхъ вообще, причемъ и въ націяхъ активная роль принадлежала магистрамъ, а не школярамъ, какъ въ Болоньѣ. Во главѣ каждой націи сталъ прокураторъ, а во главѣ всѣхъ соединенныхъ націй—ректоръ. Но любопытнѣе всего то, что дѣленіе по націямъ воспроизведено сполна только на факультетѣ „искуствъ“, въ томъ смыслѣ, что всѣ безъ исключенія и магистры и школяры искуствъ, должны были принадлежать къ которой-нибудь изъ четырехъ націй. Магистры трехъ другихъ факультетовъ стояли внѣ всякихъ націй; но школяры другихъ факультетовъ входили въ національныя корпораціи, наряду съ артистами, потому что они обыкновенно и юридически числились на факультетѣ искуствъ, какъ разъяснено будетъ впослѣдствіи. Итакъ, всѣ четыре націи составляли собою факультетъ искуствъ, или, другими словами, факультетъ искуствъ обнималъ собою всѣ четыре націи, и немудрено, что ректоръ—глава соединенныхъ націй—сдѣлалъ излишнимъ существованіе особаго декана факультета искуствъ.

Справедливо предполагаютъ, что первоначальною почвою для развитія націй была не каѳедральная область а школьная область св. Женевьевы, гдѣ уже со времени Абеляра процвѣтали *artes*, и гдѣ было болѣе свободы для корпоративнаго развитія внѣ зависимости отъ канцлера, чѣмъ въ области Нотръ-Дамъ. Какъ бы то ни было, но въ результатѣ всего сложнаго процесса развитія парижской университетской организаціи получилась рѣдкостная федерація семи автономныхъ единицъ: трехъ факультетовъ и четырехъ націй, обнимаемыхъ четвер-

тымъ факультетомъ Не будемъ говорить пока о томъ, сколько въ этой федераціи факультетовъ, съ канцлеромъ во главѣ, и націй, съ ректоромъ во главѣ, скрывалось источниковъ для недоразумѣній и столкновеній. Въ главѣ объ устройствѣ средневѣковыхъ университетовъ придется еще коснуться этого предмета Но естественно задать себѣ вопросъ: какимъ образомъ аббатъ св. Женевьевы могъ сойдти со сцены, послѣ того, какъ въ XII в. онъ давалъ такую же лиценцію на учительство въ областъ аббатства, какую каѳедральный канцлеръ давалъ въ школьной области Нотръ-Дамъ? Собственно говоря, онъ и не сошелъ со сцены и не поступился своими правами въ пользу каѳедральнаго канцлера. Аббатъ боролся съ канцлеромъ, и боролся не безъ успѣха; дѣло доходило и до Рима. И, повидимому, сначала оба они конкуррировали при дачѣ лиценціи по всѣмъ факультетамъ; позднѣе конкурренція осталась только по отношенію къ факультету искуствъ, такъ что на этомъ факультетѣ для лиценціатовъ существовалъ выборъ между каѳедральнымъ канцлеромъ и аббатомъ (который также замѣнялъ себя монастырскимъ канцлеромъ, какъ представителемъ), лиценція же на другихъ факультетахъ сосредоточилась исключительно въ рукахъ каѳедральнаго канцлера. Затѣмъ, что касается университетскаго управленія, аббатъ остался въ сторонѣ отъ него и въ борьбѣ университета съ канцлеромъ никакого участія не принималъ.

О парижскихъ коллегіяхъ, еще болѣе осложнившихъ университетскую организацію, мы тоже не будемъ пока говорить, а скажемъ лишь о томъ, какъ относились къ квартирному вопросу, прежде чѣмъ явились коллегіи. Послѣ того какъ дѣло университета по столкновенію съ горожанами, благодаря посредничеству папы, уладилось, и начался болѣе сильный, чѣмъ когда-либо, приливъ штудирующей молодежи, король Людовикъ Святой предоставилъ университету право таксировать квартиры и принуждать горожанъ указанныя таксаторами квартиры сдавать подъ постой. Между горожанами послышался

ропотъ на несправедливую неравномѣрность, такъ какъ монахи и духовные домовладѣльцы не обращали никакого вниманія на требованія таксаторовъ, угрожая имъ отлученіемъ отъ церкви. Въ дѣло долженъ былъ вмѣшаться самъ папа. Онъ далъ полномочіе квартирной комиссіи дѣйствовать въ силу папскаго авторитета, заклеймилъ корыстолюбіе духовенства и пригрозилъ церковнымъ отлученіемъ даже такимъ субъектамъ, которые, изъ страха или изъ низкопоклонничества предъ духовными господами, отказывались бы доставить комиссарамъ необходимыя свѣдѣнія. Вскорѣ послѣ того, самимъ университетомъ былъ выработанъ статутъ, регулирующій наемъ квартиръ и аудиторій. Въ этомъ статутѣ опредѣлено, между прочимъ, что если горожанинъ отказывается сдать въ наемъ свои помѣщенія по таксѣ, то домъ его подвергается «безчестію» (infamia) на пять лѣтъ, такъ что втеченіе этого срока никто изъ членовъ университета не можетъ нанимать помѣщеніе въ пораженномъ «инфаміей» домѣ, подъ страхомъ исключенія изъ университета. Парижская «инфамія» соотвѣтствуетъ болонскому «интердикту», поражавшему, съ такими же послѣдствіями, домъ того горожанина, который не подчинился бы таксѣ или предъявилъ лживое обвиненіе противъ школяра, даже на домы, сосѣдніе съ квартирою школяра, если бы въ ней учинено было оскорбленіе школяра или совершена кража.

Въ ближайшемъ отношеніи къ парижскому университету, какъ по времени возникновенія, такъ и по связи съ церковными учрежденіями, стоятъ университеты *оксфордскій* и *кембриджскій*.

Въ XII в. въ Оксфордѣ еще не замѣчается такого научнаго движенія, какъ въ Парижѣ, который и для англичанъ служилъ тогда высшимъ центромъ науки. Но, около половины XIII в , оксфордскій университетъ выступаетъ уже какъ соперникъ парижскаго (Oxonialis universitas aemula Parisiensis). Изъ документовъ извѣстно, что въ 1209 г. магистры съ школярами рѣшили прекратить учебныя занятія, вслѣдствіе того, что граждане повѣси-

ли нѣсколькихъ школяровъ. Ушло около 3000 человѣкъ, но нѣкоторые магистры остались и продолжали чтенія. Когда затѣмъ въ 1214 г. граждане заявили готовность доставить оскорбленнымъ удовлетвореніе, папскій легатъ опредѣлилъ, что магистры, которые, по уходѣ большинства, будутъ «безстрашно» продолжать чтенія, подвергаются запрещенію преподаванія на три года, и что, втеченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ, горожане за отдаваемыя ими въ наемъ помѣщенія должны довольствоваться половиной той цѣны, которая была установлена до ухода магистровъ и школяровъ, вновь же снимаемыя помѣщенія должны быть таксированы коммиссіями изъ четырехъ горожанъ и изъ четырехъ магистровъ Изъ всего этого дѣлаютъ правдоподобное заключеніе, что коммиссія же производила оцѣнки и раньше 1209 г., и что наказаніе горожанъ пониженіемъ наемной платы на половину, лишеніе права преподаванія на три года,—все это указываетъ на развитіе къ этому времени довольно твердыхъ порядковъ. По прекращеніи чтеній въ Парижѣ въ 1229 г., многіе парижскіе магистры и школяры (между которыми вѣроятно было немало и природныхъ англичанъ) прибыли въ Оксфордъ съ своими парижскими статутами. Отсюда объясняется сходство во многихъ отношеніяхъ оксфордскаго университета съ парижскимъ: сосредоточеніе всякой руководящей власти въ рукахъ магистровъ, процвѣтаніе теологіи и искуствъ насчетъ другихъ отраслей знанія, канцлерская должность. Еще въ 1219 г. отъ усмотрѣнія епископа зависѣло возложить наблюденіе за университетомъ съ дачею лиценціи на архидіакона, оффиціала, канцлера или на другое лицо изъ каѳедральнаго духовенства, но потомъ эта должность была предоставлена исключительно канцлеру. Можно сказать даже, что типъ канцлерскаго университета, старѣйшимъ представителемъ котораго явился парижскій, въ Оксфордѣ остался болѣе выдержаннымъ: здѣсь канцлеръ, не вступая въ борьбу съ корпораціей, превратился мало-по-малу въ выборную корпораціей должность и остался

безспорнымъ главой университета, сдѣлавъ излишнею ректорскую должность. Въ дѣла оксфордскаго университета папѣ рѣже приходилось вмѣшиваться, чѣмъ въ Парижѣ, и, напротивъ, король и городъ сильнѣе вліяли на ходъ университетской жизни. Оксфордъ, какъ и его младшій братъ—Кембриджъ, находили въ королѣ поддержку своему желанію помѣшать образованію университетовъ въ другихъ городахъ Англіи.

О началѣ кембриджскаго университета разсказываютъ слѣдующее. Аббатъ одного монастыря въ Линкольширѣ, учившійся раньше во Франціи, выписалъ оттуда четырехъ учителей — одного по объясненію св. Писанія и трехъ по философіи. Выписанные учителя наняли въ Кембриджѣ сарай и открыли въ немъ школу. На второй годъ число учениковъ настолько возросло, что не только сарай, а пожалуй и церковь не могла бы вмѣстить ихъ: поэтому нашли нужнымъ раздѣлить учащихся на классы и читать въ разные часы. Разцвѣту собственно *университета* кембриджскаго содѣйствовали переселенія магистровъ и школяровъ изъ Оксфорда послѣ событія 1209 г. и изъ Парижа послѣ событія 1229 г. По крайней мѣрѣ король Генрихъ III, въ своей грамотѣ отъ 1231 г,, радуется тому, что въ Кембриджъ стекается множество людей ради научныхъ занятій изъ разныхъ странъ, какъ по сю, такъ и по ту сторону моря. Король принимаетъ штудирующихъ подъ свое покровительство отъ притѣсненій горожанъ и предписываетъ таксировать квартиры «по обычаю университетскому». Впрочемъ въ другихъ своихъ грамотахъ тотъ же король жалуется на то, что школяры не знаютъ надъ собою никакой дисциплины, ведутъ себя заносчиво, не подчиняются наказаніямъ канцлера и магистровъ. Изъ одного документа затѣмъ узнаемъ, что въ 1261 г., по случаю столкновенія штудирующихъ съ горожанами, король дозволилъ школярамъ оставить Кембриджъ и уйдти въ Нортгамптонъ, но въ 1265 г. взялъ назадъ свое дозволеніе, главнымъ образомъ по настояніямъ епископовъ

страны и въ томъ соображеніи, что Оксфордъ страдаетъ отъ соперничества. Въ Кембриджѣ процвѣтали теологія и искуства, въ особенности математика. Во главѣ университета, какъ и въ Оксфордѣ, стоялъ канцлеръ. Любопытно, что, послѣ того какъ кембриджскій университетъ просуществовалъ уже около столѣтія, король Эдуардъ III обратился съ просьбой къ папѣ Іоанну XXII о дарованіи университету привилегій, и папа, согласно желанію короля, издалъ въ 1313 г. буллу, которая имѣетъ характеръ *учредительной* грамоты: подтверждая всѣ привилегіи, ранѣе дарованныя университету и папами, и королями, Іоаннъ XXII говоритъ, что на будущее время въ Кембриджѣ должна быть генеральная школа, и что существующая тамъ ассоціація учащихъ и учащихся должна признаваться за университетъ и пользоваться всѣми правами правомѣрнаго университета. Такъ называемыя «коллегіи» получили въ англійскихъ университетахъ большее развитіе, чѣмъ гдѣ-либо; о нихъ будетъ сказано ниже, точно такъ же какъ и о націяхъ, которыя, напротивъ, получили здѣсь слабое развитіе.

Къ числу древнѣйшихъ университетовъ, и опять своеобразнаго типа, принадлежалъ *неапольскій* университетъ, учрежденный въ 1224 г. императоромъ Фридрихомъ II, какъ королемъ сицилійскимъ Этотъ университетъ принято называть государственнымъ университетомъ, въ отличіе отъ итальянскихъ городскихъ и отъ канцлерскихъ университетовъ. Собственно говоря, еще раньше Фридриха десятью годами, основанъ былъ королемъ Алонзо VIII университетъ въ Паленсіи (въ Испаніи); но какъ въ учрежденіи этого перваго испанскаго университета, такъ и въ управленіи имъ принимала участіе церковь; притомъ школа въ Паленсіи имѣла кратковременное существованіе; по крайней мѣрѣ, къ концу XIII в. ея уже не видно. Поэтому на учрежденіе Фридриха II можно смотрѣть, какъ на первый опытъ своеобразнаго императорскаго или королевскаго университета. Императоръ мотивируетъ учрежденіе университета въ Неапо-

лѣ желаніемъ избавить своихъ подданныхъ отъ необходимости странствовать, бѣдствовать и голодать по чужимъ странамъ въ поискахъ за научнымъ образованіемъ и выставляетъ на видъ, что городъ Неаполь соединяетъ въ себѣ всѣ условія, обезпечивающія пріятную и спокойную жизнь. Подданнымъ воспрещается на будущее время посѣщеніе какихъ-либо чужихъ университетовъ, а тѣмъ, которые начали уже ученіе въ чужихъ странахъ, предписывается осенью явиться въ Неаполь, подъ страхомъ тяжкаго наказанія ихъ родителямъ. Въ предѣлахъ самаго королевства сицилійскаго воспрещается читать или слушать лекціи гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Неаполя. Фридрихъ пригласилъ профессоровъ всѣхъ научныхъ отраслей, назначая имъ жалованье; а школярамъ, даже и чужеземнымъ, изъ какихъ бы странъ они ни были, обезпечилъ свое покровительство и на время путешествія въ Неаполь, и во время пребыванія въ Неаполѣ. Императоръ опредѣлилъ далѣе, что помѣщенія, въ которыхъ встрѣтится надобность для школяровъ, должны оцѣниваться коммиссіей, состоящей изъ двухъ гражданъ и двухъ школяровъ, не свыше извѣстнаго максимума; кромѣ того, регулировалъ денежные займы подъ залоги и обезпечилъ школяровъ въ томъ отношеніи, что отданныя ими въ закладъ книги будутъ выдаваться имъ для пользованія, если они подъ присягой обяжутся не оставлять Неаполя, не вернувъ заложенныхъ книгъ займодавцу, или не выкупивъ ихъ уплатой долга. Фридрихъ предоставляетъ юрисдикцію надъ школярами ихъ магистрамъ, но и на магистровъ самихъ смотритъ, какъ на своихъ должностныхъ лицъ, которымъ онъ платитъ жалованье, и которые должны учить своихъ слушателей вѣрности императору и положенія каноническаго права излагать не въ іерократической, а въ императорской конструкціи. Въ концѣ учебной подготовки императоръ самъ даетъ лиценцію прошедшимъ школьный стажъ кандидатамъ, послѣ предварительнаго испытанія, имъ же самимъ регулированнаго. Именно, канди-

дать долженъ обращаться съ прошеніемъ къ королю, а король поручаетъ профессорамъ произвести испытаніе, въ сообразность изданнымъ правительствомъ правиламъ: предъ полученіемъ лиценціи кандидатъ долженъ принести присягу на вѣрность королю, а получивъ лиценцію не менѣе двухъ лѣтъ преподавать въ Неаполѣ. Позднѣе эта непосредственная королевская лиценція и въ Неаполѣ была перенесена на королевскаго великаго канцлера. Въ 1239 г. Фридрихъ, подъ давленіемъ политическихъ обстоятельствъ, отмѣнилъ привилегіи, дарованныя чужеземнымъ школярамъ, такъ что въ Неаполѣ съ тѣхъ поръ могли учить и учиться только туземцы; но потомъ опять возстановилъ прежнія привилегіи для всѣхъ, за исключеніемъ гражданъ восьми непокорныхъ городовъ (Милана, Брешіи, Пьяченцы, Алессандріи, Болоньи, Фаенцы, Равенны, Тревизо) и за исключеніемъ подданныхъ папы Сынъ Фридриха, Конрадъ перемѣстилъ неапольскую школу въ Салерно, гдѣ она слилась съ существовавшею тутъ раньше медицинскою школою, а Манфредъ снова перевелъ университетъ въ Неаполь, оставивъ въ Салерно попрежнему одну медицинскую школу. Всѣ они, равно какъ и Карлъ Анжуйскій, сдѣлавшійся хозяиномъ страны, смотрѣли на университетъ, какъ на составную часть государственнаго управленія. Но пунктъ, касающійся юрисдикціи, Карлъ регулировалъ снова: назначенъ былъ особый университетскій судья (justitiarius scholarium), о которомъ будетъ сказано ниже.

Нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр. Мейнерсъ, склонны были думать, что, по сознанію среднихъ вѣковъ, право учрежденія генеральныхъ школъ принадлежало церкви, и что если Фридрихъ II учредилъ высшую школу въ Неаполѣ, то съ его стороны это былъ безпримѣрный шагъ, можно сказать революціонный, идущій въ разрѣзъ съ цѣлымъ міровоззрѣніемъ среднихъ вѣковъ и объясняющійся единственно открытою враждой Фридриха къ папскому престолу. Въ настоящее время этотъ взглядъ считается ошибочнымъ. Въ XIII в. вопросъ о томъ, кому

принадлежитъ право учрежденія университетовъ, еще не ставился, а если и ставился, то теоретики, какъ напр. Ѳома Аквинскій, скорѣе высказывались за обязанность главы государства учреждать школы. Вопросъ сталъ ясно ставиться уже послѣ того, какъ университеты сдѣлались вліятельными корпораціями, и когда выяснилось, что безъ привилегій, императорскихъ и папскихъ, существовать университету трудно и пожалуй невозможно. Вотъ почему въ XIV в. и позднѣе, не только вновь учреждаемыя высшія школы, но и такія, которыя уже давнымъ-давно существовали (какъ это мы видѣли на примѣрѣ Кембриджа и какъ еще ниже увидимъ, говоря объ итальянскихъ университетахъ), начинаютъ хлопотать о томъ, чтобы заручиться привилегіями, а привилегіи давались въ видѣ учредительныхъ грамотъ. И все-таки нѣкоторые университеты, именно древнѣйшіе (болонскій, парижскій, оксфордскій, падуанскій, см. о немъ ниже), такъ и остались безъ всякихъ учредительныхъ грамотъ, хотя корпоративная организація и въ этихъ университетахъ несомнѣнно окрѣпла при поддержкѣ папъ. Къ XIV в. уже и теоретики-юристы болонской школы, согласно съ римскимъ правомъ, стали говорить о необходимости концессіи для universitas, но не исключительно папской концессіи. Бартолъ и Бальдъ—эти два немалые авторитета средневѣковой юриспруденціи—отстаивали ту мысль, что, за исключеніемъ Болоньи и Падуи, которыя достаточно защищались уже своею старинною репутаціей, только тѣ юридическія школы должны быть признаваемы законными, которыя имѣютъ привилегіи отъ императора или отъ папы. Объясняя аутентику «Habita», Бартолъ говоритъ, что другія науки еще пожалуй могутъ быть преподаваемы гдѣ угодно, но «законы» могутъ быть читаемы только въ городахъ привилегированныхъ: непривилегированныя юридическія школы, по выраженію Бартола, суть школы прелюбодѣйныя (studia adulterina). А Бальдъ самое право возведенія въ ученыя степени выводитъ изъ привилегіи императора или папы.

На самомъ дѣлѣ къ исходу среднихъ вѣковъ и утвердилось воззрѣніе, что учрежденіе университетовъ есть дѣло универсальныхъ властей, т. е. императора и папы, потому что только отъ универсальной власти можетъ быть производимо полномочіе учить повсемѣстно (ubique terrarum). Но императорскія грамоты сравнительно рѣже издавались: насчитывается только пять высшихъ школъ, имѣющихъ единственно императорскую учредительную грамоту и болѣе никакой, большинство же школъ получило папскія грамоты. Случалось, что, получивъ папскую грамоту, городъ обращался потомъ къ императору съ прошеніемъ о дарованіи императорской грамоты, а позднѣе снова обращался къ папѣ съ прошеніемъ объ утвержденіи предшествовавшихъ грамотъ. Императорская грамота большею частью испрашивалась итальянскими городами, которые видѣли въ ней средство къ рекламированію своей школы и оружіе противъ болонской теоріи, отрицавшей возможность преподаванія римскаго права въ городахъ непривилегированныхъ. За властію территоріальною, т. е. за королемъ или княземъ, властвующимъ въ предѣлахъ очерченнаго территоріальными границами государства, принципіально не признавалось права учреждать генеральныя школы. Въ дѣйствительности однако и испанскіе короли, и позднѣе германскіе князья, польскіе и венгерскіе короли, могли оказываться самымъ важнымъ факторомъ въ дѣлѣ устроенія генеральныхъ школъ.

Послѣ этого общаго замѣчанія мы сдѣлаемъ краткій обзоръ возникновенія университетовъ втеченіе XIII—XV вв. въ Италіи, Франціи, Испаніи и въ другихъ странахъ, кромѣ указанныхъ выше типическихъ университетовъ.

Въ *Италіи* немало университетовъ возникло благодаря выселеніямъ изъ Болоньи. Болонья несомнѣнно дорожила своимъ университетомъ и всѣми мѣрами старалась не допустить переселенія учащихся, вмѣстѣ съ учащими, въ другіе города. Но размолвки университета съ городомъ бывали нерѣдки, и случалось даже, что

самъ папа совѣтовалъ школярамъ скорѣе оставить городъ, чѣмъ подчиниться требованіямъ болонскаго подеста и болонскаго городскаго совѣта. А другіе итальянскіе города пользовались подобными размолвками, предлагая штудирующимъ разныя выгодныя условія въ случаѣ, если они согласились бы перейдти къ нимъ

Въ 1222 г., послѣ большихъ препирательствъ съ болонскимъ городскимъ правительствомъ, свыше 1000, можетъ быть нѣсколько тысячъ учащихся и учащихъ, перешли въ *Падую* и образовали здѣсь школу, блескъ которой показался завиднымъ для города *Верчелли*. И вотъ послѣдній начинаетъ употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы перетянуть къ себѣ изъ Падуи пришлыхъ ученыхъ мужей. Для тайныхъ переговоровъ съ школярами, отправлены были въ Падую уполномоченные послы, договоръ которыхъ съ школярами представляетъ собою интересную страницу въ исторіи развитія итальянскихъ университетовъ. Какъ видно, школяры образовали тогда въ Падуѣ корпорацію (universitas), составлявшуюся изъ четырехъ частныхъ союзовъ, которые сложились на національной основѣ, но назывались не націями, а ректоріями, такъ какъ лица, стоявшія во главѣ ихъ, назывались ректорами: франкская (французы, англичане и норманны), италійская (изъ всѣхъ мѣстностей къ югу отъ Альпъ), тевтонская (германцы) и провансальская (съ каталонцами и испанцами). Контрактъ заключенъ былъ на восемь лѣтъ. Городъ Верчелли обязался доставить 500 лучшихъ квартиръ, наемная цѣна которыхъ должна опредѣляться смѣшанною коммиссіею изъ двухъ горожанъ и двухъ школяровъ, а въ случаѣ разногласія между ними—епископомъ, при чемъ максимальная цѣна не должна превышать 19-ти лиръ; хлѣбъ долженъ доставляться школярамъ по цѣнѣ, которую платили сами торговцы; четырнадцати профессорамъ, избираемымъ на каждый годъ ректорами (1 теологъ, 3 цивилиста, 4 канониста, 2 медика, 2 діалектика и 2 грамматика), городъ обязался уплачивать жалованье (salarium), да кромѣ того взялъ

еще на себя содержаніе двухъ педелей и двухъ «экзем-пляторовъ» (дѣло которыхъ состояло въ томъ, чтобы слѣдить за правильнымъ текстомъ обращающихся въ употребленіи учебныхъ книгъ, конечно рукописныхъ). Школяры же, съ ректорами во главѣ, обязывались постараться о томъ, чтобы всѣ обѣщанныя городомъ 500 квартиръ были заполнены, не выступать въ качествѣ адвокатовъ въ городскихъ судахъ, вообще ничего не дѣлать ко вреду города, въ частности не принимать участія въ партійной борьбѣ горожанъ, точно такъ же какъ и эти послѣдніе не должны вмѣшиваться въ распри студентовъ (Болонья напротивъ грѣшила и въ томъ, и въ другомъ отношеніи). Оказывается слѣдовательно, что университетъ въ Верчелли возникъ въ силу договора, который развившаяся уже ранѣе въ Болоньѣ и въ Падуѣ корпорація заключила съ городскою корпораціей, и притомъ на опредѣленное число (8) лѣтъ. И любопытно, что, по истеченіи этихъ восьми лѣтъ, контрактъ былъ возобновленъ опять на восемь же лѣтъ. Нужно думать, что, и заключая контрактъ въ Верчелли, школяры имѣли въ виду возможность возвращенія въ Болонью, которая, какъ насиженное мѣсто, имѣла для нихъ притягательную силу.

Высшая школа въ Верчелли и въ самомъ дѣлѣ не разцвѣла; но падуанская школа, на ряду съ болонскою, считалась одною изъ блистательнѣйшихъ школъ Италіи, не нуждавшеюся для своего оправданія ни въ какихъ учредительныхъ грамотахъ, хотя и въ Падуѣ было не безъ бурь и не безъ столкновеній школяровъ съ горожанами. Въ 1288 г. городъ обратился къ папѣ Николаю IV-му по поводу своей распри съ школярами-ультрамонтанами (къ этому времени, очевидно, и въ Падуѣ, по примѣру Болоньи, образовались двѣ universitates — ультрамонтанская и цитрамонтанская). Ультрамонтаны несогласны были на избраніе въ профессоры права Якова Арены, утвержденное городомъ, и приняли присягу оставить городъ, съ тѣмъ чтобы не возвращаться въ него

втеченіе 10 лѣтъ, если къ празднику Рождества Яковъ Арена не будетъ устраненъ отъ ординарнаго чтенія законныхъ книгъ. Оказалось, однако, что ультрамонтаны не думали серьезно настаивать на своемъ рѣшеніи, и городъ просилъ папу разрѣшить ихъ отъ наложенной ими на себя клятвы, мотивируя свое прошеніе опасностью немалаго ущерба для падуанской школы и для города, въ случаѣ приведенія школярами ихъ рѣшенія въ исполненіе. Но вскорѣ же послѣ этого, городъ своими статутами, по выраженію противной стороны, «не только несправедливыми, но и отвратительными и ужасными», вызвалъ страшное негодованіе школяровъ Папа также высказался противъ статутовъ, угрожая подестѣ, совѣту и всей городской общинѣ отлученіемъ отъ церкви и потерей школы, если втеченіе 15 дней городскіе статуты не будутъ уничтожены. Падуя и въ самомъ дѣлѣ была подвергнута интердикту; однако, изъ папской грамоты отъ 1290 г. видно, что между городомъ и университетомъ послѣдовало соглашеніе, пункты котораго получили затѣмъ папское утвержденіе, но подъ угрозой новыхъ наказаній на случай возобновленія прежнихъ статутовъ.

Къ значительнѣйшимъ университетамъ Италіи принадлежалъ затѣмъ университетъ *перуджіанскій*. Городъ Перуджія не щадилъ ни усилій, ни матеріальныхъ средствъ къ тому, чтобы поставить свою высшую школу на равную высоту съ болонскою, которая для Перуджіи была идеаломъ. Желая упрочить свою школу, Перуджія привлекала къ себѣ знаменитыхъ ученыхъ, въ особенности юристовъ изъ Болоньи, и, просуществовавъ уже немалое время, старалась запастись учредительными грамотами. Особенный блескъ придалъ Перуджіи Яковъ де-Бельвизо въ 1316—1321 г., и именно какъ разъ насчетъ болонской школы. По поводу профессорства этого ученаго, природнаго болонскаго гражданина, происходили интересныя пререканія между Болоньей и Перуджіей. Болонскіе школяры въ 1321 г. вошли въ болонскій го-

родской совѣтъ съ прошеніемъ, указывая въ немъ на недостатокъ въ Болоньѣ знаменитыхъ профессоровъ, благодаря чему чужіе университеты преимуществуютъ предъ болонскимъ, и выражая увѣренность, что если превосходный профессоръ законовъ Яковъ де-Бельвизо будетъ вытребованъ въ Болонью, то за нимъ послѣдуютъ не только перуджіанскіе школяры, а и многіе другіе. Болонскій городской совѣтъ, несомнѣнно, принялъ во вниманіе это прошеніе: двѣ недѣли спустя, перуджіанскіе «пріоры искуствъ» (priores artium, на которыхъ лежала присяжная обязанность блюсти за тѣмъ, чтобы школа въ Перуджіи не падала) отправили въ Болонью посольство (очевидно по поводу требованія изъ Болоньи) съ цѣлью уговорить болонцевъ оставить спорнаго юриста перуджіанамъ. Это не удалось, и Яковъ де-Бельвизо долженъ былъ вернуться въ Болонью, чтобы не подвергнуться карѣ. А кара была не малая: лишеніе права гражданства съ конфискаціей имущества не только его, но и его родственниковъ, а пожалуй и форменное занесеніе въ проскрипціонные листы съ прямымъ отсюда послѣдствіемъ— безправіемъ. Но о другомъ болонскомъ ученомъ, профессорѣ каноническаго права, извѣстно, что, бывъ призванъ на шесть лѣтъ изъ Болоньи въ Перуджію, онъ, несмотря на разразившуюся надъ нимъ болонскую кару, продолжалъ спокойно профессорствовать въ Перуджіи, и, разумѣется, получилъ здѣсь для себя и для своего потомства право гражданства. Что касается учредительныхъ грамотъ, то въ исторіи перуджіанскаго университета любопытенъ тотъ фактъ, что, просуществовавъ довольно времени безъ всякихъ грамотъ, онъ исходатайствовалъ въ 1308 г. грамоту отъ папы Климента V, затѣмъ нашелъ полезнымъ выхлопотать подобную же грамоту отъ папы Іоанна XXII и кончилъ тѣмъ, что обратился еще разъ съ прошеніемъ о дарованіи учредительной грамоты къ императору Карлу IV. И папы, и императоръ придаютъ своимъ грамотамъ характеръ учредительныхъ. Наприм. императоръ выражается: «concedimus»,

т.-е даетъ концессію, другими словами, даруетъ университету юридическое существованіе въ качествѣ корпораціи съ правомъ возводить въ академическія степени, какъ будто раньше ни университета, ни промоцій не было.

Переселенію изъ Болоньи обязаны своимъ происхожденіемъ высшія школы въ *Моденѣ* и *Пизѣ*. Первая изъ нихъ уже въ XIV вѣкѣ пала; послѣдняя, хотя и не отличавшаяся многолюдностью, имѣла солидную репутацію и заднимъ числомъ въ XIV в. испросила учредительную грамоту отъ папы Климента VI и потомъ опять отъ Урбана V. Заднимъ же числомъ испрошена была учредительная грамота для генеральной школы въ *Феррарѣ* отъ папы Бонифація IX, а напротивъ, города *Ареццо*, *Павія* и *Лукка* предпочли получить таковую грамоту отъ императора Карла IV. Городъ *Пьяченца*, который раньше всѣхъ другихъ итальянскихъ городовъ исходатайствовалъ у папы учредительную грамоту (въ 1248 г), впослѣдствіи (въ 1398 г.) получилъ грамоту отъ Галеаццо Висконти, какъ герцога, облеченнаго полномочіями римскаго короля Венцеслава.

Кромѣ упомянутыхъ, явились еще высшія школы въ *Реджіо*, *Виченцѣ*, *Тревизо*, *Сіенѣ* и *Флоренціи*.

О школѣ въ Реджіо сохранилось мало извѣстій О Виченцѣ извѣстно, что въ ней существовала генеральная школа съ четырьмя школьными ассоціяціями, изъ которыхъ каждая выбирала себѣ ректора; полагаютъ, что эта школа, подобно многимъ другимъ, возникла благодаря переселенію изъ Болоньи. Изъ исторіи университетовъ въ Тревизо, Сіенѣ и Флоренціи извѣстны очень любопытные факты. Въ Тревизо иниціаторомъ учрежденія университета, какъ почти повсемѣстно въ Италіи (исключая Болоньи), была городская община. Она разсылала увѣдомленія и приглашенія въ сосѣдніе города, сообщая, что намѣревается учредить генеральную школу «въ обоихъ правахъ» и въ физикѣ. Но, повидимому, хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, хотя городъ не упустилъ позаботиться и объ исходатайствованіи учредительной

грамоты Сначала онъ думалъ обратиться къ папѣ, но, раздумавъ, обратился къ Фридриху Прекрасному, котораго тогда Тревизо признавалъ римскимъ королемъ, и дѣйствительно получилъ отъ него желаемую грамоту: въ грамотѣ указано на мѣстнаго епископа, какъ на то лицо, которое производитъ въ ученыя степени, на основаніи испытанія кандидатовъ профессорами. Относительно Сіены сохранилось извѣстіе отъ 1246 г., что городское общество ассигновало 50 солидовъ нѣкоему послу, который ходилъ по городамъ и мѣстечкамъ Тусціи, приглашая штудировать въ сіенской школѣ. А въ 1249 г. ассигновано было 50 солидовъ докторамъ, проживающимъ въ Сіенѣ (спеціалистамъ по юриспруденціи, грамматикѣ и діалектикѣ), для выдачи этой суммы тѣмъ ходокамъ, которыхъ они пошлютъ въ разные города для разысканія школяровъ. Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, совѣтъ изъ 36 пріоровъ, составлявшихъ тогда высшее начальство Сіены, избралъ двухъ синдиковъ для заключенія договора съ ректорами, магистрами и школярами относительно привилегій, вознагражденія и т. п. Эпоху въ исторіи сіенской школы составляетъ выселеніе профессоровъ и школяровъ изъ Болоньи въ 1321 г. по поводу казни одного школяра за похищеніе дѣвицы. Желая воспользоваться раздраженіемъ ученыхъ противъ болонскаго подестà, Сіена чрезъ своихъ ходоковъ пригласила болонскихъ ученыхъ мужей къ себѣ и заключила съ ними контрактъ, обязуясь, кромѣ уплаты жалованья профессорамъ, доставить книги, а также все необходимое для жизни и для штудированія, и обезпечивая дешевизну цѣнъ. Переселеніе значительной части профессоровъ и школяровъ дѣйствительно совершилось, но не надолго такъ какъ черезъ три года почти всѣ они удалились изъ Сіены, вѣроятно примирившись съ Болоньей. Въ 1357 г. Сіена исходатайствовала грамоту отъ императора Карла IV, послѣ неудачныхъ попытокъ получить ее отъ папы, а въ 1408 г. папа Григорій XII, по желанію пріоровъ, подтвердилъ привилегіи Карла IV, присоединивъ

къ учебнымъ предметамъ теологію и мѣстнаго епископа назначивъ канцлеромъ. Но, вѣроятно, городъ все еще чувствовалъ, что его высшая школа не имѣетъ подъ собою достаточно твердой почвы: въ 1433 г. всѣ предшествовавшія привилегіи были снова подтверждены императоромъ Сигизмундомъ.

Первоначальная исторія школы во Флоренціи темна; считаютъ, впрочемъ, установленнымъ фактомъ, что въ первыя десятилѣтія XIV в. во Флоренціи проживали многіе профессора-юристы, занимавшіе тамъ городскія должности. Въ 1321 г. республика, какъ видно, серьезно занялась дѣломъ устроенія генеральной школы. Прекращеніе занятій въ Болоньѣ въ этомъ году, повидимому, благопріятствовало флорентинцамъ, но они опоздали, такъ какъ выселившіеся изъ Болоньи профессора и школяры успѣли уже заключить контрактъ (вышеупоминавшійся) съ Сіеной. Неудача не обезкуражила флорентинцевъ; они продолжали хлопотать, и въ 1349 г., по ихъ прошенію, была издана папой Климентомъ VI учредительная грамота, съ предоставленіемъ мѣстному епископу права давать лиценцію. Грамота была торжественно прочитана въ каѳедральномъ соборѣ, во время мессы, въ присутствіи городского начальства, духовенства и народа; но въ 1364 г. флорентинцы нашли полезнымъ исходатайствовать новую грамоту отъ императора Карла IV. И все-таки ни та, ни другая грамоты не придали жизни флорентинской школѣ: въ 1473 г. она прекратила свое существованіе.

Къ числу высшихъ школъ Италіи нужно отнести наконецъ учрежденныя папами—школу при римской куріи (которая могла быть и не въ Римѣ) и школу въ Римѣ. Первая была учреждена въ 1244—1245 гг., вторая въ 1303; въ первой между прочимъ усердно изучалось римское право, но и теологія была сильно представлена, а напротивъ, въ римской школѣ теологія дѣлала весьма слабые успѣхи.

Къ древнимъ университетамъ *Франціи* (кромѣ париж-

скаго) принадлежатъ высшія школы въ Монпелье, Тулузѣ, Орлеанѣ и Анжерѣ; нѣсколько позднѣе этихъ явились школы въ Авиньонѣ, Кагорѣ, Гренобле и Оранжѣ, а въ XV в. еще въ Пуатье, Бордо и проч.

Въ *Монпелье* очень рано разцвѣла медицина. Имѣется свѣдѣніе, что уже въ 1220 г. папскій легатъ далъ медикамъ новые статуты. Затѣмъ о королѣ Людовикѣ Святомъ извѣстно, что онъ въ 1230 г. далъ епископу привилегію отбирать у всѣхъ лиценціатовъ и докторовъ обоихъ правъ, при ихъ промоціи, присягу на вѣрность и повиновеніе, причемъ естественно долженъ былъ предполагаться надзоръ и за самыми промоціями. По крайней мѣрѣ, когда въ 1261 г. король Яковъ I аррагонскій, которому тогда принадлежалъ Монпелье, назначилъ одного профессора права, епископъ отлучилъ отъ церкви какъ этого профессора, такъ и всѣхъ тѣхъ, кто сталъ бы слушать его, мотивируя свое мѣропріятіе тѣмъ, что только онъ, епископъ, можетъ давать лиценцію. Этотъ порядокъ былъ потомъ формально санкціонированъ буллой папы Николая IV отъ 1289 г., въ которой говорится, что такъ какъ городъ Монпелье славенъ и пригоденъ для научныхъ занятій, то онъ и на будущее время долженъ имѣть генеральную школу для преподаванія римскаго и каноническаго права, медицины и свободныхъ искусствъ, слѣдовательно по всѣмъ научнымъ отраслямъ, за исключеніемъ теологіи. Теологическая школа въ Монпелье явилась позднѣе, а въ качествѣ факультета признана была лишь въ XV в. Строго говоря, и искуства тутъ не особенно процвѣтали; центръ тяжести лежалъ въ юриспруденціи и особенно въ медицинѣ. Нѣкоторые изслѣдователи выражаютъ сомнѣніе насчетъ того, не было ли въ Монпелье двухъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ университетовъ—юридическаго и медицинскаго. Именно въ Монпелье мы видимъ двѣ universitates: университетъ медицинскій, который, самъ по себѣ, составлялъ цѣлое, и университетъ юридическій, или, какъ называлъ его Савиньи, общій, такъ какъ къ нему пріобщены были и

артисты, и теологи, съ подчиненіемъ тѣхъ и другихъ ректору юридическаго университета.

Университетъ въ *Тулузѣ* основанъ былъ, какъ противовѣсъ процвѣтавшимъ въ томъ краѣ ересямъ. Въ числѣ мирныхъ условій, прописанныхъ королемъ Людовикомъ IX-мъ Раймунду VII, графу тулузскому, 12 апрѣля 1229 г., значится такое, чтобы графъ, втеченіе послѣдующихъ десяти лѣтъ, выплачивалъ жалованье изъ 4.000 марокъ серебра 14-ти профессорамъ, призваннымъ изъ парижскаго университета, который тогда былъ закрытъ. Школа была открыта (безъ римскаго права), причемъ графъ принялъ школяровъ подъ свое покровительство, гарантируя имъ дешевыя цѣны за предметы продовольствія. Но такъ какъ успѣхъ школы тормозился разными обстоятельствами—частью пререканіями города съ доминиканцами-инквизиторами, частью неисправностью графа въ уплатѣ обѣщанной суммы, то папамъ приходилось не разъ, въ видахъ поддержанія университета, принимать разныя мѣры, съ отлученіемъ отъ церкви графа тулузскаго включительно. Въ 1245 г. папа Иннокентій IV распространилъ на Тулузу буллу Григорія IX «Parens scientiarum» (великую хартію парижскаго университета), съ порученіемъ канцлерской должности каѳедральному схоластику.

Въ *Орлеанѣ* уже въ XIII в. правовѣдѣніе настолько процвѣтало, что король Венцель II богемскій послалъ сюда (а не въ Болонью) одного молодого человѣка слушать римское право, съ тѣмъ, чтобы онъ, возвратившись на родину, передѣлалъ, по плану короля, мѣстные законы на основѣ римскаго права. И самъ папа Бонифацій VIII, разсылая изданный имъ сборникъ декреталовъ (т. н. Шестая книга) въ наиболѣе выдававшіеся университеты Европы, препроводилъ между прочимъ одинъ экземпляръ и въ орлеанскій университетъ. Въ XIII в., какъ видно, руководителемъ научнаго движенія въ Орлеанѣ былъ каѳедральный схоластикъ. О немъ разсказывается, что въ 1290 г. онъ созвалъ профессоровъ и чле-

новъ каѳедральнаго капитула на совѣщаніе по поводу того обстоятельства, что преподаваніемъ права въ Орлеанѣ занимается слишкомъ много учителей, такъ что не всѣ они могутъ найдти для себя достаточное число слушателей. Было рѣшено, что на будущее время только пять канонистовъ и пять цивилистовъ должны держать ординарныя чтенія. Въ 1306 г. папа Климентъ V, по прошенію орлеанскихъ профессоровъ, далъ имъ тулузское (т.-е. парижское) корпоративное устройство, и вотъ по этому поводу въ Орлеанѣ произошли очень любопытныя вещи. Городъ оказался въ высшей степени недоволенъ папскими привилегіями, предоставленными учащимъ и учащимся; въ Орлеанѣ очевидно разсуждали не такъ, какъ въ итальянскихъ городахъ. Въ 1311 г., когда учащіе и учащіеся находились на лекціяхъ въ зданіи доминиканскаго монастыря, горожане вломились туда и позволили себѣ насилія и угрозы съ цѣлью помѣшать публикаціи привилегій, а нѣкоторые заявляли при этомъ, что у нихъ со школярами во вѣки вѣковъ не бывать миру, если они не откажутся отъ привилегій. Уладить возникшую распрю пытался король Филиппъ Красивый; но нельзя сказать, чтобы образъ дѣйствій его былъ цѣлесообразенъ и удаченъ. Онъ усмотрѣлъ, что источникъ всего зла и вины всѣхъ безпорядковъ есть папская грамота, въ силу которой учащимъ и учащимся въ Орлеанѣ давалась привилегія образованія автономнаго университета. Выходя изъ этой мысли, король объявилъ папскую привилегію ничтожною: профессора и школяры, не составляя университета, должны оставаться отдѣльными (сингулярными) лицами, какъ и до полученія папской привилегіи. И въ то же время король выразилъ желаніе, чтобы въ Орлеанѣ продолжала существовать генеральная школа, преимущественно по каноническому и римскому праву, воспрещая лишь производство въ ученыя степени по теологіи, «дабы не было ущерба привилегіямъ, дарованнымъ отъ римскаго престола парижской школѣ». Вскорѣ затѣмъ король уничтожилъ дѣленіе по

націямъ, какъ подававшее поводъ къ распрямъ, и кончилъ тѣмъ, что упразднилъ университетъ, поставивъ учащихъ и учащихся подъ полицейскій надзоръ. Всѣ эти мѣропріятія не могли повести къ успокоенію умовъ, тѣмъ болѣе что они страдали внутреннимъ самопротиворѣчіемъ: то король настаивалъ на томъ, чтобы и учащіе и учащіеся оставались «сингулярными персонами», то предоставлялъ учащимъ право составленія статутовъ, причемъ старѣйшій профессоръ долженъ былъ занимать мѣсто декана,—забывая, что вѣдь и для составленія статутовъ профессорамъ нужно было соединиться въ одно цѣлое, и что статуты для того именно и составляются, чтобы дѣйствовать съ обязательною силою для того круга лицъ, для котораго они предназначаются. Вообще, какъ справедливо замѣчаетъ Денифле, Филиппъ Красивый обнаружилъ во всемъ этомъ полное непониманіе корпоративнаго начала. Такъ какъ указы Филиппа продолжали дѣйствовать и при его преемникѣ, хотя и въ болѣе мягкомъ толкованіи, то учащіе и учащіеся рѣшили оставить Орлеанъ и взаимно связали себя присягой—не предпринимать никакого школьнаго акта въ Орлеанѣ, пока не будутъ отмѣнены всѣ королевскія распоряженія, а въ 1316 г. заключили контрактъ съ городомъ Неверомъ о переселеніи изъ Орлеана въ Неверъ. Возвращеніе университета изъ Невера въ Орлеанъ было одною изъ главныхъ заботъ папы Іоанна XXII, который расположилъ короля издать указъ въ смыслѣ признанія корпоративнаго начала, а выселившихся разрѣшилъ отъ присяги, дозволивъ имъ возвратиться въ Орлеанъ, послѣ чего для орлеанской школы наступила самая цвѣтущая эпоха

Высшая школа въ *Анжерѣ* (Studium Andegavense), уже въ XIII в. по преимуществу юридическая, возникла безъ всякой, папской или королевской, учредительной грамоты, но въ XIV в. получила грамоты отъ нѣсколькихъ папъ.

Въ *Авиньонѣ* во второй половинѣ XIII в. существовала уже школа и даже universitas магистровъ и школяровъ Въ 1303 г. она получила грамоту отъ папы Бонифа-

ція VIII, къ которому обращались съ прошеніемъ о томъ университетъ и городъ; подробности же относительно порядка чтеній, таксированія квартиръ, освобожденія отъ налоговъ и проч были регулированы Карломъ II неаполитанскимъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ графомъ прованскимъ. По перенесеніи папской каѳедры въ Авиньонъ, школа при куріи существовала совмѣстно, не сливаясь съ авиньонскою.

Въ *Каворѣ* генеральная школа была учреждена папой Іоанномъ XXII, по прошенію городского начальства, съ распространеніемъ на нее парижской «великой хартіи» Григорія IX.

Высшая школа въ *Гренобль*, учрежденная папой Бенедиктомъ XII въ 1339 г., имѣла непродолжительное существованіе. Напротивъ, до XVIII в. существовала школа въ *Оранжѣ* (studium Aurasicense), въ первой половинѣ XIV вѣка имѣвшая уже извѣстную репутацію, въ 1365 г. получившая грамоту отъ императора Карла IV, а затѣмъ еще грамоту отъ папы Климента VII, въ силу которой въ университетѣ введено преподаваніе (раньше не преподававшагося) каноническаго права, и штудирующимъ каноническое право предоставлены всѣ привилегіи Болоньи и Парижа.

Изъ *испанскихъ* университетовъ древнѣйшимъ былъ университетъ въ Паленсіи, наибольшую же извѣстность имѣли университеты Саламанки, Лериды и Вальядолида. Высшая школа въ Паленсіи была первою по времени школой, основанною государемъ (Алонзо VIII); но къ концу XIII в. ея уже не видно. Высшая школа *Саламанки*, втеченіе почти пяти столѣтій, составляла гордость Испаніи. Король Альфонсъ X въ 1243 г издалъ грамоту, въ которой сказано, что король принимаетъ учащихъ и учащихся подъ свое покровительство, воспрещается причинять неправо школярамъ, а послѣдніе обязываются соблюдать миръ съ обывателями и получаютъ духовную подсудность по спорнымъ дѣламъ какъ между ними самими взаимно, такъ и между ними и обывателями. Но-

вая эпоха началась съ 1254 г., когда издана была, такъ сказать, „великая хартія“ королей толедскихъ. Король, по соглашенію съ своимъ совѣтомъ и съ высшимъ духовенствомъ, опредѣляетъ, чтобы школяры не занимали тѣхъ помѣщеній, которыя уже заняты другими школярами, предписываетъ оцѣнку квартиръ съ установленіемъ максимальной платы — все равно, кому бы ни принадлежали помѣщенія. горожанамъ или духовенству,— поддерживаетъ силу епископскаго отлученія по отношенію къ школярамъ, наравнѣ со всѣми остальными, всякаго оскорбителя школяровъ повелѣваетъ судить городскому начальству по праву и справедливости, назначаетъ жалованье нѣкоторымъ профессорамъ и проч. Школа въ Саламанкѣ была по преимуществу юридическою. Т. н. „Шестая книга“ Бонифація VIII была препровождена, между прочимъ, къ „докторамъ и школярамъ университета саламанкскаго„.

О высшей школѣ въ *Леридѣ* извѣстно, что она была учреждена въ 1300 году королемъ Яковомъ II аррагонскимъ, что король еще раньше выразилъ папѣ Бонифацію VIII свое намѣреніе основать генеральную школу, и что папа одобрилъ его намѣреніе, обѣщая предполагаемому университету всѣ привилегіи Тулузы. Поэтому учредительная грамота издана королемъ „какъ въ силу апостольскаго, такъ и въ силу его королевскаго авторитета“.

Школа въ *Вальядолидѣ*, существовавшая уже въ XIII в., была объявлена въ 1346 г. „генеральною школою“ папой Климентомъ VI, по просьбѣ короля Альфонса XI кастильскаго.

Обходя затѣмъ менѣе значительныя школы *Гуески* и *Перпиньяна*, учрежденныя королемъ Педро IV, остановимся нѣсколько на единственномъ университетѣ, который имѣла до XVI в. *Португалія*,—лиссабонско—коимбрскомъ: университетъ этотъ нѣсколько разъ мѣнялъ свое мѣстопребываніе, находился то въ Лиссабонѣ, то въ Коимбрѣ, пока не осѣлся окончательно въ Коимбрѣ

(въ 1537 г.). Въ 1288 г. одинъ аббатъ, нѣсколько монастырскихъ пріоровъ и настоятелей церквей обратились къ папѣ Николаю IV съ прошеніемъ о томъ, чтобы онъ расположилъ короля учредить генеральную школу въ Лиссабонѣ, такъ какъ подданные его затрудняются предпринимать длинныя и опасныя путешествія въ видахъ научнаго образованія, причемъ указали и источникъ для содержанія преподавателей въ доходахъ нѣкоторыхъ монастырей и церквей. Папа одобрилъ это начинаніе, и дѣло устроилось: университетъ былъ учрежденъ королемъ (безъ теологіи). Папа, съ своей стороны, предоставилъ разныя привилегіи университету, а короля просилъ о таксированіи квартиръ (особою коммиссіей изъ двухъ школяровъ и двухъ горожанъ) и о гарантированіи безопасности лицъ, путешествующихъ для научныхъ занятій въ Лиссабонъ. Епископа лиссабонскаго папа уполномочилъ давать лиценцію по всѣмъ научнымъ отраслямъ, на основаніи рекомендацій преподавателей. Когда, вскорѣ послѣ того, возникли столкновенія между горожанами и школярами, король просилъ папу Климента V о перенесеніи школы въ болѣе спокойный городъ Коимбру и о возобновленіи для коимбрскаго университета всѣхъ привилегій лиссабонскихъ. И позже потомъ университетъ нѣсколько разъ переносился изъ одного города въ другой.

Въ *Германіи* долгое время не было своихъ университетовъ. Сложилось даже представленіе, что въ Германіи и не должно быть университета потому-де, что дары великимъ народамъ Европы даны Богомъ различные: германцамъ—имперія (imperium), французамъ—наука (studium), которыя и резидируютъ у этихъ народовъ, точно такъ же какъ священству (sacerdotium) предназначено резидировать въ Римѣ. Оксфордъ тутъ просто-напросто игнорировался, чтобы, какъ выразился Дёллингеръ, оправдать лѣнь: разсуждали такъ, что „для науки достаточно одно мѣсто, Парижъ“ (studio unus locus videlicet Parisius sufficit). Никому, повидимому, и въ голову не прихо-

дило, продолжаетъ тотъ же Дёллингеръ, что именно для поддержанія „imperium'a“ Германія и должна была имѣть свое собственное „studium“; для Германіи чрезвычайно важное значеніе имѣлъ тотъ фактъ, послѣдствія котораго еще и теперь чувствуются, что только въ концѣ XIV и въ началѣ XV в образовались въ Германіи, благодаря основанію университетовъ, школы права, и права чужого, вынесеннаго изъ Болоньи и Падуи римскаго права, для изученія котораго массы германцевъ стекались въ итальянскіе университеты. Ко времени возникновенія германскихъ университетовъ германское право, не получившее для себя дотолѣ возможности развиться въ общее національное право, не нашло себѣ никакого вниманія и никакого представительства и въ новоучрежденныхъ высшихъ школахъ. Какъ многое въ исторіи, въ дѣлахъ Германіи, образовалось бы иначе, если бы Германія уже въ XIII в , въ эпоху появленія швабскаго, и саксонскаго зеркалъ, когда появились попытки къ болѣе полному и болѣе систематизированному изложенію права, имѣла свои высшія школы, хотя бы только одну или двѣ! Такъ восклицаетъ Дёллингеръ и полагаетъ, что, благодаря германскимъ школамъ, германцы пришли бы къ германскому правовѣдѣнію, по крайней мѣрѣ къ началамъ его, и римское право не получило бы такого продолжительнаго и такого исключительнаго единовластительства въ школахъ.—Привели ли бы германскія школы, если бы онѣ существовали уже въ XIII в., къ германскому правовѣдѣнію, съ устраненіемъ римскаго, судить затруднительно; но фактъ принятія въ Германіи римскаго права, развитаго въ итальянскихъ университетахъ, остается во всякомъ случаѣ фактомъ поучительнымъ на всѣ времена.

Первый шагъ въ устроеніи германскихъ университетовъ былъ сдѣланъ, строго говоря, не въ германскій землѣ, а въ столицѣ богемскаго королевства — *Прагѣ* королемъ богемскимъ, позднѣе императоромъ германскимъ, Карломъ IV. Король въ 1346 г. представилъ папѣ, что

въ его королевствѣ и въ другихъ, смежныхъ съ нимъ, земляхъ не имѣется генеральной школы, которая была бы весьма полезна, особенно въ метрополіи —Прагѣ, расположенной въ срединѣ королевства и посѣщаемой массою людей изъ разныхъ странъ. Папа удовлетворилъ желанію короля, одобривъ его намѣреніе и предоставивъ буллой 1347 г. пражской генеральной школѣ обычныя университетскія привилегіи, а король въ 1348 г. своею учредительною грамотою обезпечилъ за членами университета всѣ привилегіи, иммунитеты и вольности Парижа и Болоньи, и затѣмъ въ слѣдующемъ 1349 г., уже какъ императоръ, снова подтвердилъ прежнюю королевскую грамоту. Самъ учившійся въ Парижѣ, Карлъ IV дорожилъ своимъ созданіемъ—пражскимъ университетомъ и до конца своей жизни заботился о немъ. Изъ трехъ государей, которые послѣдовали скорѣе другихъ примѣру Карла, двое были опять государями не германскихъ странъ: Казимиръ польскій и Владиславъ венгерскій; третій былъ герцогъ австрійскій Рудольфъ. Всѣ трое, не разсчитывая на сочувствіе Карла IV ихъ идеѣ создать въ *Краковѣ*, *Фюнфкирхенѣ* и *Вѣнѣ* генеральныя школы, соперничествующія съ Прагой, обращались къ папѣ съ просьбой объ изданіи учредительной грамоты. Всѣ три университета явились въ 60-хъ годахъ XIV в.; но вѣнскій университетъ началъ жить дѣйствительною, а не призрачною, жизнью лишь къ концу восьмидесятыхъ годовъ XIV в. Въ исторіи учрежденія этого университета любопытно, что въ Вѣнѣ съ самаго начала предполагалось учредить генеральную школу со всѣми факультетами; въ этомъ смыслѣ и издана была первая грамота герцога Рудольфа, который, судя по его переговорамъ съ Авиньономъ, имѣлъ полное основаніе разсчитывать на папское одобреніе. Но Карлъ IV употребилъ все свое императорское вліяніе, чтобы не допустить этого: онъ не желалъ, чтобы Вѣна сдѣлалась соперницей Прагѣ. Карлъ предпринялъ даже нарочитое путешествіе въ Авиньонъ, и папа могъ выйдти изъ затруднительнаго по-

ложенія, въ которое онъ былъ поставленъ, лишь такимъ образомъ, что въ учрежденіи университета не отказалъ, но теологическаго факультета не разрѣшилъ. Полный университетъ, въ составѣ всѣхъ четырехъ факультетовъ, былъ утвержденъ папой лишь по смерти Карла IV въ 1384 г. Что касается королей польскаго и венгерскаго, то не менѣе любопытно, что, обращаясь къ папѣ съ просьбой объ изданіи учредительной грамоты для университетовъ краковскаго и фюнфкирхенскаго, короли въ своихъ собственныхъ грамотахъ оставляютъ за собою право назначать канцлера; канцлеръ назначался, правда, изъ духовныхъ же лицъ, но онъ долженъ былъ дѣйствовать въ силу королевскаго полномочія. Къ концу XIV в. начинаетъ уже проявляться соревнованіе между князьями и городами Германіи въ дѣлѣ устроенія университетовъ. Въ концѣ XIV в. учреждены были университеты *гейдельбергскій, кельнскій, кульмскій и эрфуртскій*, а втеченіе XV в. явились университеты въ *Вюрцбургѣ, Лейпцигѣ, Ростокѣ, Грейфсвальдѣ, Фрейбургѣ, Люнебургѣ, Ингольштадтѣ, Трирѣ, Тюбингенѣ* и *Майнцѣ*. Къ германскимъ же университетамъ, съ точки зрѣнія того времени, долженъ былъ быть относимъ базельскій, учрежденный въ 1460 г. Въ тоже время внѣ Германіи учреждены были университеты въ *Офенѣ* (1389), *Левенѣ* (1424), *Упсалѣ* (1477), *Копенгагенѣ* (1479). Послѣднимъ учрежденіемъ нераздѣленной западной церкви были университеты въ *Виттенбергѣ* (1502), *Бреславлѣ* (1505) и *Франкфуртѣ на Одерѣ* (1506). Университеты, явившіеся въ первой половинѣ XV в. получали учредительныя грамоты отъ папъ, не смотря на то, что въ самой Италіи города хлопотали о полученіи императорскихъ грамотъ. Университеты фрейбургскій (1456), люнебургскій (1471) и тюбингенскій (1484) получили грамоты отъ императора А къ концу XV в. въ Германіи уже вообще господствовалъ взглядъ, что университетъ не можетъ быть учрежденъ помимо универсальныхъ властей, т.-е. императора и папы. Любопытна исторія учрежденія виттенбергскаго университе-

та—уже на поворотѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новой исторіи. По просьбѣ курфюрста саксонскаго, императоръ Максимиліанъ I учредилъ въ Виттенбергѣ генеральную школу со всѣми факультетами грамотой отъ 1 іюля 1502 г., въ которой промовируемымъ дается право учить повсемѣстно, и профессорамъ предоставляются всѣ преимущества докторовъ Болоньи, Сіены, Падуи, Парижа и проч., при чемъ еще особо выставляется на видъ, что на императорѣ лежитъ долгъ покровительствовать наукѣ, и что императоры, предшественники Максимиліана, основали университеты во всѣхъ частяхъ священной имперіи. По полученіи этой грамоты, курфюрстъ обратился къ папскому легату съ просьбой объ утвержденіи ея. Желательное утвержденіе послѣдовало, но курфюрстъ на этомъ не успокоился: онъ просилъ еще о выдачѣ особой грамоты, въ которой было бы ясно выражено, что университетъ имѣетъ право давать ученыя степени и по теологіи и по каноническому праву, такъ какъ нѣкоторые утверждали, что только папа, а не императоръ, имѣетъ право дозволять промоціи въ этихъ научныхъ областяхъ. Папскій легатъ исполнилъ и это желаніе, хотя самъ онъ не считалъ утвержденія необходимымъ, и хотя въ самомъ Виттенбергѣ авторитетный канонистъ Петръ равеннскій въ маѣ 1503 г. защищалъ тезисъ, что императоръ имѣетъ право давать привилегіи и для теологіи и для канонпческаго права. Точка зрѣнія, на которой стоялъ курфюрстъ, подобно другимъ германскимъ князьямъ и городамъ, была не столько принципіальная, сколько утилитарная: папская грамота была далеко не вредною. При учрежденіи университета, особенно съ теологическимъ факультетомъ, каждый разъ возникалъ вопросъ объ обезпеченіи университета, и всякій разъ разсчитывалось на дотацію, а дотація, какъ разъяснится въ слѣдующей главѣ, состояла главнымъ образомъ въ церковныхъ доходахъ, связанныхъ съ извѣстными церковными должностями и предназначаемыхъ для университета, и затѣмъ разсчитывалось на такія привилегіи, которыя могъ только папа одинъ дать, и которыя (какъ,

напр. привилегія освобожденія отъ резиденціи) были безусловно необходимы для самаго существованія средневѣковаго университета. Вотъ почему трудно или даже прямо невозможно было обойдтись безъ содѣйствія папы при учрежденіи германскихъ университетовъ. Времена, когда университеты зарождались, такъ сказать, сами собою, благодаря талантамъ и энергіи преподавателей и любознательности учащихся, прошли невозвратно. Миновали также и времена свободнаго переселенія университета изъ одного города въ другой. Случалось иногда, что, напр., вѣнскій или кельнскій университеты, въ виду притѣсненій и нападеній со стороны горожанъ, грозили оставить городъ и переселиться въ другой; но угроза не производила никакого эффекта на горожанъ. Одинъ университетъ, правда, обязанъ своимъ возникновеніемъ переселенію, именно лейпцигскій; но переселеніе это совершилось при исключительныхъ обстоятельствахъ, на почвѣ національной оппозиціи ненаціональнымъ элементамъ, и переселившійся университетъ не замедлилъ получить папскую учредительную грамоту. Дѣло происходило такъ. Карлъ IV, учреждая университетъ въ Прагѣ, руководился парижскимъ образцомъ: въ Прагѣ состоялось то же четверное дѣленіе по націямъ, какъ и въ Парижѣ (этому же примѣру потомъ послѣдовали въ Вѣнѣ, Гейдельбергѣ и въ другихъ городахъ). Прагскія «націи» были: богемская, саксонская, баварская, польская. Такимъ образомъ, въ прагскомъ университетѣ предполагался тотъ же космополитическій укладъ, который господствовалъ почти во всѣхъ средневѣковыхъ университетахъ, и по которому каждая изъ націй должна была имѣть по одному голосу при выборахъ на должности и проч. Богемцы, располагавшіе, слѣдовательно, однимъ только голосомъ, стали тяготиться перевѣсомъ чужеземцевъ въ своемъ университетѣ, благодаря чему вліятельныя и обезпеченныя должности доставались чужеземцамъ, въ особенности послѣ того, какъ началось религіозное движеніе, исходившее отъ Іоанна Гусса (который и въ университетѣ былъ

предводителемъ богемской націи). Въ 1409 г. богемцамъ удалось выхлопотать у короля Венцеслава II указъ, въ силу котораго на будущее время богемская нація должна была пользоваться въ университетскихъ собраніяхъ тремя голосами, а три остальныя націи вмѣстѣ—однимъ. Три націи сначала противились этому нарушенію обычнаго порядка, но когда ректорскіе аттрибуты (печать, матрикулы, ключи отъ кассы и библіотеки) были силой взяты отъ послѣдняго ректора прежняго «интернаціональнаго» университета для передачи ихъ новому ректору, назначенному королемъ, магистры и школяры трехъ націй оставили Прагу и переселились въ Лейпцигъ, въ количествѣ пяти тысячъ человѣкъ. Переселенія случались также въ исторіи роштокскаго университета, но не по собственному желанію, а по предписанію церковной власти: въ первый разъ по предписанію базельскаго собора, во второй разъ по распоряженію мѣстнаго епископа. По возникшему дѣлу между бургомистрами и совѣтомъ города Роштока, когда городъ не подчинился рѣшенію базельскаго собора и апеллировалъ къ папѣ Евгенію IV (между соборомъ и папой существовалъ тогда полный разрывъ), соборъ, оберегая свою власть, непосредственно дарованную ему Христомъ, произнесъ надъ городомъ отлученіе и интердиктъ, а университету приказалъ оставить городъ. Университетъ сначала не рѣшался, такъ какъ до сихъ поръ дѣятельность его въ Роштокѣ не прерывалась какими-либо неблагополучными событіями, но потомъ вынужденъ былъ оставить Роштокъ и переселиться въ Грейфсвальдъ. Это было въ 1437 г. И хотя, находясь въ Грейфсвальдѣ, университетъ не предпринималъ никакихъ академическихъ актовъ и черезъ нѣсколько лѣтъ вернулся въ Роштокъ, нѣкоторые профессора остались въ Грейфсвальдѣ и, вѣроятно, послужили зерномъ для будущаго грейфсвальдскаго университета, учрежденнаго въ 1456 г. Въ другой разъ, въ 1487 г. по поводу возстанія города противъ соединенія университета съ церковнымъ капитуломъ, епископъ наложилъ на городъ

интердиктъ, приказавъ въ то же время университету оставить городъ. Университетъ, опять не безъ колебаній, переселился сначала въ Висмаръ, потомъ въ Любекъ и кончилъ тѣмъ, что обратился къ папѣ съ прошеніемъ о дозволеніи вернуться въ Роштокъ Прошеніе было удовлетворено, и на этотъ разъ ни въ Висмарѣ, ни въ Любекѣ не осталось никакихъ слѣдовъ пребыванія университета.

ГЛАВА II.

Дотація и привилегіи университетовъ.

О дотаціи, т.-е. о надѣленіи или обезпеченіи университета имущественными средствами со стороны какой нибудь власти, не могло быть и рѣчи въ ту эпоху, когда профессура разсматривалась какъ частная профессія или ремесло. Ученое производство точно такъ же должно было служить источникомъ средствъ къ существованію профессіональнаго производителя, т. - е. преподавателя наукъ, какъ и всякое другое ремесло или промыселъ для ремесленника или промышленника. Люди, могущіе предложить знанія, и люди, предъявляющіе спросъ на эти знанія, вступали между собою въ соглашеніе, и, съ образованіемъ корпоративной жизни, вступали въ таковыя соглашенія не въ одиночку, а цѣлыми ассоціаціями. Въ Италіи, однако, соперничество городовъ, желавшихъ предвосхитить у Болоньи тотъ блескъ, который придавался ей университетомъ, и ревнивое чувство Болоньи, не желавшей утратить этотъ блескъ въ пользу другихъ городовъ, повели къ тому, что въ числѣ другихъ льготъ, предоставляемыхъ отъ города учащимъ и учащимся, стало назначаться изъ городскихъ суммъ опредѣленное жалованье извѣстному числу профессоровъ, далеко не всѣмъ, такъ что значительная, даже большая часть преподавателей должна была довольствоваться получаемымъ отъ слушателей гонораромъ (о которомъ будетъ сказано ни-

же, въ главѣ о преподаваніи). Въ Италіи именно всего яснѣе можно наблюдать переходъ отъ студентскаго гонорара къ жалованью. Въ 1279 г. болонскіе школяры заключили контрактъ съ Гвидо де Сузарія о чтеніи имъ дигестовъ за 300 лиръ вознагражденія. Въ слѣдующемъ году подобный же договоръ былъ заключенъ съ канонистомъ Гарсіа, но съ тою особенностью, что деньги лекторъ долженъ получать не отъ школяровъ, а, по просьбѣ школяровъ, отъ города. Въ 1289 г. было уже два преподавателя съ постояннымъ жалованьемъ, въ 1295 г. три, въ 1315 г. четыре, въ 1381 г. оказалось уже 23 преподавателя съ жалованьемъ, въ 1384 г. еще болѣе, а втеченіе XV в. въ Болоньѣ было уже общимъ правиломъ назначеніе отъ города жалованья профессорамъ. Городъ, бравшій на себя обезпеченіе профессуры жалованьемъ, отъ себя въ такомъ случаѣ заключалъ и контрактъ съ профессоромъ, а такъ какъ города соперничали между собою, то нерѣдко происходили довольно любопытныя пререканія между ними. Таковъ напр. споръ между Флоренціей и Болоньей изъ-за нѣкоего профессора Ангела. Профессоръ обязался флорентинцамъ читать у нихъ римское право съ осени 1389 г. до осени 1391 г.; но онъ же заключилъ контрактъ и съ Болоньей, и эта послѣдняя настаивала, чтобы съ осени 1390 г. названный профессоръ читалъ въ Болоньѣ. Флоренція сначала не желала слышать объ этомъ, потомъ уступила подъ условіемъ, что въ 1391 г. профессоръ возвратится во Флоренцію для чтенія римскаго права втеченіе числящагося за нимъ недоимочнаго года, а затѣмъ раскаялась въ своей уступчивости и потребовала немедленнаго возврата профессора.

Единственный изъ итальянскихъ университетовъ, прямо начавшій съ опредѣленнаго жалованья профессорамъ, былъ неапольскій, и замѣчательно, что онъ никогда не былъ цвѣтущимъ университетомъ. Парижскій университетъ оставался незнакомъ съ жалованьемъ, точно такъ же, какъ англійскіе университеты; но въ нихъ получили

сильное развитіе т. н. коллегіи (въ Италіи это развитіе было гораздо слабѣе), благодаря въ особенности частнымъ пожертвованіямъ. Парижскій университетъ, не считая нѣкоторыхъ хорошо поставленныхъ коллегій, какъ наприм. сорбонская, вообще блисталъ своею бѣдностью. Это ли именно придавало ему большую нравственную силу авторитетнаго рѣшителя и вершителя разныхъ спорныхъ и сомнительныхъ вопросовъ средневѣковой Европы, какъ выразился Деллингеръ, неизвѣстно; но фактъ бѣдности парижскаго университета остается безспорнымъ фактомъ. Въ нѣкоторыхъ университетахъ Франціи дѣлались попытки привлечь князя или городъ къ обезпеченію университета. Такъ именно въ Тулузѣ сначала графъ тулузскій (втеченіе десяти лѣтъ) долженъ былъ выплачивать жалованье профессорамъ, а позднѣе городъ, при посредствѣ папы, былъ привлеченъ къ этому дѣлу.

Въ Испаніи хотя короли обыкновенно были главными дѣйствующими при учрежденіи университетовъ лицами, но они просили папу обратить извѣстную часть церковныхъ доходовъ на поддержаніе университета. Такъ, по учрежденіи древнѣйшаго испанскаго университета въ Паленсіи, король просилъ Гонорія III о томъ, чтобы $^1/_4$ той трети церковнаго имущества, которая, по предписаніямъ канонпческаго права, должна была идти на церковно-строительныя надобности (т. н фабрику церковную), была обращаема втеченіе пяти лѣтъ на жалованье профессорамъ, (другая треть церковнаго имущества шла на содержаніе духовенства, третья треть—на бѣдныхъ). Просьба короля была уважена, а по истеченіи пяти лѣтъ срокъ былъ продолженъ. Для Вальядолида король испросилъ даже $^2/_3$ означенной третьей части: какъ видно, раньше эти $^2/_3$ получались королемъ съ согласія папы, къ видѣ субсидіи, на веденіе борьбы съ невѣрными агарянами, а въ данный моментъ король просилъ, чтобы этой субсидіи было дано другое назначеніе. Церковно-строительная треть (tertia ecclesiarum) всегда оставалась главнымъ фондомъ для поддержанія университета и въ

Саламанкѣ Въ Леридѣ и Гуескѣ наблюдается инкорпорація въ университетъ церковныхъ бенефицій, т.-е. церковныхъ должностей съ присвоенными имъ доходами,—юридическое явленіе, которое особенно обширные размѣры приняло въ Германіи (о чемъ сейчасъ будетъ рѣчь). Въ Гуескѣ еще, кромѣ того, былъ придуманъ оригинальный дополнительный ресурсъ: съ каждаго фунта мяса, покупаемаго въ главной мясной лавкѣ Гуески, городскіе органы должны были, по королевскому указу, взимать налогъ, который былъ обращаемъ на жалованье докторамъ и баккалаврамъ. Случилось, однако, нѣчто непредвидѣнное. Въ городѣ существовала другая мясная лавка, принадлежавшая мавру; обыватели ринулись устремились въ нее, не взирая на то, что торговецъ—мавръ, такъ что потребовался новый королевскій указъ о распространеніи налога и на лавку мавра. Въ Лиссабонѣ, при самомъ учрежденіи университета, источникъ для его существованія указанъ былъ въ доходахъ церквей и монастырей.

Германскіе университеты получали извѣстное обезпеченіе отъ городовъ (какъ Кельнъ, Роштокъ, Базель), или отъ государей (какъ Прага въ первые годы и Гейдельбергъ), или отъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ (какъ Вѣна, Грейфсвальдъ). Зато дотаторы удерживали за собою важныя права по отношенію къ университету, наприм. австрійскіе герцоги, взявъ на себя уплату жалованья извѣстному числу вѣнскихъ профессоровъ, удержали за собой право назначать профессоровъ высшихъ факультетовъ; а городъ Вѣна, кромѣ того, еще отъ себя обязавшійся платить жалованье четыремъ артистамъ, выговорилъ себѣ право назначать ихъ совмѣстно съ ректоромъ университета. Городу Кельну пришлось пережить непріятный процессъ по поводу осуществленія имъ права на замѣщеніе вакантныхъ профессуръ. Въ 1468 г. 75 школяровъ каноническаго права обратились къ городу съ прошеніемъ о приглашеніи на вакантную профессуру перваго канониста нѣкоего Генриха Бемеля. Но городъ пригласилъ другого Вердена, о которомъ просили 23

студента. Верденъ штудировалъ въ Кельнѣ съ 1450 г. и въ 1460 г. получилъ здѣсь степень баккалавра канонического права, но докторскую степень пріобрѣлъ не въ Кельнѣ, а въ Павіи. Въ Кельнѣ же дѣйствовало правило, что кто изучалъ здѣсь три года права и затѣмъ докторскую степень пріобрѣлъ въ другомъ университетѣ, долженъ считаться презрителемъ кельнскаго университета и, въ случаѣ возвращенія на родину, не допускается въ коллегію докторовъ факультета. По случаю назначенія Вердена, юридическій факультетъ обратился за содѣйствіемъ къ университету, а университетъ обратился къ городу, приглашая его взять назадъ сдѣланное имъ назначеніе и назначить другого, юридически способнаго, Вердену же запретилъ читать, подвергнувъ его за неповиновеніе отлученію отъ церкви вмѣстѣ съ настоящими и будущими слушателями. Городъ грозилъ употребить силу; университетъ грозилъ уйдти въ другое мѣсто и просилъ о помощи папу и императора. Дѣло кончилось многолѣтнимъ процессомъ въ римской куріи, въ которомъ городъ проигралъ. Но еще до окончанія дѣла, Вердену предложено было уволиться, что̀ для него облегчено было подоспѣвшимъ кстати приглашеніемъ читать въ Ингольштадтѣ. Изъ всего этого ясно, что если бы назначеніе со стороны города не оказалось въ противорѣчіи съ университетскими статутами, университетъ не заявилъ бы никакого протеста: и въ самомъ протестѣ университетъ предлагалъ городу же назначить другого, правоспособнаго профессора. А въ Грейфсвальдѣ бургомистръ Рубеновъ, неустанно заботившійся объ университетѣ и своими богатыми пожертвованіями обезпечившій университетъ, не только безусловно господствовалъ надъ университетомъ, такъ сказать, со стороны, но и былъ ректоромъ его.

Главную поддержку для германскихъ университетовъ составляла все-таки не дотація со стороны князей и городовъ, въ видѣ обезпеченія профессоровъ денежнымъ жалованьемъ, а инкорпорація церковныхъ бенефицій въ

университетъ,—несомнѣнно продуктъ довольно тонкаго юридическаго мышленія. Наиболѣе выгодною для университетовъ была инкорпорація каноникатовъ (иначе пребендъ) т.-е. мѣстъ или должностей въ капитулахъ (по нашему въ соборныхъ церквахъ), такъ какъ капитулы вообще были оченъ богаты. Если каноникатъ инкорпорировался въ университетъ, то это значило, что данная церковная должность съ присвоеннымъ ей доходомъ (пребендой) вчленяется въ университетъ. Въ переводѣ же на болѣе простой языкъ это значило, что на данное, инкорпорированное въ университетъ, мѣсто назначается одинъ изъ профессоровъ, и тѣмъ самымъ одна профессура обезпечивается въ своемъ существованіи: каноникъ-профессоръ, состоя членомъ капитула, получалъ слѣдующую члену капитула пребенду и могъ освобождаться отъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обязанностей, но съ обязательствомъ вести правильныя чтенія. Такъ въ гейдельбергскій университетъ папа Бонифацій IX инкорпорировалъ 12 каноникатовъ (3 въ Шпейерѣ, 6 въ Вормсѣ, 2 въ Вимпфенѣ и 1 въ Мосбахѣ), а нѣсколько позднѣе присоединенъ былъ еще тринадцатый каноникатъ. Эти тринадцать пребендъ предназначены для такого же количества профессоровъ разныхъ факультетовъ: ректоръ и профессора должны были представлять подлежащему начальству достойнаго кандидата изъ своей среды всякій разъ, какъ становился вакантнымъ одинъ изъ каноникатовъ. То же самое было въ Прагѣ и Вѣнѣ. Въ Кельнѣ, гдѣ университетъ былъ по преимуществу городскимъ учрежденіемъ, главную для него поддержку все-таки составляли 11 каноникатовъ, по одному въ каждой изъ 11-ти кельнскихъ соборныхъ церквей: каноникаты, вмѣстѣ и съ профессурами, замѣщались здѣсь ректоромъ, совмѣстно съ городскою коммиссіей. Городъ Эрфуртъ, который вообще много потратился на сооруженіе зданій для университета и на устройство коллегій, не преминулъ исходатайствовать у папы буллу, которою устанавливалась инкорпорація въ университетъ

отъ обоихъ богатыхъ эрфуртскихъ капитуловъ по два канониката, какъ фондъ для обезпеченія четырехъ профессоровъ по теологіи и по каноническому праву, съ тѣмъ, что каноникаты и связанныя съ ними профессуры должны замѣщаться сообща университетомъ и городскимъ совѣтомъ. Кромѣ каноникатовъ, могли быть инкорпорированы въ университетъ и другія церковныя бенефиціи, даже приходскія церкви. Въ такомъ случаѣ юридическія отношенія университета къ инкорпорированной въ него церкви принимали слѣдующій видъ: во всемъ активѣ и пассивѣ церкви преемствовалъ университетъ; университетъ обезпечивалъ надлежащее въ ней богослуженіе посредствомъ викарія, затѣмъ необходимую долю церковныхъ доходовъ обращалъ на церковно-строительныя надобности, а остатокъ церковныхъ доходовъ распредѣлялъ, по собственному усмотрѣнію, между профессорами. Случалось, впрочемъ, что инкорпорація не только вызывала протесты со стороны города, а и вооруженное возстаніе. Такъ это было въ Роштокѣ, гдѣ соединеніе капитула съ университетомъ повело къ бунту, во время котораго убитъ былъ пробстъ, т. е. одинъ изъ каноніковъ-прелатовъ: дѣло это, какъ выше было замѣчено, стоило городу интердикта и лишенія университета на нѣкоторое время.

Возможны были еще и иныя формы обезпеченія университетовъ изъ церковныхъ средствъ. Наприм. въ Грейфсвальдѣ герцогъ, городъ и нѣкоторые монастыри отказались отъ своихъ номинаціонныхъ и презентаціонныхъ правъ въ пользу университета Другими словами, тотъ, кто имѣлъ признанное дѣйствующимъ церковнымъ порядкомъ право нарекать (т.-е. назначать) на церковную должность, или патронъ, имѣвшій право презентировать, (т.-е. представлять) епископу кандидата на должность при патронируемой церкви, поступались этими своими правами въ пользу университета, который, разумѣется, осуществлялъ ихъ такимъ образомъ, что нарекалъ или представлялъ одного изъ своихъ же членовъ. Патронат-

ское право университета могло возникнуть не только въ силу подобнаго акта щедрости, но и въ видѣ удовлетворенія за причиненное университету оскорбленіе, когда оскорбитель устраивалъ церковь или капеллу, съ передачей университету патроната на вѣчныя времена. Въ Прагѣ жалованье профессорамъ было назначено первоначально изъ королевской кассы, но съ 1352 г. на этотъ предметъ сталъ взиматься денежный сборъ съ церквей и монастырей. Однимъ изъ способовъ обезпеченія университета были также коллегіатуры, т.-е. мѣста въ коллегіяхъ съ присвоеннымъ каждому мѣсту обезпеченіемъ въ отношеніи помѣщенія и содержанія (объ этомъ ниже). Наконецъ и нѣкоторыя изъ привилегій, дававшихся университетамъ, также въ результатѣ своемъ могли вести къ матеріальному обезпеченію университетовъ, какъ, съ другой стороны, и чисто дотаціонная мѣра, какъ наприм инкорпорація, могла съ полнымъ правомъ разсматриваться, какъ привилегія, дарованная университету.

Привилегіи были частью папскими, частью императорскими, королевскими или княжескими, а по существу своему были или духовными или свѣтскими, и притомъ имѣли характеръ или изъятій отъ несенія тягостей, налагаемыхъ общими законами, церковными или государственными, или характеръ выгодныхъ и почетныхъ преимуществъ, или тотъ и другой характеръ вмѣстѣ. Нѣтъ надобности говорить о такихъ привилегіяхъ, какъ право возводить въ ученыя степени и право возведенныхъ на повсемѣстное признаніе, потому что такія привилегіи составляли самую сущность университета, какъ генеральной школы.

Къ папскимъ церковнымъ привилегіямъ, имѣвшимъ наиболѣе важное значеніе для университетовъ, относится освобожденіе штудирующихъ отъ соблюденія канонической обязанности *резиденціи*. По общему правилу, каждое церковно-должностное лицо обязано пребывать въ мѣстѣ своего служенія. Въ отступленіе отъ этого общаго правила, папы дозволяли учащимъ и учащимся въ уни-

верситетахъ пользоваться своими бенефиціями и пребендами, все равно какъ если бы они проживали въ мѣстѣ нахожденія этихъ бенефицій, за исключеніемъ лишь ручныхъ доходовъ (distributiones quotidianae), которые получались викаріями, отправлявшими службу за самихъ бенефиціатовъ. Эта льгота обыкновенно давалась на время пятилѣтняго, часто и болѣе продолжительнаго проживанія въ университетскихъ городахъ. Отсюда-то и объясняется, какимъ образомъ въ числѣ школяровъ могли оказываться церковно-должностныя лица и даже высокопоставленныя. Затѣмъ немаловажное значеніе, въ смыслѣ университетской привилегіи, имѣлъ т. н. *rotulus*, т.-е. списокъ или перечень кандидатовъ, учащихъ и учащихся, для предстaвленія папѣ о надѣленіи ихъ бенефиціями, или иначе объ опредѣленіи ихъ на церковныя должности, матеріально обезпеченныя. Этотъ списокъ сравнивали съ тѣмъ, что дѣлалось нѣкогда въ древнемъ Римѣ, гдѣ полководцамъ и императорамъ представлялись имена особо отличившихся на войнѣ, для достойнаго награжденія ихъ государствомъ за заслуги: въ *rotulus* также представлялись папамъ имена лицъ, достойныхъ награжденія за заслуги наукѣ и церкви. Ректоръ университета сначала не вносился въ списокъ; депутаты отъ университета, представляясь папѣ съ этимъ спискомъ, должны были лично и устно рекомендовать ректора вниманію папы, предъ тѣмъ какъ развернуть списокъ. Въ XIV в. и имя ректора стало вноситься въ списокъ. Парижскій университетъ сначала только при возшествіи каждаго папы на престолъ представлялъ списокъ, потомъ черезъ каждые два года, а затѣмъ черезъ годъ. Составлялся списокъ такимъ образомъ, что націи и факультеты выбирали изъ своей среды особыхъ ординаторовъ (ordinatores rotuli), которые давали присягу составить его добросовѣстно, предпочитая старшихъ младшимъ, дѣйствительно учащихъ (регентовъ)—неучащимъ, налицо находящихся отсутствующимъ. Составленные ординаторами списки представлялись на утвержденіе подлежащихъ націй или фа-

культетовъ, прочитывались затѣмъ въ общемъ собраніи университета и запечатывались его печатью, послѣ чего избранные ходоки (nuntii) должны были вручить ихъ папѣ.

Привилегія особой подсудности, съ изъятіемъ изъ круга вѣдомства общихъ судовъ, давалась членамъ университета отчасти папами (насколько дѣло шло о предметахъ, принадлежавшихъ къ вѣдомству общихъ средневѣковыхъ церковныхъ судовъ), отчасти императорами, королями или князьями (по предметамъ, входившимъ въ компетенцію общаго свѣтскаго суда) и давалась притомъ не только членамъ университета въ собственномъ смыслѣ, т.-е. учащимъ и учащимся, даже не только педелямъ, которые, какъ мы увидимъ, представляли собою довольно важную фигуру въ средневѣковыхъ университетахъ, но и прислугѣ магистровъ и школяровъ (которая могла образовать собою цѣлую свиту возлѣ какого-нибудь знатнаго школяра),—мало того—всѣмъ постороннимъ лицамъ которыя по своей профессіи, или по роду дѣятельности входили въ соприкосновеніе съ университетскимъ міромъ. Все это были «члены и подданные университета» (membra et supposita universitatis), или, какъ еще называли ихъ, «академическіе граждане». Сюда относились: книгопродавцы, торговавшіе книгами или отдававшіе ихъ въ прокатъ нуждающимся школярамъ, продавцы бумаги и пергамента, переписчики, съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія типографщики, переплетчики и орнаментщики (золотымъ тисненіемъ и гравюрами), аптекари, содержатели бань, мастера инструментовъ математическихъ, астрономическихъ и хирургическихъ; даже трактирщики, въ заведеніяхъ которыхъ собиралась штудирующая молодежь, претендовали на привилегированную подсудность, тѣмъ болѣе банкиры, ссужавшіе членовъ университета деньгами, и посыльные, чрезъ которыхъ, за неимѣніемъ почты въ средніе вѣка, шла корреспонденція какъ простая, такъ и денежная. Тѣхъ, которые ссужали школяровъ деньгами, подъ залогъ или за поручительствомъ, назы-

вали большими посыльными (magni nuntii), или посыльными перваго ранга; тѣхъ, чрезъ кого шла корреспонденція,—малыми посыльными (parvi nuntii). На посыльныхъ смотрѣли, какъ на должностныхъ лицъ, которые предъ вступленіемъ въ свою должность давали присягу въ вѣрномъ прохожденіи ея (отсюда названіе: jurati nuntii) и получали грамоту, которою удостовѣрялись ихъ личность и профессія и гарантировалась неприкосновенность. Такъ наприм. въ грамотѣ, выданной гейдельбергскимъ университетомъ его присяжному посыльному, значилось: «предоставляемъ такому-то нашему посыльному по разнымъ дѣламъ учителей и учащихся пользоваться всѣми правами и вольностями нашего университета при путешествіяхъ его какъ на сушѣ, такъ и на водѣ, и приглашаемъ всѣхъ и каждаго, какъ скоро онъ будетъ проходить чрезъ ваши земли, мѣстечки, города и проч. съ вещами, книгами, платьемъ и другимъ имуществомъ выше упомянутыхъ учителей и учащихся, давать ему свободный и безпошлинный пропускъ и снабжать, по его просьбѣ, всѣмъ, въ чемъ онъ будетъ нуждаться». Нечего удивляться, что въ средніе вѣка кругъ вѣдомства университетскаго суда обнималъ и такихъ лицъ, которыя не принадлежали ни къ учащимъ, ни къ учащимся, если принять во вниманіе, что даже въ XVIII в. возможны были учредительныя грамоты, подобныя геттингенской (1734 г.), въ которой говорилось, что университетской юрисдикціи подлежатъ всѣ имѣющіе ученыя степени и не состоящіе на городской службѣ, университетскіе книгопродавцы, типографщики и переплетчики съ ихъ подмастерьями и учениками, наконецъ трактирщики, принимающіе къ себѣ членовъ университета, и нанимаемая ими прислуга. Слова старинной студентской пѣсни: «vivant membra quaelibet, vivat membrum quodlibet», хорошо выражаютъ широкую идею древней университетской корпораціи. Еще менѣе можно удивляться обособленной подсудности самихъ членовъ университета въ собственномъ смыслѣ. Извѣстно, что въ Германіи только

въ нынѣшнемъ столѣтіи (въ 40-хъ годахъ) поднялась усиленная агитація противъ этой обособленности, оказавшейся въ противорѣчіи съ идеею равенства всѣхъ гражданъ въ правахъ и обязанностяхъ, при чемъ агитація, какъ это и обыкновенно бываетъ, била черезъ край, требуя уничтоженія и всякаго дисциплинарнаго университетскаго суда Въ средніе вѣка обособленная подсудность членовъ университета опредѣлялась разными соображеніями. Не говоря о томъ, что школьный контингентъ составлялся главнымъ образомъ изъ духовныхъ лицъ, а привилегированная подсудность духовенства въ средніе вѣка была общепризнаннымъ началомъ, самая идея университета, какъ корпораціи пришельцевъ, вела къ обособленію этой корпораціи отъ корпораціи гражданъ и въ области судебной По германскимъ воззрѣніямъ, и вообще считалось естественнымъ, чтобы судъ производился равными, чтобы благородные судились благородными, воины— воинами, общины—общинами. Съ этой точки зрѣнія, естественнымъ же и справедливымъ представлялось и то, чтобы штудирующій науку судился своими равными, тѣмъ болѣе, что большая часть высшихъ школъ существовала въ посредственныхъ или совсѣмъ незначительныхъ городахъ, гдѣ мѣстныя начальства не имѣли достаточныхъ ни ранга, ни авторитета, чтобы быть судьями составившихъ себѣ славу ученыхъ или знатнаго происхожденія и высокаго должностного ранга школяровъ. Строго говоря, изъ всѣхъ этихъ соображеній слѣдовало бы, что члены университета должны быть изъяты изъ общаго круга вѣдомства и духовнаго, и свѣтскаго суда. Однако въ такомъ чистомъ видѣ идея обособленной университетской подсудности наблюдается далеко не часто въ исторіи средневѣковыхъ университетовъ. Въ примѣръ можно указать Прагу, гдѣ король Венцеславъ въ 1392 г. провозгласилъ изъятіе отъ всякаго свѣтскаго суда, а папа въ 1397 г.—изъятіе отъ всякаго духовнаго суда, съ предоставленіемъ юрисдикціи каждому наличному ректору университета. То же самое

можно сказать о Вѣнѣ. Вообще же судебная привилегія университетовъ принимала различныя формы и регулировалась различнымъ образомъ. Мало колебался лишь одинъ вопросъ: о дисциплинарномъ судѣ университета надъ учащими и учащимися по дѣламъ школьнаго характера. Но когда мы говоримъ о привилегированной подсудности, то имѣемъ въ виду подсудность не въ порядкѣ только дисциплинарнаго суда, а и подсудность по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Статуты итальянскихъ университетовъ настаивали на исключительной подсудности членовъ университета ректору и въ гражданскихъ, и въ уголовныхъ дѣлахъ; но города не склонны были раздѣлять эту точку зрѣнія. Что касается гражданскихъ дѣлъ, то считалось безспорнымъ, что если обѣ тяжущіяся стороны принадлежатъ къ университету, или если отвѣтчикъ есть членъ университета, а посторонній истецъ добровольно обращается къ ректору, послѣдній есть единственно компетентная судебная власть. Если, напротивъ, посторонній истецъ не желалъ обращаться къ ректору, то такого рода случай былъ долгое время спорнымъ: университетъ и для такихъ случаевъ отстаивалъ юрисдикцію ректора, а городъ не соглашался допустить ее, требуя, чтобы городскіе органы давали исполнительную силу рѣшеніямъ ректора только тогда, когда обѣ стороны принадлежали къ университету. Вопросъ, впрочемъ, позднѣе разрѣшился въ пользу университета, когда статуты университетскіе, которые городъ считалъ необязательными для себя, получили папское утвержденіе, особенно въ городахъ, вошедшихъ въ церковное государство. Юрисдикція ректора по уголовнымъ дѣламъ также вызывала споры. Безспорнымъ считалось, что незначительные проступки и, разумѣется, нарушенія школьной дисциплины подлежатъ университетскому суду. Наказанія за нихъ состояли въ денежныхъ штрафахъ и въ исключеніи изъ университета. Для избѣжанія столкновеній по вопросу о подсудности другихъ дѣлъ, прибѣгали иногда къ переговорамъ или къ соглашенію. Такъ въ

1302 г. былъ организованъ въ Болоньѣ большой смѣшанный судъ. Болѣе опредѣленнымъ образомъ разрѣшенъ былъ этотъ вопросъ уже за предѣлами среднихъ вѣковъ, въ 1544 г., когда было установлено, что ректорская юрисдикція имѣетъ мѣсто только тогда, когда и преступникъ, и потерпѣвшій принадлежатъ къ университету, и притомъ за исключеніемъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій Въ Падуѣ университетской юрисдикціи подлежали члены университета: по гражданскимъ дѣламъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ стороны принадлежали къ университету, съ апелляціей къ городскому подеста, если дѣло было на сумму свыше 10 лиръ,—изъ уголовныхъ дѣлъ по личнымъ обидамъ. Въ университетскую компетенцію входили наложеніе штрафа и исключеніе изъ университета: въ статутахъ падуанскихъ говорится, правда, что ректоръ артистовъ могъ присуждать и къ уголовнымъ наказаніямъ, за исключеніемъ смертной казни и изуродованія, но это предположеніе не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ фактомъ, что рѣшенія ректора падуанскихъ артистовъ, какъ указано будетъ ниже, подлежали обжалованію ректорамъ юристовъ, компетенція которыхъ представлялась бы болѣе ограниченною, чѣмъ у судьи первой инстанціи. Изъ подуанскихъ же статутовъ видно, что германская нація, которая вообще пользовалась разными преимуществами въ итальянскихъ университетахъ, состояла подъ юрисдикціей своего главы и въ томъ случаѣ, когда противная сторона не принадлежала къ университету. Въ самой Болоньѣ совѣтники или прокураторы германской націи были высшею судебною властью надъ членами своей націи, не подчиненною ректору. Неапольскій университетъ представлялъ собою нѣчто исключительное въ ряду итальянскихъ университетовъ. Между тѣмъ какъ въ другихъ университетахъ опиравшаяся первоначально на буквальный смыслъ аутентики «Habita» юрисдикція магистровъ перешла на ректора, въ Неаполѣ, при Карлѣ анжуйскомъ, она перенесена была на особаго королевскаго судью (justitiarius scholarium), по всѣмъ граждан-

скимъ и уголовнымъ дѣламъ и съ кѣмъ бы то ни было. Это не епископъ, не ректоръ, не судья свѣтскій общаго порядка, а судья особенный, и въ этомъ смыслѣ неаполькій университетъ также пользовался судебною привилегіей.—Въ Парижѣ, въ силу привилегіи Филиппа Августа, члены университета были изъяты изъ подсудности свѣтскому суду по учиняемымъ ими преступленіямъ и подчинены духовной юрисдикціи епископа, который осуществлялъ свою власть черезъ оффиціала, обыкновенно же черезъ канцлера. Но отчасти внутреннія измѣненія, которыя переживалъ университетъ въ развитіи своей организаціи, отчасти королевскіе ордонансы значительно видоизмѣнили первоначальную постановку вопроса о подсудности. Вопервыхъ, развивавшаяся и усиливавшаяся должность ректора втягивала въ кругъ своего вѣдомства и судныя дѣла, и не только дисциплинарнаго, но и граждански-спорнаго характера, какъ наприм. по найму квартиръ, по поводу книгъ, писчаго матеріала и т. п. Неизлишне замѣтить приэтомъ, что въ Парижѣ процвѣтало тѣлесное наказаніе, въ видѣ сѣченія плетьми, которому подвергаемы были не только школяры, но и баккалавры. Вовторыхъ, такъ называемые «консерваторы», сдѣлавшіеся вообще обычными въ средневѣковыхъ университетахъ, осуществляли въ немалыхъ размѣрахъ и судебную власть. Консерваторы могли быть или папскіе, или королевскіе,—первые для охраненія или поддержанія въ силѣ привилегій, данныхъ папой университету, послѣдніе для охраненія или поддержанія въ силѣ привилегій, дарованныхъ королемъ. Папскіе консерваторы, по общему правилу, назначались самимъ папой, по его усмотрѣнію; только парижскому университету и въ этомъ отношеніи была предоставлена привилегія — выбирать себѣ консерваторомъ одного изъ епископовъ трехъ, близкихъ къ Парижу, діоцезовъ (Senlis, Beauvais, Meaux). Королевскимъ консерваторомъ въ Парижѣ былъ сдѣланъ парижскій превò, который, еще и раньше пожалованія его въ консерваторы, привлекалъ къ своему суду

всѣ гражданскія дѣла членовъ университета—въ качествѣ ли истцовъ, или въ качествѣ отвѣтчиковъ—съ посторонними. Сдѣлавшись консерваторомъ королевскихъ привилегій, превò оказался судьей во всѣхъ дѣлахъ по столкновеніямъ и недоразумѣніямъ членовъ университета съ полиціей и гражданами, причемъ обязанъ былъ охранять университетскія привилегіи. Что касается папскаго консерватора, то онъ имѣлъ гражданскую и уголовную юрисдикцію всякій разъ, какъ нарушенію подвергались духовныя привилегіи членовъ университета, наприм. въ связи съ вопросомъ о доходахъ съ бенефицій, остававшихся за ними на время пребыванія въ университетѣ; мало того, по словамъ одного стариннаго канониста, онъ присвоялъ себѣ всѣ права, по общему правилу принадлежавшія епископу парижскому, такъ что этотъ послѣдній даже долженъ былъ ходатайствовать о полученіи отъ папы особой привилегіи—не быть вызываемымъ на судъ консерватора и не подлежать налагаемому имъ отлученію отъ церкви. Къ исходу среднихъ вѣковъ картина совершенно перемѣнилась. Послѣ того какъ въ 1446 г. Карлъ VII предоставилъ парижскому парламенту право судить по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ университета, и его членовъ (les causes, querelles et négoces de l'université et de ses suppôts), юрисдикція парламента постепенно втянула въ себя всѣ дѣла, касающіяся университета и его членовъ: предъ возрастающею властью парламента стушевался и авторитетъ консерватора папскихъ привилегій, хотя слѣдъ этой должности вполнѣ исчезъ лишь въ XVI в. Изъ другихъ французскихъ университетовъ объ орлеанскомъ извѣстно, что до 1520 г. юрисдикція по уголовнымъ дѣламъ принадлежала епископу, а судъ по гражданскимъ дѣламъ двумъ королевскимъ консерваторамъ—балли и превò—Англійскіе университеты пользовались привилегированною духовною подсудностью; послѣ того какъ канцлеръ сдѣлался выборною университетскою должностью, духовная юрисдикція стала осуществляться чрезъ университетскія же власти, причемъ по уголовнымъ дѣламъ жюри

должно было составляться частью изъ гражданъ, частію изъ членовъ университета.

Въ испанскихъ университетахъ, какъ наприм. въ Лериде, судебная привилегія университета была регулирована слѣдующимъ образомъ: 1) членъ университета, по поводу проступковъ, учиненныхъ имъ на своей родинѣ, или по поводу сдѣланныхъ имъ на своей родинѣ долговъ, не можетъ быть подвергаемъ какимъ-либо безпокойствамъ и тревогамъ ни во время путешествія своего въ Лериду, ни во время проживанія въ Лериде, ни даже на обратномъ пути изъ Лериды на родину; отсюда исключаются лишь случаи тяжкихъ преступленій, или такіе, когда процессъ начался еще до отбытія изъ мѣстожительства; 2) у учащихъ и учащихся не могутъ быть производимы домашніе обыски чиновниками, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда скрывающійся въ домѣ обвиняется въ убійствѣ, или когда преслѣдуемый чиновниками, въ присутствіи этихъ послѣднихъ, на ихъ глазахъ, скрылся въ квартиру преподавателя или школяра, но и въ этихъ случаяхъ обыскъ долженъ производиться вѣжливо, съ привлеченіемъ свидѣтелей и безъ причиненія вреда; 3) подлежащіе суду за преступленія преподаватели или учащіеся, если учиненныя ими дѣянія не влекутъ за собою смертной казни или членовредительнаго наказанія, могутъ избирать себѣ судьями или мѣстную городскую курію, или епископа, или ректора.

Въ германскихъ университетахъ, явившихся позднѣе сравнительно съ другими западно-европейскими университетами, болѣе отчетливо проведено начало, что въ составѣ университета нужно различать духовныхъ отъ мірянъ, не подгоняя всѣхъ членовъ университета безъ разбора подъ одну точку зрѣнія. Однако и въ германскихъ университетахъ наблюдается не мало разностей. О Прагѣ было сказано выше. Въ Вѣнѣ, какъ и въ Прагѣ, университету предоставлено было право осуществлять всякую юрисдикцію надъ своими членами, въ томъ числѣ и надъ духовными, съ отлученіемъ отъ церкви включитель-

но При учрежденіи гейдельбергскаго университета, курфюрстъ баварскій Рупрехтъ I опредѣлилъ, что духовный членъ университета судится по всякимъ дѣламъ епископомъ вормскимъ, которому предоставлено держать въ Гейдельбергѣ своего чиновника и устроить тюрьму, а мірянинъ долженъ подлежать суду фогта и шультгейса. которые ежегодно даютъ присягу предъ ректоромъ или его представителями въ томъ, что будутъ безпристрастно примѣнять законы. Въ видахъ лучшаго обезпеченія въ своей территоріи твердой и скорой юстиціи, курфюрстъ выразилъ, кромѣ того, желаніе, чтобы оба судьи—и духовный, и свѣтскій—были связаны опредѣленными инструкціями, чтобы маловажные случаи разрѣшались ректоромъ, чтобы аресты не производились безъ вины и безъ достаточнаго основанія, чтобы арестованный по маловажному подозрѣнію освобождался подъ условіемъ обезпеченія явки въ судъ, а арестованный по тяжкому подозрѣнію содержался въ приличномъ заключеніи безъ всякаго насилія и проч. Однако, и въ Гейдельбергѣ на самомъ дѣлѣ епископъ сталъ переносить свои полномочія на ректора, съ тѣмъ чтобы въ болѣе важныхъ случаяхъ не одинъ онъ рѣшалъ дѣла, а академическій сенатъ. Въ большей же части германскихъ университетовъ принятъ былъ принципъ, что члены университета, виновные въ тяжкихъ преступленіяхъ, тѣмъ самымъ теряютъ привилегіи университета и, смотря по ихъ званію, выдаются или ординарному духовному судьѣ (обыкновенно епископскому оффиціалу), или ординарному свѣтскому судьѣ, и что, съ другой стороны, въ академическую юрисдикцію входятъ, кромѣ собственно дисциплинарныхъ дѣлъ, гражданскія дѣла и дѣла по обидамъ. Наприм., въ Кельнѣ всѣ иски между студентами и магистрами подлежали суду ректора, иски гражданъ противъ членовъ университета—тому же суду, иски студентовъ къ гражданамъ—городскому совѣту. Многія детали были регулированы путемъ взаимныхъ соглашеній между городомъ и университетомъ, причемъ незамѣтно

никакого вліянія епископа на это регулированіе, или даже никакого участія въ немъ. Въ Базелѣ городъ, за исключеніемъ дѣлъ, подлежащихъ суду духовному, предоставилъ ректору полную юрисдикцію, но съ выдачей тяжкихъ преступниковъ городскому совѣту для наказанія, причемъ все-таки привилегіи университетскія сказывались въ томъ, что пытки не могли имѣть мѣста безъ согласія и безъ присутствія ректора. Кромѣ того, городъ регулировалъ производство дѣлъ по взаимнымъ искамъ между гражданами и членами университета по принципу: истецъ слѣдуетъ подсудности отвѣтчика. Подобное же въ Роштокѣ, а въ Ингольштадтѣ существовалъ порядокъ, сходный съ гейдельбергскимъ.

Существовали въ германскихъ университетахъ и консерваторы съ извѣстною юрисдикціей, въ силу которой они привлекали къ отвѣту противниковъ и нарушителей привилегій университета. Консерваторами обыкновенно назначались епископы; въ такихъ случаяхъ нужно было различать въ лицѣ епископа юрисдикцію, основанную на этомъ особомъ порученіи, отъ юрисдикціи его, какъ ординарнаго духовнаго судьи. Бывало, что консерваторами назначались и другіе прелаты, какъ пробстъ; наприм., когда въ 1477 г. князья и бароны, не обращая вниманія на университетскія привилегіи, стали грабить имѣнія ингольштадтскаго университета, папа далъ ему, по его просьбѣ, двухъ консерваторовъ—епископа аугсбургскаго и эйхштадтскаго пробста съ полномочіемъ отлучать грабителей отъ церкви и призывать на помощь свѣтское оружіе. Иногда миссія консерватора сливалась съ должностію канцлера въ одномъ лицѣ, а случалось, что и высокопоставленный мірянинъ назначался консерваторомъ (наприм. въ Вѣнѣ). Кромѣ консерватора, могли быть еще субконсерваторы, какъ делегаты второго порядка, дѣйствующіе по уполномочію не отъ папы, а отъ консерватора, точно такъ же какъ при канцлерѣ могли быть вице-канцлеры или при ректорѣ вице-ректоры. Судебною привилегіею университеты вообще дорожили не ме-

нѣе, чѣмъ духовенство въ средніе вѣка дорожило своею исключительною духовною подсудностью: въ эпоху насилія и безправія, она придавала университету извѣстную твердость и самостоятельность, не говоря о томъ, что избавляла членовъ университета отъ неудобствъ варварскаго процесса, соединеннаго съ поединкомъ, испытаніемъ водою, желѣзомъ и т. п.

Члены университета пользовались далѣе разными льготами по найму помѣщеній и квартиръ; всего чаще квартирный вопросъ разрѣшался смѣшанными коммиссіями изъ членовъ университета и изъ горожанъ, примѣры чего приведены были въ первой главѣ. И въ Германіи, пока и насколько вопросъ этотъ не разрѣшался устройствомъ общежитій (коллегій, бурсъ и т. п.), дѣлалось нѣчто подобное. Наприм. въ Гейдельбергѣ, по предписанію курфюрста, должна была дѣйствовать квартирная коммиссія изъ одного члена университета и изъ пользующагося довѣріемъ и уваженіемъ гражданина, въ случаѣ раздѣленія голосовъ усиливаемая еще третьимъ экспертомъ. Коммиссія должна была ежегодно составляться на праздникахъ Рождества Христова и, по тщательномъ изслѣдованіи, назначать цѣну квартиръ. Всѣмъ, сдающимъ въ наемъ свои помѣщенія, вмѣнено въ обязанность безпрекословно подчиняться рѣшеніямъ коммиссіи, и, наоборотъ, каждому члену университета предоставлено занимать любое помѣщеніе за установленную цѣну; если бы ему довелось сдѣлать затраты въ видахъ улучшенія помѣщенія, на этотъ случай ему предоставлено право соотвѣтственнаго вычета изъ наемной платы.

Затѣмъ члены университета освобождались отъ повинностей—воинской, постойной, сторожевой или караульной, отъ податей и налоговъ, отъ дорожныхъ и таможенныхъ пошлинъ. Иногда профессорамъ давалось право безпошлиннаго импорта чужеземныхъ напитковъ, или случалось, что самимъ профессорамъ разрѣшалась безакцизная продажа вина отъ Пасхи до Пятьдесятницы, а въ Гейдельберѣ курфюрстъ, въ видахъ привлеченія граж-

данъ къ поступленію въ высшую школу, дозволилъ имъ, въ случаѣ если они владѣютъ большими запасами вина, чѣмъ сколько для нихъ самихъ требуется, продавать въ годъ разъ (послѣ Пасхи) отъ одной до двухъ бочекъ безпошлинно Встрѣчаются еще въ числѣ университетскихъ привилегій: право охоты, право устроенія и сдачи въ аренду аптекъ, даже винныхъ погребовъ и пивныхъ. Гораздо большее—и принципіальное, и житейское—значеніе имѣли привилегіи, которыя первоначально пріобрѣла для себя болонская коллегія докторовъ-юристовъ (не университетъ) и которыя позднѣе стали предоставляться и германскимъ университетамъ. Болонская юридическая коллегія изъ римскаго права вывела приравненіе юристовъ къ всадникамъ-рыцарямъ и даже право возводить въ рыцарское достоинство; коллегія узаконяла незаконнорожденныхъ дѣтей, несовершеннолѣтнимъ давала т. н. дозволеніе возраста (veniam aetatis), т.-е. признавала ихъ лицами вполнѣ дѣеспособными, могущими дѣйствовать наравнѣ съ совершеннолѣтними. Позднѣе и германскимъ университетамъ императоры давали подобныя чрезвычайныя привилегіи (т. н. Comitiva Caesarea): узаконять незаконныхъ дѣтей, возстановлять гражданскую честь, давать veniam aetatis, опредѣлять и отрѣшать опекуновъ и попечителей, опредѣлять въ должность нотаріуса и возводить въ званіе увѣнчаннаго поэта (poëta laureatus). Что касается послѣдней привилегіи въ особенности, то обычай увѣнчанія поэтовъ лавровымъ вѣнкомъ явился въ Италіи и корнями своими уходитъ во времена древней римской имперіи. Въ Германіи poëtae laureati возводились сначала въ свое званіе самими императорами, потомъ ихъ уполномоченными пфальцграфами, съ половины XV в. университетами. Съ лавровымъ вѣнкомъ, которымъ увѣнчанный поэтъ могъ украшать себя во всякое время во всякомъ мѣстѣ, даже въ присутствіи императорскихъ величествъ, связывалось не почетное достоинство только, а и право—на пространствѣ всей римско-германской имперіи и въ любой ея школѣ—выступать въ

качествѣ учителя поэтическаго искуства и черезъ то дѣлаться причастнымъ всѣхъ правъ академическихъ профессоровъ.

Въ виду всего сказаннаго въ настоящей главѣ о дотаціи и привилегіяхъ университета, а также въ виду сказаннаго въ предыдущей главѣ о возникновеніи университетовъ, насъ не долженъ удивлять вопросъ, оказывающійся спорнымъ въ литературѣ и на самомъ дѣлѣ далеко не легкій для категорическаго разрѣшенія: какъ смотрѣть на средневѣковые университеты,—были ли они церковными, духовными корпораціями (corpus ecclesiasticum, collegium ecclesiasticum) или свѣтскими, мірскими (corpus или collegium laicum)? Не только нѣкоторыми писателями отстаивался чисто духовный характеръ средневѣковыхъ университетовъ, но и сами университеты иногда называли себя, какъ напр. гейдельбергскій, церковными корпораціями. Указываютъ вопервыхъ на самое происхожденіе университетовъ изъ церковныхъ школъ, каѳедральныхъ или монастырскихъ, и на то, что въ нѣкоторыхъ учредительныхъ грамотахъ университеты представляются органами Св. Духа. Напр. въ подтвердительной грамотѣ Альбрехта III вѣнскому университету говорится, что «университетъ есть дѣло великое и высокое, служащее къ прославленію Творца на небѣ и распространенію Его истинной вѣры на землѣ». Людовикъ баварскій въ учредительной грамотѣ университета ингольштадтскаго выразился такъ: «изъ всѣхъ благъ, которыя могутъ быть дарованы человѣку въ сей преходящей жизни милостію Всемогущаго Бога, величайшіе суть ученіе и искусство, ибо, благодаря имъ, указывается путь къ святой и благой жизни, человѣческій разумъ просвѣщается правильнымъ познаніемъ, воспитываются добрые нравы, укрѣпляется христіанская вѣра, насаждаются справедливость и общая польза, лица самаго низкаго происхожденія достигаютъ высокихъ должностей и званій—Богу Всемогущему во славу, христіанству на утвержденіе, всѣмъ вѣрующимъ людямъ на благо, общей

пользѣ и праву на поспѣшеніе, потомству на утѣшеніе» и т. д. Подобнымъ же образомъ Рудольфъ IV въ учредительной грамотѣ фрейбургскаго университета поставляетъ цѣль университета въ прославленіи милосердія Творца, распространеніи истинной вѣры, обученіи несвѣдущихъ, поддержаніи правосудія, въ содѣйствіи просвѣщенію человѣческаго разума, преуспѣянію общественнаго благосостоянія и приготовленію человѣческихъ сердецъ къ озаренію пхъ Св. Духомъ и проч. Англичанинъ Кэмденъ называлъ оксфордскій университетъ «солнцемъ, окомъ и душой пресвѣтлой мастерской наукъ и мудрости, откуда религія, человѣчность и научная образованность обильнѣйшимъ образомъ распространяются во всѣ части королевства», а Матвѣй Парижскій называлъ тотъ же оксфордскій университетъ «основаніемъ церкви» (fundamentum ecclesiae). Гейдельбергскій университетъ былъ основанъ «въ честь Дѣвы Маріи и всей небесной свиты» (zu Ehren der Jungfrau Maria und des ganzen himmlischen Hofstaates). Въ университетской капеллѣ Гейдельберга находилось слѣдующее изображеніе: учитель, окруженный четырьмя учениками, погруженъ, вмѣстѣ съ ними, въ занятія; ученики, склонившись надъ своими книгами, со всѣмъ вниманіемъ слушаютъ объясненіе учителемъ предлежащаго текста,—этотъ учитель есть Христосъ, а ученики—четыре факультета. Самый поводъ къ учрежденію этого университета былъ церковнаго характера. Когда обнаружился въ западномъ христіанствѣ т. н. великій расколъ, т. е. когда Франція съ Испаніей стояли за авиньонскаго папу, а Германія, вмѣстѣ съ другими странами, склонялась въ пользу римскаго его противника, а между тѣмъ въ Парижѣ училась масса германцевъ, затруднительное положеніе которыхъ осложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что германцы въ Парижѣ жили доходами со своихъ церковныхъ бенефицій, находящихся въ Германіи,—въ этотъ именно моментъ гейдельбергскій университетъ явился какъ рѣшительный сторонникъ папы римскаго. Дѣло доходило почти до враждебныхъ

выходокъ противъ парижской высшей школы, хотя она именно и служила новоучрежденному университету образцомъ для подражанія. Когда въ 1387 г. многіе магистры, пріобрѣтшіе свои степени во французской столицѣ, прибыли въ Гейдельбергъ, университетъ медлилъ принятіемъ ихъ и, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшилъ, что всѣ обязанные своими учеными степенями канцлеру, назначенному изъ Авиньона, никогда ие будутъ имъ признаны. Университетъ боялся, что признаніе будетъ истолковано въ смыслѣ заявленія въ пользу французскаго папы. А какъ скоро затѣмъ, (можетъ быть) тѣ же парижскіе выходцы попытались повліять на студентовъ, вербуя себѣ приверженцевъ въ тайныхъ собраніяхъ, университетъ выступилъ со всею рѣшительностью и не прежде успокоился, какъ виновники смуты признались, что они и сами сомнѣваются въ правомѣрности своихъ титуловъ. Онъ отстаивалъ энергически тотъ взглядъ, что всѣ академическія степени, полученныя въ Парижѣ съ извѣстнаго времени, недѣйствительны. Гейдельбергскій университетъ принималъ участіе и въ борьбѣ противъ ересей и, въ моментъ возникновенія реформаціи, получилъ даже миссію бороться противъ ученія Лютера, что̀, однако, не помѣшало ему вскорѣ же сдѣлаться протестантскимъ. Въ Роштокѣ университетъ былъ формально соединенъ съ капитуломъ. О парижскомъ университетѣ, въ которомъ теологія всегда господствовала надъ всѣми научными отраслями, нечего и говорить. Онъ былъ могущественнымъ церковнымъ факторомъ въ послѣдовавшую за великимъ расколомъ эпоху реформаціонныхъ или епископальныхъ соборовъ первой половины XV в., когда во главѣ цѣлаго епископальнаго направленія западной Европы стоялъ знаменитый канцлеръ парижскаго университета Іоаннъ Герзонъ (Жерсонъ). Да и германскіе университеты въ эту эпоху привлекались къ участію въ реформаціонныхъ соборахъ, отправляя отъ себя депутаціи на эти соборы.

Указываютъ затѣмъ на канцлерскую должность, на

инкорпорацію чисто церковныхъ институтовъ въ университетъ, на ихъ личный составъ, на костюмъ, который обязательно должны были носить члены университета, на то, наконецъ, что университетскія зданія, или извѣстныя части ихъ, наравнѣ съ церковными зданіями, пользовались правомъ убѣжища, такъ что скрывшіеся въ нихъ преступники были освобождаемы отъ угрожавшаго имъ уголовнаго наказанія (т. н Freyung). Для характеристики отношенія университетовъ къ церкви въ средніе вѣка можно указать еще и на тотъ фактъ, что даже въ новой исторіи и въ университетахъ лютеранскихъ поддерживался церковный характеръ университета Напр., въ Роштокѣ учрежденная герцогами мекленбургскими консисторія была поставлена въ связь съ университетомъ, а въ виттенбергскихъ статутахъ 1595 г. было сказано, что «философскій факультетъ долженъ быть частью церкви» Академическіе же акты (диспутаціи и промоціи) и вообще должны были совершаться въ храмахъ и т. п.

Однако, и тѣ, которые склонны признать средневѣковые университеты церковными учрежденіями, допускаютъ, что поставленный выше вопросъ для разныхъ университетовъ и въ разное время долженъ быть разрѣшаемъ различно.

Съ особенною обстоятельностью и подробностью трактуется этотъ вопросъ Кауфманомъ, которому вообще принадлежитъ лучшая, наиболѣе полная и наиболѣе систематическая работа по исторіи средновѣковыхъ университетовъ. Что касается происхожденія университетовъ изъ церковныхъ школъ, каѳедральныхъ и монастырскихъ, то о нѣкоторыхъ университетахъ, какъ парижскій и оксфордскій, дѣйствительно можно сказать, что корни свои они имѣютъ въ церковныхъ школахъ и выросли на церковной почвѣ, въ связи съ церковными учрежденіями. Зато въ отношеніи къ нѣкоторымъ университетскимъ городамъ представляется рѣшительно недоказуемою связь университета съ какою-либо раньше существовавшею церковною школою, а относительно

итальянскихъ университетовъ можно прямо сказать, что корни свои они имѣютъ не въ церковныхъ, а въ городскихъ школахъ. Да и относительно тѣхъ университетовъ, историческая связь которыхъ съ церковными школами можетъ быть установлена со всею несомнѣнностію, слѣдуетъ припомнить то, что выше сказано о значеніи законодательства Карла Великаго, слѣдовательно императорскаго законодательства, для судьбы школьнаго дѣла на Западѣ. Что папами большею частію издавались учредительныя грамоты университетовъ,—изъ этого видно только то, что папскія привилегіи цѣнились и не могли не цѣниться, потому что только папа одинъ могъ, наприм., освободить штудирующее духовенство отъ соблюденія каноническаго закона о резиденціи, а по всему складу средневѣковой жизни духовенство именно и должно было составлять главный контингентъ для наполненія университетовъ. Поэтому-то даже и такія высшія школы, которыя возникли независимо отъ всякихъ учредительныхъ грамотъ, просуществовавъ долгое время, такъ сказать по обычаю (ex consuetudine), считали нужнымъ заручиться папскою учредительною грамотою, хотя папы вовсе и не думали отрицать юридическое существованіе высшихъ школъ за время, предшествующее изданію грамоты. Къ папѣ обращались, притомъ, не какъ къ духовной только власти, а какъ къ власти универсальной, къ которой, при религіозномъ укладѣ среднихъ вѣковъ и при полномъ смѣшеніи свѣтскаго съ духовнымъ, обращались даже и города, т.-е. чисто свѣтскія корпораціи, съ прошеніями о дарованіи привилегій. Такъ какъ и императоръ, по сознанію среднихъ вѣковъ, представлялся таковою же универсальною властью, то университетъ или городъ обращались и къ императору съ прошеніями о дарованіи учредительной грамоты. Нѣкоторые университеты такъ и остались съ одною лишь императорскою учредительною грамотою. И если случалось, что напр. гейдельбергскій университетъ старался доказать, что онъ есть «corpus ecclesiasticum», то напротивъ великій цер-

ковный авторитетъ, Ѳома Аквинскій, преподаватель парижскаго университета въ XIII в., когда церковное вліяніе во всѣхъ областяхъ жизни господствовало болѣе чѣмъ когда-нибудь, говорилъ, что «collegium scholasticum» не не есть «collegium ecclesiasticum». А что въ учредительныхъ грамотахъ университетовъ—добавимъ еще—дѣлалось сильное удареніе на церковномъ значеніи высшихъ школъ, то опять-таки религіозный духъ времени, которымъ проникался весь складъ средневѣковой жизни, даетъ ключъ къ пониманію выраженій, подобныхъ вышеприведеннымъ. Мысль, содержавшаяся въ этихъ выраженіяхъ, могла быть формулирована и иначе. Напр. Альбрехтъ VI, эрцгерцогъ австрійскій въ грамотѣ фрейбургскому университету выразился, что онъ желалъ, заодно съ другими христіанскими государями «ископать кладязь жизни, изъ котораго бы во всѣ концы міра почерпалась просвѣщающая вода утѣшительной и спасительной мудрости, для погашенія пагубнаго огня человѣческаго неразумія и слѣпоты». Но вѣдь это такой языкъ, которымъ могъ бы говорить и въ настоящее время учредитель университета. Канцлерская должность также не можетъ служить доказательствомъ того, что средневѣковый университетъ былъ церковною корпораціей. Канцлеръ не былъ органомъ церкви въ смыслѣ представителя первоначальнаго права церкви на руководство занятіями въ университетахъ. Въ Парижѣ развитіе канцлерской должности, въ смыслѣ такой именно руководственнной власти, условливалось мѣстными обстоятельствами: источникомъ этой руководственной власти было тамъ право *опредѣленныхъ* церковныхъ учрежденій на руководство *опредѣленными* школами, а не право всеобщей церкви. Старинная канцлерская лиценція существенно разнилась отъ той лиценціи, которую впослѣдствіи преобразованный Наполеономъ I парижскій университетъ давалъ всякому открывающему учебное заведеніе на пространствѣ всей Франціи. Правда, въ итальянскихъ, французскихъ и германскихъ университетахъ

канцлерская должность часто учреждалась папой,—правда, что и въ Парижѣ самомъ канцлеръ сталъ считаться представителемъ не епископа, а папы, такъ что университетъ даже отказывался признавать лиценцію, полученную отъ епископа во время вакантности канцлерской должности: но тутъ мы опять встрѣчаемся не съ духовною, а съ тою же универсальною, свѣтскія и духовныя дѣла обнимающею, властію, которая приписывалась папѣ въ средніе вѣка. Канцлеръ часто назначался и императоромъ, даже и государемъ какой-либо отдѣльной территоріи. Въ Неаполѣ дѣйствовалъ королевскій великій канцлеръ, а послѣ него королевскій капелланъ. Въ Германіи императоры переносили иногда право давать лиценцію на т. н. дворцовыхъ графовъ (пфальцграфовъ, comites palatini), конкуррировавшихъ съ университетскими канцлерами, или даже сами возводили въ ученыя степени. Правда, императоръ Сигизмундъ выразился однажды, что онъ въ одинъ день можетъ произвести тысячу невѣждъ въ рыцари, но и въ тысячу лѣтъ не можетъ сдѣлать хотя бы одного кого-либо докторомъ. Но о позднѣйшемъ императорѣ Фридрихѣ III извѣстно, что, послѣ своего императорскаго коронованія, онъ многихъ въ Италіи возвелъ въ доктора собственною властью. Эней Сильвій (впослѣдствіи папа Пій II) въ своей исторіи Фридриха говоритъ, что императоръ возвелъ въ доктора въ Италіи многихъ, обладавшихъ вмѣсто знанія деньгами (multos doctores Caesar in Italia promovit quibus aurum pro scientia fuit). Тотъ же Фридрихъ, въ 1463 г. подтверждая привилегіи герцоговъ австрійскихъ и давая имъ титулъ эрцгерцоговъ, въ видѣ увеличенія и расширенія ихъ правъ, предоставилъ имъ крепировать магистровъ и докторовъ императорскаго (т.-е. римскаго) права, медицины и семи свободныхъ искусствъ, воздержавшись отъ включенія въ сферу эрцгерцогскихъ правомочій возведенія въ степени по теологіи и каноническому праву, очевидно во избѣжаніе конфликта съ папой. Франкфуртскій канцлеръ называлъ себя канцлеромъ въ

силу апостольскаго и императорскаго авторитета». Еще гораздо раньше, король Яковъ I аррагонскій, назначивъ канцлеромъ леридскаго университета каѳедральнаго каноника, оговорился, что онъ дѣлаетъ это съ цѣлью почтить церковь и университетъ, но что отнюдь не слѣдуетъ считать, на этомъ основаніи, канцлерскую должность церковною должностью. Польскій и венгерскій короли оставили за собой право назначенія канцлера въ университеты краковскій и фюнфкирхенскій, а позднѣе король Владиславъ, назначая канцлеромъ новоучрежденнаго бреславскаго университета мѣстнаго епископа, мотивировалъ свое назначеніе тѣмъ, что епископъ бреславскій есть первый между баронами Силезіи. Для Вѣны и Ингольштадта канцлеры были назначены князьями. А всего интереснѣе то, что въ Падуѣ сами доктора, по своему свободному рѣшенію, предоставили епископу падуанскому утвержденіе промоцій, и лишь позднѣе папа подтвердилъ за епископомъ это право, какъ онъ самъ говоритъ, давнымъ-давно существовавшее.

Если, далѣе, университеты дотировались церковными бенефиціями, то что же изъ этого слѣдуетъ?—спрашиваетъ Кауфманъ.—Развѣ вассалы епископовъ и аббатовъ, получавшіе церковные лены, становились черезъ это клириками? Или развѣ становились церковными актами тѣ предпріятія, на которыя князьями тратились церковные доходы? А съ другой стороны, развѣ князья и города не обезпечивали университетовъ и своими собственными средствами, не назначали жалованья профессорамъ, не жертвовали домовъ, земельныхъ участковъ и проч.? Кельнское духовенство наприм. далеко было отъ воззрѣнія на университетъ, какъ на corpus ecclesiasticum, когда ему представлялось чѣмъ-то въ родѣ секуляризаціи предоставленіе кельнскому университету церковныхъ бенефицій. Справедливо, конечно, указывается на то, что изъ числа корпорацій, на которыя расчленялся университетъ, нѣкоторыя, несомнѣнно, принадлежали къ церкви, напр., монастырскія или орденскія школы, капитулы Св. Духа

въ Гельдейбергѣ, св. Стефана въ Вѣнѣ, св. Николая въ Роштокѣ и проч., а коллегіи и бурсы въ университетахъ имѣли устройство, скопированное съ монастырскаго, какъ и разныя привилегіи университетскія были скопированы съ тѣхъ, подъ защиту которыхъ ставились права и владѣнія церкви. Но можно лишь сказать, что всѣмъ этимъ создавались тѣсныя связи и многоразличныя аналогіи между университетами съ университетскими учрежденіями, съ одной стороны, и между церковью съ ея учрежденіями съ другой. Наприм. въ отношеніи къ изъятію отъ свѣтской подсудности или отъ налоговъ, члены университета ставились въ положеніе клира, а такъ какъ и на самомъ дѣлѣ большая часть магистровъ и школяровъ была духовнаго званія, то нетрудно объяснить себѣ, какимъ образомъ университеты могли трактоваться, какъ церковныя учрежденія, или какимъ образомъ школяры, даже и не духовнаго званія, всѣ огуломъ, назывались «клириками» (clerus universitatis), или «полупопами» (Halbpapen, Halbe-Priester), а наприм. студентскій кварталъ въ Вѣнѣ назывался «поповскимъ городомъ» (die Pfaffenstadt). Но всѣ такія и подобныя выраженія были лишь неточными выраженіями, и если сами университеты желали выдавать себя за церковныя учрежденія, то это дѣлалось обыкновенно съ расчетомъ утилизировать связь свою съ церковью, для огражденія ея оружіемъ своей неприкосновенности. Вѣнскій университетъ наприм. отказывался долго дать присягу на вѣрность императору, и хотя т. н. rotulus далеко не всегда съ аккуратностью доставлялся изъ Вѣны въ Римъ, но при всякихъ конфликтахъ университета съ свѣтскимъ правительствомъ, когда можно было бояться опасностей и потерь, а также въ военное время, когда можно было ожидать давленія на духовное сословіе со стороны государства, университетъ демонстративно отправлялъ «rotulum», желая этимъ показать, что въ папѣ онъ имѣетъ могущественнаго протектора. А съ другой стороны и церкви приходилось утилизировать свою связь съ университетами въ эпоху

великаго раскола, или въ эпоху разрыва между папой и соборомъ, когда для борющихся церковныхъ силъ было далеко небезразлично, за которую изъ нихъ выскажутся авторитетныя ученыя корпораціи. Вообще разные неточные обороты рѣчи, съ которыми можетъ встрѣтиться изслѣдователь по исторіи средневѣковыхъ университетовъ, не имѣютъ никакой доказательной силы въ виду того неотразимаго факта, что принадлежность къ университету никого не дѣлала духовнымъ лицомъ, и что университетъ, хотя признавалъ надъ собою власть папы, органамъ церковной власти въ порядкѣ управленія не подлежалъ.

Относительно личнаго состава университетовъ и относительно костюма нужно сдѣлать еще нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія. Въ Парижѣ, который служилъ образцомъ для большей части германскихъ университетовъ, богословскій факультетъ составлялся исключительно изъ духовенства. Факультетъ декретистовъ допускалъ и мірянъ, но міряне не могли вступать въ бракъ. На факультетѣ искуствъ не допускались преподаватели монахи, міряне допускались, но только съ обязанностью безбрачія. Изъ факультета медицины исключалось вообще духовенство,—и монашествующее, и бѣлое,—но мірянамъ, составлявшимъ этотъ факультетъ, дано было дозволеніе вступать въ браки не раньше 1452 г., а юристамъ и артистамъ бракъ еще и въ XVI в. запрещался (о теологахъ нечего и говорить). Въ Гейдельбергѣ первый женатый лиценціатъ на факультетѣ артистовъ оказался въ 1398 г., но данный субъектъ объяснилъ, что у него есть жена, уже послѣ выдержанія испытанія и по представленіи къ канцлерской лиценціи. Лиценція за нимъ осталась, но съ отобраніемъ присяги въ томъ, что онъ никогда не будетъ присутствовать въ совѣтѣ ни университетскомъ, ни факультетскомъ. Въ томъ же Гейдельбергѣ возникло въ 1479 г. столкновеніе между курфюрстомъ и университетомъ по поводу допущенія къ профессурѣ одного женатаго медика съ предоставленіемъ ему цер-

ковной бенефиціи, соединенной съ профессурой. Курфюрстъ ходатайствовалъ объ этомъ предъ папой, и папа далъ разрѣшеніе; но университетъ самъ долгое время сопротивлялся желанію курфюрста, и дѣло разрѣшилось такимъ компромиссомъ, что профессура, соединенная съ церковною бенефиціей, должна быть занимаема медикомъ духовнаго званія, но на ряду съ нею создается другая профессура для мірянина, обезпечиваемая изъ университетскихъ средствъ. При этомъ именно случаѣ университетъ аргументировалъ, что онъ есть «corpus ecclesiasticum». Стоя на этой точкѣ зрѣнія, гейдельбергскій университетъ доходилъ до мысли вообще закрыть доступъ мірянамъ, другими словами, духовное званіе сдѣлать условіемъ имматрикуляціи; но провести подобную идею оказалось невозможнымъ. Для ректора университета во всякомъ случаѣ и въ особенности считалось неприличнымъ быть міряниномъ, и притомъ женатымъ. Въ Ингольштадтѣ даже въ XVI в. ходатайство герцога баварскаго объ уничтоженіи обычая безбрачія ректора оставлено было папой безъ удовлетворенія. Духовное званіе требовалось отъ ректора даже и въ итальянскихъ университетахъ, гдѣ не только для школяровъ, но и для профессоровъ никогда не была обязательною принадлежность къ духовному званію. Ко всему сказанному слѣдуетъ, однако, добавить, что недопущеніе въ средневѣковые университеты женатыхъ имѣло свою причину не столько въ безбрачіи духовенства, сколько въ утвердившемся академическимъ обычаемъ воззрѣніи о несовмѣстимости брачнаго состоянія съ наукой. Вѣдь даже и тѣ профессора и школяры, которые принадлежали къ духовному званію, въ большинствѣ имѣли только низшія степени сана (ordines minores), не налагающія и по каноническому праву обязанности безбрачія. Противъ имени одного профессора въ вѣнскихъ матрикулахъ сохранилась помѣтка: «впавъ въ безуміе, женился» (uxorem duxit versus in dementiam): чѣмъ-то не только необычнымъ и экстравагантнымъ, а прямо безумнымъ считалось

вступленіе въ бракъ. Другого ученаго, имѣвшаго низшую степень духовнаго сана и нажившаго дѣтей, даже убѣждали жениться, но онъ отдѣлывался такимъ остроумнымъ разсужденіемъ: «я имѣю дѣтей, какъ свойственно міряннину, но не имѣю жены, какъ это подобаетъ духовному лицу». Что касается ректора въ особенности, должно добавить, что безбрачіе и принадлежность его къ духовному званію требовались потому, что ректору нужно было держать судъ надъ членами университета, большинство котораго было изъ духовнаго званія, а міряннинъ былъ бы некомпетентенъ судить духовныхъ магистровъ и школяровъ. Но и для ректора достаточно было имѣть низшую степень духовнаго сана, которая, сама по себѣ, какъ сказано, не обязываетъ къ целибату; монаха же строжайше воспрещалось выбирать въ ректоры.

О костюмѣ членовъ университета нужно сказать, что онъ не былъ специфически-духовнымъ или клерикальнымъ костюмомъ: это былъ именно особый школьный костюмъ (vestitus scholasticus, а не vestitus clericalis) — длинный сюртукъ-подрясникъ безъ разрѣзовъ, сдерживавшійся на тѣлѣ поясомъ, и длинный плащъ съ прикрѣплявшейся къ нему шапкой въ родѣ башлыка, все это обыкновенно темнаго или сѣраго цвѣта. Во Франціи университетское оффиціальное одѣяніе—красное, отороченное мѣхомъ—скорѣе походило даже на одѣяніе магистратуры, чѣмъ на костюмъ духовенства. Изъ борьбы, на которую указываютъ университетскіе статуты Германіи, противъ разныхъ уклоненій школяровъ отъ установленнаго костюма, справедливо заключаютъ, что члены университета были далеки отъ скромнаго духовнаго одѣянія, а напротивъ позволяли себѣ даже не совсѣмъ понятныя для насъ экстравагантности: не говоря о ношеніи оружія, о сапогахъ съ длиннѣйшими носами, о разрѣзахъ на платьѣ, открывающихъ тѣло, статуты воюютъ съ роскошными брызжами на шеѣ, нагрудниками, съ корсетами, съ панталонами разныхъ цвѣтовъ для каждой ноги sic) и т. п.

ГЛАВА III.

Устройство средневѣковыхъ университетовъ.

Болонскій и парижскій университеты, какъ объяснено было выше, послужили образцомъ для другихъ. Но сами эти образцовые университеты, строй которыхъ развивался подъ взаимодѣйствіемъ неодинаковыхъ историческихъ условій, не выработали законченной организаціи: вмѣсто стройнаго, въ самомъ дѣлѣ органическаго сліянія всѣхъ элементовъ университета въ одно цѣлое съ однимъ университетскимъ средоточіемъ, наблюдается безпокойное броженіе и неупорядоченность университетской жизни.

Въ устройство болонскаго университета вошли послѣдовательно слѣдующіе составные элементы: университетъ цитрамонтановъ съ ректоромъ, университетъ ультрамонтановъ съ ректоромъ, университетъ артистовъ съ ректоромъ, теологическая школа и коллегіи докторовъ. Объ университетахъ ультрамонтанскомъ и цитрамонтанскомъ (оба юридическіе), можно еще сказать, что органическая связь ихъ выступала довольно ясно. Каждая изъ двухъ universitates, распадавшаяся въ свою очередь на «провинціи» или «королевства» (смотря по національности членовъ университета), выбирала себѣ ежегодно ректора. При ректорѣ состояли совѣтники (consiliarii): какъ представители отъ «королевствъ», т.-е. націй, землячествъ, они выбирались этими послѣдними. Оба ректора, вмѣстѣ съ ихъ совѣтниками, составляли правленіе цѣлаго юридическаго университета, оба предсѣдательствовали на общихъ собраніяхъ, составлявшихся изъ всѣхъ школяровъ, или изъ представителей, выбранныхъ провинціями; въ общихъ собраніяхъ избирались новые ректоры на мѣсто уходящихъ, а за выборомъ ректоровъ избиралась смѣшанная комиссія изъ четырехъ членовъ (двое ультрамонтанъ и двое цитрамонтанъ), называвшихся синдиками, для обревизованія веденія дѣлъ выбывающими ректорами и для

привлеченія ихъ, въ случаѣ надобности, къ отчету. Смѣшанными же коммиссіями составлялись общеуниверситетскіе статуты, хотя случалось и то, что цѣлая universitas издавала предписанія для одной изъ половинныхъ. Во всемъ этомъ, несомнѣнно, усматривается ясное выраженіе мысли, что обѣ universitates суть органическія части единой всеобщей universitas: въ XVI в. для обѣихъ ихъ и сталъ избираться одинъ общій ректоръ, хотя университеты ультрамонтанскій и цитрамонтанскій все еще продолжали различаться. Выборъ въ ректоры производился только школярами и въ ректоры избирался только школяръ, хотя и случалось изрѣдка, что выборъ школяровъ могъ пасть на доктора, разумѣется, чужеземца, а не болонца. Ректоръ, какъ и вообще въ средневѣковыхъ университетахъ, долженъ былъ во всякомъ случаѣ имѣть духовный санъ, хотя бы низшую его степень, такъ какъ ректоръ-мірянинъ былъ бы неспособенъ осуществлять университетскую юрисдикцію надъ духовными членами университета. Тотъ фактъ, что ректоръ носилъ оружіе, не говоритъ въ пользу прежнихъ изслѣдователей, видѣвшихъ въ немъ ясное указаніе на свѣтскій характеръ ректора. Право выбора на другія университетскія должности также принадлежало школярамъ; они же сначала избирали и профессоровъ, пока и насколько профессура не сдѣлалась оплачиваемою отъ города городскою должностью. Въ 1420 г. изъ числа 21 профессоровъ-юристовъ только одинъ былъ выбранъ университетомъ, остальные были опредѣлены въ должность городомъ. Въ видѣ, такъ сказать, возмездія за утраченное право выбирать профессоровъ, въ позднѣйшее время оставалось за школярами избраніе преподавателей на шесть особыхъ каѳедръ, которыя не могли быть замѣщаемы болонцами, а только чужеземцами, и притомъ такими, которые не имѣли еще докторской степени, а обязывались лишь въ продолженіе года получить таковую.

Но если органическое единство двухъ юридическихъ университетовъ выражалось въ извѣстныхъ внѣшнихъ фор-

махъ, то, напротивъ, такихъ формъ недоставало для объединенія съ юристами отдѣлившейся отъ нихъ къ началу XIV в. корпораціи артистовъ, въ которой въ дѣйствительности господствовали медики, и ректоръ былъ изъ медиковъ. Связь этой корпораціи съ юристами обнаруживалась только въ томъ, что лиценцію и артисты получали отъ того же болонскаго архидіакона, отъ котораго получали ее юристы, что привилегіи, дарованныя болонскому университету императорами, папами или городомъ, считались достояніемъ всѣхъ, изучающихъ различныя научныя спеціальности, и наконецъ, что всѣ три universitates одинаково были подчинены городу, который смотрѣлъ на нихъ, какъ на составныя части своей болонской школы (studium bononiense). Въ Падуѣ связь артистовъ съ юристами была сильнѣе выражена. Здѣсь артистамъ такъ и не удалось отвоевать себѣ полную независимость отъ юристовъ. Хотя имъ и дозволено было съ 1360 г. имѣть особаго ректора съ образованіемъ особаго университета, но ректора, зависимаго отъ юристовъ. Ректоръ артистовъ долженъ былъ подъ присягой обѣщать повиновеніе статутамъ юристовъ; апелляція на его рѣшенія должна была восходить къ ректорамъ-юристамъ, и, кромѣ того, юридическій университетъ облагалъ артистовъ налогами. Въ 1399 г. артисты были освобождены отъ подчиненности юристамъ въ другихъ отношеніяхъ, но апелляція осталась, да и освобожденіе, состоялось, такъ сказать возмезднымъ способомъ. Тогдашній владѣтель Падуи Франциск Каррараіа подарилъ за это юристамъ домъ стоимостью въ 500 дукатовъ, который съ тѣхъ поръ и остался университетскимъ зданіемъ. Съ 1473 г. двѣ юридическія universitates слились въ одну и вмѣсто ректора, стали довольствоваться синдикомъ, или проректоромъ, въ виду большихъ расходовъ, требовавшихся на ректорскую должность.

Въ XIV в. и въ болонскій, и въ падуанскій университетъ была введена теологическая школа, связь которой съ университетомъ выражалась еще менѣе ясно, чѣмъ

связь артистовъ съ юристами. И организована она была по парижскому образцу, съ сосредоточеніемъ всякой власти въ рукахъ профессоровъ, и лиценцію болонскимъ теологамъ долженъ былъ давать не архидіаконъ, а самъ епископъ.

Отношеніе коллегіи болонскихъ докторовъ къ университету было весьма страннымъ. Если университетъ въ принципѣ былъ корпораціей школяровъ, и притомъ пришлыхъ, чужеземцевъ, то коллегія докторовъ, напротивъ, была составною частью городского устройства и состояла изъ профессоровъ-гражданъ. Профессора, какъ и школяры, подъ присягою обязывались повиновеніемъ университетскимъ статутамъ и ректорамъ; ректора могли штрафовать ихъ за несоблюденіе правилъ и вызывать къ себѣ на судъ, лишать ихъ права на чтеніе и увольнять въ отпускъ, а съ другой стороны профессора были хозяевами школьнаго дѣла, rectores studii, и непремѣнно должны были тяготиться своею зависимостью отъ ректоровъ, т.-е. въ сущности отъ школяровъ. Не даромъ одинъ итальянскій ученый теоретикъ среднихъ вѣковъ на вопросъ, можетъ ли университетъ школяровъ обязать своими статутами докторовъ, отвѣчаетъ отрицательно, потому, какъ говоритъ онъ, что это—*двѣ корпораціи, по обычаю отдѣльныя одна отъ другой* (quia corpora sunt distincta de consuetudine). Вдобавокъ докторская коллегія не совпадала съ наличностью всѣхъ преподавателей данной научной отрасли, или, по нашему, съ факультетомъ. Вопервыхъ, коллегія докторовъ - юристовъ не обнимала въ одну организацію всѣхъ преподавателей (въ нее входили 12 канонистовъ и 16 легистовъ); во-вторыхъ, въ нее допускались только доктора — болонскіе граждане, и приэтомъ, вдобавокъ, въ ея составѣ могли числиться такіе доктора-граждане, которые, втеченіе многихъ лѣтъ, никакихъ лекцій не читали и вообще никакихъ занятій по университету не имѣли, довольствуясь почетнымъ титуломъ доктора, который былъ вмѣстѣ и высокимъ общественнымъ рангомъ. Благодаря докторскому титулу, и низкорожден-

ные вступали въ высшіе круги общества, а это обстоятельство, какъ замѣчаетъ Кауфманъ, въ тѣ времена, состоявшія подъ господствомъ сословныхъ противоположностей, имѣло совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ нынѣ. Постановленія о костюмѣ и законы о роскоши трактовали доктора какъ дворянина; при торжествахъ ему предоставлялось почетное мѣсто; докторъ пользовался разными процессуальными привилегіями. Нѣкоторымъ удавалось распространить докторскія привилегіи и на своихъ сыновей; были даже попытки сдѣлать докторскую степень вообще достояніемъ только сыновей, братьевъ и родственниковъ наличныхъ докторовъ. Городъ смотрѣлъ на докторскую коллегію, какъ на составную часть городского устройства и, при всѣхъ столкновеніяхъ университета школяровъ съ коллегіей докторовъ, слѣдовалъ правилу поддерживать послѣднюю противъ первой. Немудрено, что и городская партійная борьба должна была отразиться на ученой коллегіи: городское управленіе старалось сдѣлать докторство доступнымъ только тѣмъ горожанамъ, которые принадлежали къ господствующей партіи. А Болонья въ XIII вѣкѣ была исполнена яростной борьбы двухъ партій—Ламбертацци и Джеремеи,—въ этой борьбѣ продолжала переживать старинная (общегальянская) противоположность гвельфовъ и гибеллиновъ. Верхъ большею частью оставался за Джеремеями. Торжество одной партіи обыкновенно сопровождалось для другой конфискаціей имущества и даже объявленіемъ внѣ покровительства законовъ. Въ 80-хъ годахъ XIII в. партійная борьба носила особенно страстный характеръ. Одержавшіе верхъ Джеремеи выгнали противниковъ изъ города, разрушили ихъ дома, конфисковали имущества, имена ихъ внесли въ проскрипціонные листы, и тутъ же, между прочимъ, состоялось запрещеніе возводить кого-либо изъ Ламбертацци въ докторскую степень. По этому поводу въ болонскомъ ученомъ мірѣ разыгралась довольно бурная исторія. Въ 1295 г. ректора потребовали промоціи нѣкоторыхъ изъ школяровъ, происходившихъ изъ

фамиліи Ламбертацци, но встрѣтили отпоръ въ коллегіи докторовъ, а когда и городъ поддержалъ докторскую коллегію, ректора объявили докторовъ не принадлежащими къ университету (откуда должно было вытекать воспрещеніе слушать лекціи этихъ докторовъ) и лишенными всѣхъ, связанныхъ съ принадлежностью къ университету, почестей и преимуществъ, пригрозивъ притомъ, что, въ случаѣ неисполненія требованія, всѣ школяры въ будущемъ году оставятъ городъ. Ничего, однако, изъ этого не вышло, такъ какъ въ средѣ самихъ школяровъ обнаружился расколъ между юристами и медиками, и школяры подчинились городу. Но когда въ 1299 г. докторская коллегія отказала въ промоціи одному болонскому гражданину, руководясь просто-напросто своими собственными соображеніями о пріятныхъ и непріятныхъ для нея людяхъ, ректора снова выступили противъ докторовъ и на этотъ разъ благоразумно постарались возстановить городъ противъ образа дѣйствій коллегіи. Городъ пригрозилъ докторамъ высокимъ денежнымъ штрафомъ, если они будутъ упорствовать въ своемъ эгоистическомъ сопротивленіи, и коллегія должна была уступить. Въ 1304 г. доктора снова сдѣлали попытку монополизировать докторскую степень для своихъ фамилій, но городъ еще болѣе возвысилъ размѣры штрафа (до 1000 лиръ съ коллегіи и до 300 лиръ съ каждаго члена въ отдѣльности) И все-таки, вообще говоря, коллегія оставалась всегда доступною лишь для немногихъ избранныхъ.

Если къ корпораціямъ школяровъ и къ коллегіямъ докторовъ присоединить болонскаго архидіакона и болонскаго епископа, дававшихъ лиценцію на основаніи испытаній, произведенныхъ докторами, и добавить еще къ этому, что германская нація стояла особнякомъ подъ своими прокураторами, то мы получимъ цѣлый рядъ органовъ, для дѣятельности которыхъ не было въ самомъ университетѣ внутренняго средоточія, и если такое средоточіе существовало, то оно находилось внѣ универси-

тета,—въ городѣ, который объединялъ эти органы въ одно цѣлое, сообщалъ законную силу постановленіямъ университетскимъ, или отказывалъ въ ней. Городъ склоненъ былъ смотрѣть и на университетъ вообще, какъ на составную часть своего устройства, и на ректоровъ, какъ на своихъ должностныхъ лицъ Въ дѣйствительности провести эту точку зрѣнія было нетрудно въ отношеніи къ коллегіи докторовъ, но въ отношеніи къ корпораціи школяровъ было очень трудно, и поэтому неудивительно, что въ столкновенія университета съ городомъ часто вмѣшивался папа, который держалъ обыкновенно сторону школяровъ противъ города.

Коллегіи, въ смыслѣ общежитій, въ Болоньѣ, какъ и вообще въ итальянскихъ университетахъ, не получили такого развитія и значенія, какъ въ другихъ университетахъ. Ихъ было немного и устраивались онѣ для небольшого числа бѣдныхъ школяровъ, которые получали въ нихъ помѣщеніе и содержаніе, но на лекціи должны были ходить къ тѣмъ профессорамъ, которые вообще преподавали учащимся данную спеціальность. Изъ числа этихъ коллегій выдавалась основанная въ 1364 г. кардиналомъ Альборнозомъ коллегія св. Климента. Устройство ея было скопировано съ университетскаго устройства (ректоръ, совѣтники, синдики), и статутами ея предусматривался даже случай избранія наличнаго ректора коллегіи въ ректоры университета; но чтобы коллегія черезъ своихъ должностныхъ лицъ имѣла какой-нибудь голосъ въ общеуниверситетскихъ дѣлахъ, въ качествѣ особой юридической единицы, на это нѣтъ никакого указанія.

Другіе университеты Италіи, кромѣ неапольскаго, усвоили себѣ общій съ болонскимъ типъ городского университета, проведенный иногда даже съ большею послѣдовательностью и выдержкою, чѣмъ въ самой Болоньѣ. Въ Падуѣ, Перуджіи, Флоренціи, Сіенѣ и проч. городами составлены были университетскіе статуты, параллельно съ которыми дѣйствовали самими школярами составленные статуты; при разнорѣчіи тѣхъ и другихъ, нужно было

слѣдовать городскимъ, потому что статуты школяровъ заимствовали свою силу изъ утвержденія ихъ городомъ же. Наибольшій интересъ имѣютъ падуанскіе порядки. Профессора избирались школярами при содѣйствіи семи пріоровъ города; членами университета они не состояли, хотя и участвовали въ привилегіяхъ университетскихъ, а напротивъ состояли на службѣ у города. Приглашая профессоровъ, городъ тутъ же обыкновенно и обязывалъ ихъ подчиняться распоряженіямъ ректоровъ и выработанному этими послѣдними учебному плану и порядку занятій. Въ случаѣ неповиновенія профессоровъ, несоблюденія ими учебнаго порядка или неисполненія вообще обязанностей, принятыхъ ими на себя при ихъ призваніи городомъ, ректоръ могъ штрафовать ихъ, а въ случаѣ сопротивленія доносилъ городскому начальству, уплачивавшему имъ жалованье. Городъ давалъ ректору своихъ чиновниковъ для приведенія въ исполненіе его распоряженій и городъ же штрафовалъ его самого при неисполненіи имъ своихъ обязанностей. Городъ опредѣлилъ, что ректоръ избирается только на годъ и вновь можетъ быть избираемъ лишь послѣ трехлѣтняго промежутка. Ректоръ, хотя и избираемый школярами, дѣлался болѣе и болѣе городскимъ должностнымъ лицомъ, который притомъ отъ города же получалъ и содержаніе. Самый же выборъ ректора студентами держался въ Италіи до XVIII в., такъ какъ еще при Маріи Терезіи студентамъ итальянскимъ предоставлялось выбирать себѣ ректора. Въ неапольскомъ университетѣ не городъ, а король былъ все во всемъ. Онъ и лиценцію давалъ, или непосредственно или черезъ своего канцлера, онъ и судъ держалъ черезъ своего королевскаго судью, онъ и жалованье платилъ профессорамъ, онъ же допустилъ извѣстную комбинацію правительственнаго элемента съ корпоративнымъ. Школяры были раздѣлены на три націи: мѣстныхъ уроженцевъ королевства, итальянцевъ изъ другихъ земель Италіи и неитальянцевъ, или ультрамонтановъ. Королевскій судья долженъ былъ осуществлять

свою юрисдикцію вмѣстѣ съ тремя ассессорами, которые выбирались школярами, по одному отъ каждой націи, и изъ среды учащихся, а не магистровъ. Затѣмъ члены оцѣночной квартирной комиссіи должны были избираться изъ школяровъ же, но профессорами, и наконецъ въ судѣ рыночномъ (in rebus victualibus—въ спорныхъ дѣлахъ, возникающихъ при покупкѣ предметовъ продовольствія) должны были дѣйствовать совмѣстно и профессора и школяры.

Въ Парижѣ университетская организація составилась изъ семи юридическихъ единицъ: трехъ факультетовъ, называвшихся высшими (теологическаго, юридическаго—на которомъ, впрочемъ, съ 1219 г. преподавалось только каноническое право, безъ римскаго,—и медицинскаго факультета), и изъ четырехъ націй, образовавшихъ въ своей совокупности четвертый факультетъ артистовъ, который считался низшимъ. Этотъ относительный рангъ факультетовъ возпроизводился потомъ и въ германскихъ университетахъ. Факультетъ артистовъ, который въ XVI в. въ Германіи сталъ называться философскимъ, занималъ послѣдній рангъ между факультетами, потому что онъ былъ подготовительнымъ для трехъ высшихъ, или, другими словами, за изученіе теологіи, права и медицины принимались обыкновенно люди, не только прослушавшіе курсъ «искуствъ», но и получившіе ученую степень въ искуствахъ, такъ какъ баккалавръ или даже магистръ искуствъ превращался въ школяра по теологіи, разумѣется, не всякій непремѣнно, а только тотъ, кто желалъ сдѣлаться докторомъ теологіи, права или медицины. За отсутствіемъ организованныхъ, подготовительныхъ къ университету, учебныхъ заведеній, на факультетъ артистовъ могли поступать и такіе юнцы, которые едва одолѣли грамоту и которые слѣдовательно здѣсь же на факультетѣ, при помощи «педагогій и т. п. учрежденій, должны были получать и низшее, и среднее образованіе. Впрочемъ, неправильно было бы равнять средневѣковой факультетъ артистовъ съ нынѣшними гимназіями, потому

что не цѣлямъ только средняго (по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ) образованія служилъ онъ, а разрабатывалъ философію. Всѣ философскія проблеммы, которыми волновались и интересовались средневѣковые умы, какъ наприм., номинализмъ и реализмъ, зарождались и развивались именно на факультетѣ артистовъ. А по своему многолюдству, факультетъ этотъ могъ получить даже преобладающее значеніе въ университетскомъ строѣ. Такъ и случилось въ Парижѣ. Въ самомъ дѣлѣ, факультетъ искуствъ представлялъ собою, такъ сказать, широкій фундаментъ для университетскаго зданія, которое кверху постепенно съуживалось, и верхнихъ частей котораго достигали лишь немногіе изъ находящихся внизу. Факультетъ искуствъ въ Парижѣ обнялъ четыре націи, которыя въ свою очередь обнимали и учащихъ и учащихся, тогда какъ три высшіе факультета обнимали только учащихъ, потому что учащіеся на этихъ факультетахъ, какъ имѣющіе степень «въ искуствахъ», были причисляемы къ факультету артистовъ и, слѣдовательно, могли оставаться членами своихъ націй впредь до пріобрѣтенія высшей ученой степени на одномъ изъ высшихъ факультетовъ, послѣ чего принадлежность къ факультету искуствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ какимъ бы то ни было націямъ, окончательно прекращалась. Націи распадались на «провинціи» или «королевства», а эти послѣднія могли еще подраздѣляться на діэцезы Во главѣ каждой націи стоялъ прокураторъ, а надъ ними глава факультета артистовъ—ректоръ.

Во главѣ остальныхъ факультетовъ стояли деканы. Деканы выбирались на годъ, у теологовъ на два года; прокураторы на мѣсяцъ, ректоръ сначала также на мѣсяцъ, потомъ на шесть недѣль, съ 1279 г. на три мѣсяца. Въ отличіе отъ итальянскихъ порядковъ, не только на высшихъ факультетахъ, но и въ націяхъ активное и пассивное избира́тельное право принадлежало исключительно учащимъ, и вообще право голоса въ собраніяхъ могли имѣть только учителя. Даже и въ привилегіяхъ университета школя-

ры участвовали постольку, поскольку они были учениками какого-нибудь опредѣленнаго учителя. Каждый изъ школяровъ, такъ сказать, прикрѣплялъ или пріурочивалъ себя къ извѣстному учителю, который и училъ его и былъ для него постояннымъ покровителемъ, выручая его изъ тюрьмы въ случаѣ, если бы онъ попалъ въ нее, защищая предъ факультетомъ, представляя къ испытанію на ученую степень. Университетскихъ матрикулъ не было, но учителя должны были вести списки своихъ учениковъ, и сумма такихъ отдѣльныхъ списковъ образовала собою университетскія матрикулы. Учителя съ высшею ученою степенью на факультетѣ артистовъ назывались магистрами, на трехъ высшихъ факультетахъ—докторами. Слѣдовательно, отношеніе между учеными степенями—магистерскою и докторскою—было совсѣмъ не то, что нынѣ: магистръ факультета искуствъ соотвѣтствовалъ доктору остальныхъ факультетовъ,—въ этомъ выразилась идея превосходства трехъ факультетовъ надъ четвертымъ, подобно тому, какъ въ Болоньѣ даже одни юристы претендовали на докторскій титулъ. Ректоръ четырехъ націй, глава многолюднаго факультета артистовъ, постепенно сдѣлался главою цѣлаго университета; но, и сдѣлавшись таковою, продолжалъ избираться только артистами и только изъ артистовъ. Такимъ образомъ ректоръ парижскаго университета всегда былъ изъ артистовъ, и въ избраніи его доктора высшихъ факультетовъ не участвовали. Если ректоръ, во время прохожденія имъ ректорской должности, желалъ получить степень доктора по одному изъ высшихъ факультетовъ, онъ долженъ былъ сложить съ себя ректорство: настолько строго выдерживался принципъ, что только артистъ можетъ быть ректоромъ, хотя идея превосходства трехъ другихъ факультетовъ надъ артистами продолжала еще нѣкоторое время выражаться въ томъ, что ректоръ—глава университета, уступалъ въ рангѣ деканамъ высшихъ факультетовъ. Перевѣсъ артистовъ проявлялся и въ томъ, что на общихъ университетскихъ собраніяхъ, составлявшихся изъ пред-

ставителей отъ всѣхъ автономныхъ единицъ, каждый изъ трехъ высшихъ факультетовъ и каждая изъ четырехъ націй имѣли по одному голосу. Слѣдовательно, факультетъ артистовъ, обнимавшій эти четыре націи, всегда имѣлъ четыре голоса противъ трехъ голосовъ остальныхъ факультетовъ. Ректоръ созывалъ общія собранія и предсѣдательствовалъ на нихъ. Въ общихъ собраніяхъ обсуждались вопросы двоякаго рода: частью такіе, которые касались привилегій, общихъ для всѣхъ членовъ университета, частью такіе, которые касались одной изъ семи автономныхъ ассоціацій и могли бы быть разрѣшены ею самою. Напримѣръ, въ 1333 г., университетъ уничтожилъ въ одной націи дѣленіе на провинціи, въ 1356 г. фиксировалъ предѣлы между двумя націями, въ 1389 г. обязалъ баккалавровъ теологіи жить въ Парижѣ вплоть до полученія лиценціи. По такимъ дѣламъ вмѣшательство университета требовалось только тогда, когда отдѣльная корпорація чувствовала себя слишкомъ слабою, чтобы заставить своихъ членовъ подчиниться ея рѣшенію. Университетъ въ такихъ случаяхъ имѣлъ цѣлью не столько издавать какія-либо новыя, свои собственныя постановленія и распоряженія, сколько санкціонировать своимъ авторитетомъ уже состоявшіяся постановленія, послѣ предварительнаго обсужденія въ факультетахъ или націяхъ. Факультеты и націи, повторяемъ, были самостоятельными корпораціями: имѣли свои статуты, своихъ должностныхъ лицъ, свою печать, свое имущество и доходы, свои праздники. Университетъ какъ таковой, можно сказать, даже и не имѣлъ никакого имущества, и если напр. приходилось вести процессъ или отправлять посольство, то нужно было прибѣгать къ чрезвычайнымъ сборамъ со всѣхъ членовъ университета. Да и частичныя корпораціи были не особенно богаты. Нѣкоторыя изъ нихъ владѣли домами, не очень цѣнными; факультету артистовъ принадлежали между прочимъ обширныя луговыя пространства, тянувшіяся вдоль Сены отъ улицы Св. отцовъ до Эспланады инвалидовъ (Pré-aux clercs), но до XVII в

они не приносили никакого дохода, такъ что и этому факультету, въ случаѣ чрезвычайныхъ расходовъ, приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ сборамъ. Вообще же главнымъ источникомъ факультетскихъ доходовъ была такса, взимавшаяся съ каждаго кандидата при каждомъ испытаніи на ученую степень. Изъ этого преимущественно источника покрывались издержки на наемъ, устройство и поправку школьныхъ помѣщеній, а также на богослуженіе; излишекъ доходовъ надъ расходами въ факультетахъ, особенно у артистовъ, дѣлился между магистрами и педелями и обыкновенно оставлялся въ кабачкѣ; впрочемъ, націи иногда помогали больнымъ магистрамъ и ссужали своихъ членовъ деньгами подъ залоги; вообще же объ экономіи и о будущемъ не заботились, живя изо дня въ день, и немудрено, поэтому, что парижскій университетъ отличался своею бѣдностью.

Въ факультескихъ собраніяхъ трехъ высшихъ факультетовъ и въ собраніяхъ каждой націи въ отдѣльности голоса подавались поголовно всѣми членами, причемъ старались достигнуть единогласія. Но въ факультетѣ искуствъ, какъ скоро составлялось факультетское собраніе, каждая изъ четырехъ націй имѣла по одному голосу, каково бы ни было число ея членовъ. Націи обсуждали факультетскіе вопросы каждая порознь, а прокураторъ сообщалъ ея рѣшеніе общему собранію, которое составлялось изъ представителей отъ націй, но иногда изъ всѣхъ магистровъ.

Послѣдовательно создававшееся для ректора положеніе главы цѣлаго университета, непзбѣжнымъ образомъ вело его къ борьбѣ съ каѳедральнымъ канцлеромъ, который съ самаго начала смотрѣлъ на себя, какъ на главу университета, а между тѣмъ обыкновенно имѣлъ ученую степень и иногда даже преподавалъ. Поэтому ректоръ сталъ приглашать его, въ качествѣ магистра университета, на собранія, наравнѣ съ другими членами университета, приписывая себѣ даже право штрафовать его, наравнѣ съ другими магистрами, въ случаѣ неподчиненія его рек-

торскимъ распоряженіямъ. Канцлеръ воспротивился этимъ притязаніямъ и обратился къ папѣ, утверждая, что онъ, канцлеръ, есть глава университета, а не ректоръ. Университетъ же съ своей стороны аргументировалъ, что глава его есть ректоръ, а двухъ головъ не можетъ быть, ибо иначе университетъ былъ бы двухголовымъ чудовищемъ, и что университетъ съ своимъ ректоромъ непосредственно подчиненъ папѣ, безъ всякихъ промежуточныхъ инстанцій. Какъ бы то ни было, власть парижскаго ректора никогда не сдѣлалась столь обширною, чтобы выдержать сравненіе съ властью ректоровъ другихъ средневѣковыхъ университетовъ. Парижскій университетъ не могъ отрѣшиться отъ типа канцлерскаго университета, какъ такого. въ которомъ канцлеру принадлежитъ университетская власть, а не право только давать лиценцію на основаніи испытаній, произведенныхъ профессорами,—съ другой же стороны, не могъ и выдержать этого типа съ тою послѣдовательностью, съ какою онъ выдержанъ напр. въ Оксфордѣ, гдѣ канцлеръ, превратившись въ выборную должность, удержалъ за собою университетскую власть, и гдѣ напротивъ ректорская должность не развилась, такъ что оксфордскаго канцлера сравниваютъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ парижскимъ канцлеромъ, а въ другихъ отношеніяхъ съ парижскимъ ректоромъ. И это далеко не единственная неясность въ строѣ парижскаго университета. Оставалось недостаточно выясненнымъ и регулированнымъ отношеніе университета къ аббату св. Женевьевы и его канцлеру, а равнымъ образомъ къ каѳедральному капитулу въ полномъ его составѣ: оказывается, что и другіе капоники, члены капитула, кромѣ канцлера, въ качествѣ докторовъ каноническаго права, считали себя въ правѣ читать лекціи внѣ помѣщеній университетскихъ и внѣ университетскаго надзора, требуя въ то же время, чтобы чтенія ихъ признавались университетскими. Затѣмъ папамъ весьма часто приходилось вмѣшиваться въ дѣла университета и не только поддерживать его противъ канцлера, епископа, королевскаго

правительства, но и регулировать его внутренній порядокъ. Денифле за время до 1260 г. насчитываетъ болѣе 140 папскихъ буллъ, относящихся къ парижскому университету. А позднѣе усиливается болѣе и болѣе вліяніе короля и особенно парламента на ходъ университетскихъ дѣлъ. Въ общемъ Кауфманъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ запутанныя отношенія парижскаго университета, которыя другой изслѣдователь (Тюро) называетъ прямо анархическими. На университетъ вліяли, кромѣ папы и его легата: король, королевскіе чиновники, парламентъ, епископъ парижскій и другія, внѣ университета стоявшія власти, которыя часто вступали между собою въ столкновеніе. Да и самое университетское правительство составлялось изъ массы конкуррирующихъ учрежденій: ректоръ и канцлеръ, аббатъ св. Женевьевы съ его канцлеромъ, факультеты съ ихъ деканами, націи съ ихъ прокураторами, капитулъ каѳедральной церкви, собраніе всѣхъ магистровъ и проч.—всѣ эти учрежденія дѣйствовали одно возлѣ другого, не зная вѣрныхъ границъ своихъ правомочій Въ этотъ, по выраженію Кауфмана, административный лабиринтъ привзошли еще коллегіи и педагогіи, такъ какъ и начальниковъ этихъ заведеній ректоръ приглашалъ на собранія, вмѣстѣ съ деканами факультетовъ и прокураторами націй, и пользовался ими, какъ университетскими органами, на которые возлагался извѣстный рядъ задачъ, и которыми такимъ образомъ облегчалось дѣло факультетовъ и націй. О подчиненныхъ служебныхъ органахъ, каковы напр. педеля, имѣвшіеся и въ итальянскихъ и во французскихъ университетахъ, можно будетъ сказать ниже, при изложеніи устройства германскихъ университетовъ, но о коллегіяхъ слѣдуетъ сказать здѣсь же.

Квартирный вопросъ, какъ мы знаемъ, всегда обращалъ на себя вниманіе и папъ, и королей, и итальянскихъ городовъ, и разрѣшался первоначально особыми квартирными коммиссіями, дѣйствовавшими на основаніи распоряженій папскихъ и королевскихъ, или на основаніи

соглашеній университетовъ съ городами. Позднѣе потребность, вызывавшая этотъ вопросъ, привела къ образованію коллегій. Происхожденіе коллегій въ Парижѣ, кромѣ указанной потребности, и кромѣ желанія предохранить молодежь отъ деморализующаго вліянія улицы, можно объяснять отчасти вліяніемъ того примѣра, который подавали университетскому міру школы монашескихъ орденовъ, включенныя въ университетъ. Способные изъ молодыхъ монаховъ того или другого ордена командировались орденскимъ начальствомъ для занятія науками, съ значительными льготами для нихъ въ отношеніи исполненія орденскихъ обязанностей. Жили они обезпеченные отъ нищеты, отъ которой погибало не мало школяровъ и магистровъ. Орденъ давалъ монаху-школяру книги, пищу, одежду, помѣщеніе, а молодому преподавателю обезпечивалъ достаточный контингентъ слушателей, и этимъ самымъ порождалась извѣстная солидарность, благодаря которой ученый чувствовалъ, что не одинъ онъ будетъ стоять противъ нападеній ученыхъ противниковъ. Первый опытъ былъ сдѣланъ доминиканцами; примѣру ихъ послѣдовали другіе ордена, а затѣмъ и вообще стали устраиваться коллегіи для извѣстнаго числа магистровъ и школяровъ, не принадлежавшихъ ни къ какимъ орденамъ. Въ коллегіяхъ штудирующій находилъ себѣ обезпеченное помѣщеніе и содержаніе вмѣстѣ съ книгами, обязуясь приэтомъ подчинять свою жизнь извѣстному режиму, скопированному отчасти съ монастырскаго. Въ коллегіяхъ могли находить себѣ пріютъ не только люди безъ средствъ, но и со средствами, и не только школяры, но и магистры, желавшіе устроить себѣ за сравнительно дешевую цѣну сравнительно болѣе спокойную жизнь. Такъ какъ парижскій университетъ не зналъ жалованья профессорамъ, то коллегіатура (т. е. мѣсто въ коллегіи, съ присвоеннымъ ему содержаніемъ), предоставлявшаяся профессору, сдѣлалась суррогатомъ жалованья.

Въ XV в. произошла, можно сказать, цѣлая революція въ университетскомъ мірѣ: почти весь университетъ со

ставлялся изъ коллегій и изъ пансіонеровъ, такъ что живущіе внѣ коллегій члены университета разсматривались, какъ исключеніе изъ правила, и носили особое названіе Martinets. Нѣкоторыя коллегіи получили историческую извѣстность. Наиболѣе извѣстная и вмѣстѣ одна изъ древнѣйшихъ основана была въ 1257 г. камбрейскимъ (позднѣе парижскимъ) каноникомъ Робертомъ де-Сорбонъ, отъ имени котораго и получила свое названіе Сорбонны. Коллегія была учреждена для лицъ изъ всѣхъ націй, прошедшихъ „искуства“ и выдержавшихъ магистерское испытаніе, или даже читавшихъ уже лекціи артистамъ, въ качествѣ магистровъ, и желавшихъ посвятить себя изученію теологіи. Коллегія представляла собою ассоціацію, связанную общежитіемъ и извѣстнымъ домашнимъ порядкомъ, требовавшимъ общаго столованія всѣхъ членовъ и общаго ихъ участія въ церковныхъ и научныхъ торжествахъ, оставляя, однако, достаточно свободы для членовъ коллегіи. Члены со средствами уплачивали въ коллегію ту самую сумму, которая вносилась за бѣдныхъ изъ средствъ коллегіи. Члены подраздѣлялись на гостей и товарищей; управленіе принадлежало исключительно «товарищамъ» въ числѣ 36-ти, а товарищемъ могъ сдѣлаться только тотъ магистръ искуствъ, который пріобрѣлъ уже степень въ теологіи. «Гости» могли оставаться въ коллегіи не болѣе 7 лѣтъ, и если втеченіе этого срока они оказывались неспособными пріобрѣсти, по крайней мѣрѣ, степень баккалавра теологическаго факультета, должны были выйти и уступить мѣсто другимъ, болѣе способнымъ. Тотъ, кому удавалось получить въ означенный періодъ времени степень баккалавра, могъ быть потомъ и гостемъ, и товарищемъ, но докторъ теологіи могъ быть только товарищемъ и могъ провести въ коллегіи всю свою жизнь. Товарищи ежегодно избирали изъ своей среды пріора, который, вмѣстѣ съ четырьмя старѣйшими товарищами, управлялъ коллегіей, а надъ нимъ стоялъ «провизоръ», назначавшійся въ свою должность ректоромъ университета, по соглашенію съ деканами факультетовъ и про-

кураторами націй и при участіи архидіакона каѳедральнаго капитула, канцлера и членовъ теологическаго факультета. Тѣми же лицами и тѣмъ же порядкомъ провизоръ увольнялся отъ своей должности, въ случаѣ если оказывался неспособнымъ. Отъ нихъ же долженъ былъ провизоръ испрашивать согласіе въ случаѣ какихъ-либо важныхъ рѣшеній. Статуты коллегіи были составлены самимъ основателемъ, который выразилъ желаніе, чтобы они не были измѣняемы: они и дѣйствительно поддерживались въ силѣ до самаго момента упраздненія коллегіи (въ первые дни великой революціи). Организованная такимъ образомъ сорбоннская коллегія, или просто Сорбонна, какъ ее называли, пышно расцвѣла и пріобрѣла себѣ если не всемірную, то во всякомъ случаѣ западно-европейскую славу. Помѣщенія Сорбонны служили не цѣлямъ только коллегіи, а и общимъ задачамъ всего теологическаго факультета; мало того, Сорбонна стала считаться главнѣйшимъ театромъ дѣятельности парижскаго богословскаго факультата, зерномъ этого факультета, хотя въ составѣ его были и другія коллегіи. Добавка къ титулу доктора парижскаго теологическаго факультета (doctor facultatis theologiae Parisius) словъ «коллегіи сорбоннской» (doctor facultatis theologiae Parisius collegii Sorbonnici) придавала ученому особенный блескъ и авторитетъ. На рѣшеніе сорбоннскихъ докторовъ восходили трудные вопросы теологіи изъ всѣхъ странъ западной Европы. Въ затруднительныхъ вопросахъ, возникавшихъ иногда между королемъ и Римомъ, по поводу заблужденій религіозно-философскихъ и общественно-политическихъ, Сорбонна была оракуломъ, къ голосу котораго прислушивались всѣ, начиная съ государей По пятницамъ въ частности сорбоннскіе доктора собирались для обсужденія разныхъ «падежей» или случаевъ совѣсти (casus conscientiae), причемъ дебатировались вопросы нравственнаго богословія подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго изъ докторовъ, а самые вопросы восходили въ Сорбонну или отъ священниковъ, встрѣчавшихся съ ни-

ми въ практикѣ, или отъ любого міряпина, совѣсть котораго требовала пролитія свѣта на темный вопросъ. Мнѣпія высказывались членами по порядку, начиная съ младшаго, и въ заключеніе приступали къ голосованію; одинъ изъ младшихъ резюмировалъ мнѣніе большинства, а въ слѣдующемъ засѣданіи снова поднималъ тотъ же вопросъ, пока мнѣніе большинства не дѣлалось мнѣніемъ единогласнымъ (что, однако, не всегда бывало). Епископы обращались въ Сорбонну, спрашивая ея мнѣнія насчетъ ортодоксіи извѣстнаго сочиненія, касающагося религіи и морали. Между прочимъ каждый кандидатъ на теологическія степени въ Сорбоннѣ давалъ предварительно присягу признавать непорочное зачатіе Пресвятой Дѣвы. Сорбонна съумѣла составить себѣ превосходную библіотеку, которая заботливо управлялась конвентомъ «товарищей». Кромѣ Сорбонны, большую извѣстность имѣла коллегія наваррская или просто Наварра, учрежденная въ силу завѣщанія королевы Жанны наваррской, супруги Филиппа Красиваго Между тѣмъ какъ Сорбонна была открыта для всѣхъ націй, Наварра предназначалась для Франціи и имѣла три отдѣленія: для 20-ти начинающихъ (грамматиковъ), для 30-ти артистовъ и для 20 теологовъ, которые, однако, по пріобрѣтеніи высшей ученой степени, должны были выходить, равно какъ должны были оставлять коллегію тѣ, кто втеченіе 7 лѣтъ оказался неспособнымъ пріобрѣсти лиценцію. Для каждаго отдѣленія поставлены учителя-руководители занятіями, но артисты и теологи посѣщали, кромѣ того, чтенія и другихъ преподавателей соотвѣтственнаго факультета (Сорбонна же въ этомъ отношеніи была самодовлѣющею). Управленіе коллегіей принадлежало провизору, назначавшемуся въ свою должность коммиссіей «губернаторовъ», въ составъ которой входили епископъ мосскій, аббатъ С. Дени, канцлеръ, деканъ теологическаго факультета и докторъ теологіи изъ среды самой коллегіи. Этой же комиссіи провизоръ давалъ ежегодно отчетъ по управленію. Каждое отдѣльное мѣсто воспитанника,

живущаго въ коллегіи, называлось въ средніе вѣка бурсой, или даже, точнѣе говоря, бурсой (кошелькомъ) называлась та денежная сумма, которая полагалась отдѣльному члену дома, такъ какъ каждый получалъ на руки ассигнованную учредителемъ на отдѣльнаго пансіонера сумму и потомъ уже вносилъ въ кассу коллегіи за свое помѣщеніе и содержаніе. Насколько именно этою денежною суммою обезпечивались мѣста въ коллегіи, бурсу можно сравнивать, наприм., съ отдѣльною кроватью въ больницѣ. Впослѣдствіи, особенно въ Германіи, бурсами стали называться общежитія бурсаковъ. Фундаторы,— отчасти міряне, большею частью каноники, епископы архіепископы и кардиналы, учреждали не только коллегіи, но и извѣстное число новыхъ бурсъ въ существовавшихъ уже коллегіяхъ. Такъ какъ на факультетѣ артистовъ оказывалась масса такой зеленой молодежи, которой, раньше чѣмъ слушать логику съ діалектикой, нужно было еще пройдти элементы грамматики, то по необходимости должны были развиться «педагогіи», или школы грамматики. Такія педагогіи могли быть включаемы въ коллегіи, въ качествѣ низшаго отдѣленія, самими фундаторами, примѣръ чего мы видѣли въ коллегіи наваррской. Но большею частью педагогіи устраивались въ видѣ частныхъ школъ съ пансіонами; это была школьная промышленность, индустрія особаго рода. Предприниматели были магистры искуствъ; никто не могъ устроить педагогію безъ разрѣшенія факультета искуствъ и не принадлежа къ этому факультету; докторамъ высшихъ факультетовъ это право не предоставлялось. Магистръ-предприниматель могъ поступить двояко: могъ нанять частное помѣщеніе для своего пансіона и въ то же время заключить контрактъ съ какимъ-нибудь преподавателемъ, обязывая этого послѣдняго преподавать извѣстный предметъ, а самъ обязываясь давать ему помѣщеніе и содержаніе; или же предприниматель устраивался съ своими пансіонерами въ зданіяхъ, принадлежащихъ какой-нибудь коллегіи,— въ такомъ случаѣ онъ заключалъ кон-

трактъ съ цѣлой ассоціаціей членовъ коллегіи, обязуясь платить коллегіи извѣстную сумму за каждаго изъ своихъ воспитанниковъ, а глава коллегіи оставлялъ за собой право выдавать воспитанникамъ удостовѣреніе объ ихъ занятіяхъ. Кромѣ того, частными же предпринимателями устраивались и коллегіи въ собственномъ смыслѣ, какъ пансіоны для артистовъ, а не какъ школы грамматики. Вообще всѣ подобныя учрежденія состояли подъ нѣкоторымъ контролемъ университета, и если не оказывалось повиновенія распоряженіямъ факультета или университета, то данное учрежденіе и не разсматривалось какъ учрежденіе университетское. О недостаткахъ, которыми страдали коллегіи, объ ихъ темныхъ сторонахъ, будетъ сказано въ послѣдней главѣ

Изъ другихъ французскихъ университетовъ о высшихъ школахъ въ Монпелье и Тулузѣ извѣстно, что они отразили на себѣ итальянское вліяніе, хотя на тулузскій университетъ была распространена парижская «великая хартія». Въ Монпелье существовали два университета: медицинскій и юридическій (послѣдній обнималъ также и теологовъ съ артистами). Главой медицинскаго университета былъ одинъ изъ профессоровъ, носившій титулъ канцлера, занимавшій эту должность пожизненно и избиравшійся епископомъ и тремя профессорами. Юридическій университетъ распадался на три націи (провансальскую, бургундскую и каталонскую); главой университета былъ ректоръ, избиравшійся на годъ поперемѣнно изъ трехъ націй; *доктора* не имѣли *ни активнаго, ни пассивнаго* избирательнаго права; избранный ректоръ утверждался епископомъ и давалъ послѣднему присягу. При ректорѣ состояло 12 совѣтниковъ (consiliarii), вѣроятно по четыре отъ каждой націи. Ректоръ имѣлъ высшій рангъ предъ всѣми докторами и еще въ XVI в. пользовался такою честью, что на улицахъ появлялся не иначе, какъ въ сопровожденіи свиты изъ школяровъ. Возведеніе въ ученыя степени въ обоихъ университетахъ—и въ медицинскомъ, и въ юридическомъ—зависѣло отъ

епископскаго одобренія, т.-е. епископъ былъ (и назывался) канцлеромъ для обоихъ университетовъ (очевидно, это канцлерство не должно смѣшивать съ тою канцлерскою должностью, которая, какъ выше упомянуто, стояла во главѣ медицинскаго университета).

Въ Тулузѣ каѳедральный схоластикъ, въ званіи канцлера, имѣлъ большее значеніе, чѣмъ парижскій, и навсегда удержалъ за собою извѣстный перевѣсъ надъ ректоромъ, который, въ свою очередь, въ отличіе отъ Парижа, выбирался не изъ артистовъ только, а попеременно разными факультетами. Прокураторы же не были главами націй, а были приданнымъ къ ректору совѣтомъ изъ двухъ баккалавровъ и двухъ школяровъ, тогда какъ въ Парижѣ всякія должности были въ рукахъ магистровъ.

Англійскіе университеты, оксфордскій и кембриджскій, вскорѣ же послѣ ихъ возникновенія, усвоили себѣ національный характеръ, въ отличіе отъ континентальныхъ университетовъ, которые можно назвать космополитическими. Наприм. въ Парижъ или въ Болонью стекались штудирующіе изъ всѣхъ странъ западной Европы, и блестящую профессорскую дѣятельность проходили въ тамошнихъ университетахъ выходцы изъ разныхъ чужихъ странъ, какъ въ Болоньѣ многіе уроженцы Германіи, въ Парижѣ пришельцы изъ той же Германіи, Италіи и проч. Достаточно вспомнить, что, наприм., Альбертъ Великій пришелъ въ Парижъ изъ Германіи, Ѳома Аквинскій изъ Неаполя, Петръ Ломбардъ изъ Наварры, Робертъ Пуллъ изъ Англіи. Даже императоръ Фридрихъ II доставалъ въ свой государственный университетъ ученыхъ изъ дальнихъ странъ, наприм. Петра Ирландца, и открывалъ двери пришельцамъ всѣхъ націй. Въ англійскіе университеты, правда, послѣдовалъ приливъ изъ Парижа послѣ катастрофы 1229 г., но онъ и былъ единственный. Для устройства университетскаго это обстоятельство имѣло то важное значеніе, что дѣленіе членовъ университета по націямъ не развилось здѣсь, какъ не

имѣвшее для себя почвы. Хотя и въ англійскихъ университетахъ различались сѣверяне и южане, но это различіе вытекало не изъ національнаго происхожденія, а изъ той же внутренней противоположности общественно-политическихъ взглядовъ и антипатій, которою вообще характеризуется строй британской жизни и которая вызвала образованіе партій торп и виговъ. Не развилось также въ нихъ и дѣленіе на четыре факультета. Существеннымъ въ нихъ всегда было и осталось изученіе «свободныхъ искуствъ» (artes liberales), т.-е. то, что въ другихъ западно-европейскихъ университетахъ разсматривалось какъ подготовка и дверь, ведущая къ штудированію научныхъ отраслей трехъ высшихъ факультетовъ. Богословіе, правда, изучалось и даже процвѣтало «на основѣ искусствъ» (theologia in artibus fundata), благодаря въ особенности нищенствующимъ монахамъ францисканцамъ; но кто желалъ изучать юриспруденцію или медицину, тому нужно было пріобрѣтать необходимыя познанія или вступивъ въ корпорацію адвокатовъ (слѣдовательно знанія практическія, безъ римскаго и каноническаго права, такъ какъ ни то, ни другое никогда почетомъ не пользовалось въ Англіи), или практикуясь въ госпиталяхъ. Докторскія степени получались и по юриспруденціи и по медицинѣ, но не отъ факультета, а отъ университета, самый же «университетъ» превращался болѣе и болѣе въ нѣчто миѳическое, тогда какъ въ дѣйствительности выступили на первый планъ коллегіи, въ которыхъ университетъ такъ сказать, разложился и растворился.

Англійскія коллегіи явились даже раньше, чѣмъ въ Парижѣ, и на англійской почвѣ получили болѣе сильное развитіе, чѣмъ тамъ.

Въ Оксфордѣ еще въ XIII в. школьная индустрія процвѣтала: большая часть школяровъ жила въ пансіонахъ, предприниматели и начальники которыхъ (принципалы) старались подыскать преподавателей для чтенія лекцій въ помѣщеніяхъ ихъ пансіоновъ. Случалось даже, что служители, чистильщики студентскаго платья и студент-

скихъ сапоговъ, выступали въ качествѣ антрепренеровъ-принципаловъ по устроенію пансіоновъ, что, впрочемъ, университетомъ воспрещалось. Съ XIV в. частные пансіоны стали болѣе и болѣе замѣняться фундированными стипендіальными коллегіями, существованіе которыхъ обезпечивалось жертвуемыми и завѣщаемыми имѣніями и капиталами. Между знатными и богатыми англійскими фамиліями явилось соревнованіе, чуть не конкурренція, въ устроеніи коллегій, въ которыхъ потомъ и держались извѣстныя фамильныя традиціи и мѣстныя традиціи графства, такъ что отдѣльная коллегія или школьная ассоціація не только совмѣстною жизнью и совмѣстнымъ штудированіемъ, но и упомянутыми традиціями обособлялась отъ другихъ подобныхъ. Полученіе стипендіи въ коллегіи стало связываться съ такою массою условій семейныхъ, мѣстныхъ и проч., что не безъ основанія можно было говорить, что каждая стипендія уже напередъ предназначалась извѣстному мальчику съ момента его рожденія. До реформаціи университетскія коллегіи все еще имѣли опасныхъ конкуррентовъ по части пожертвованій въ монастыряхъ, въ аббатствахъ; со времени реформаціи не только эти опасные конкурренты были устранены, но и значительная доля добычи, оставшейся послѣ упраздненныхъ католическихъ церковныхъ институтовъ, перешла къ коллегіямъ, какъ раньше существовавшимъ, такъ и вновь основываемымъ. Между тѣмъ какъ въ континентальныхъ коллегіяхъ преобладала точка зрѣнія милостыни или вспомоществованія нищетѣ, въ хорошо обезпеченныхъ англійскихъ коллегіяхъ выступила на первый планъ мысль о довольствѣ и комфортѣ. Между тѣмъ какъ наприм., германскому рыцарю или дворянину штудированіе наукъ доставляло мало радости, въ Англіи соотвѣтственные классы общества, благодаря ихъ политическому положенію и въ виду политической дѣятельности, стремились получить извѣстное образованіе въ университетахъ. Разумѣется, и въ Оксфордѣ и въ Кембриджѣ дѣло не обходилось безъ того, что молодые люди безъ

средствъ, въ особенности готовившіеся къ духовному званію, въ коллегіяхъ находили единственный путь къ полученію образованія, и, какъ люди бѣдные, могли бы не предъявлять широкихъ претензій. Но преобладающій контингентъ англійскихъ коллегій составился изъ состоятельныхъ классовъ высшаго и средняго дворянства. Фундаторы были настолько щедры, что обезпечили богатыми вкладами большое число магистровъ, которые могли бы вести преподаваніе въ коллегіяхъ или занимать должности по управленію коллегіями и по надзору за учащимися (туторы), или даже просто пожелали бы жить въ коллегіяхъ, предаваясь ученымъ занятіямъ и достаточно обезпеченные, безъ какой-либо должностной функціи. Въ средніе вѣка высшая университетская власть все еще удерживалась за общимъ собраніемъ профессоровъ и лицъ, имѣющихъ ученыя степени. Это такъ называемая конвокація, за которою признавались избирательное право, право составленія и измѣненія статутовъ и проч. Но затѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе директора коллегій захватывали власть въ свои руки. Какими послѣдствіями сопровождался перевѣсъ коллегій надъ университетомъ, будетъ упомянуто въ послѣдней главѣ. Здѣсь мы припомнимъ лишь, въ добавленіе къ сказанному, что въ Оксфордѣ и Кембриджѣ канцлеръ сдѣлалъ излишнею ректорскую должность. Изъ органа надзора, назначаемаго епископомъ, онъ превратился въ выборную должность. Университетъ сначала избиралъ его на короткій срокъ, потомъ пожизненно. Пожизненное избраніе канцлера установилось съ начала XV в., когда найдено было полезнымъ избирать въ канцлеры архіепископовъ или высокихъ государственныхъ сановниковъ. Такой высокопоставленный канцлеръ назначалъ представителя, вицеканцлера, изъ директоровъ коллегій по соглашенію съ университетомъ, или даже предоставлялъ университету выбрать вицеканцлера, вмѣстѣ съ двумя прокураторами, въ качествѣ его помощниковъ.

Въ германскихъ университетахъ сказалось вліяніе и

болонское и парижское. Статуты древнѣйшаго университета въ Германіи—прагскаго—имѣли для себя образцомъ болонскіе статуты, причемъ, однако не могло не сказаться и вліяніе Парижа, въ которомъ учился самъ учредитель прагскаго университета; прагскіе статуты въ свою очередь послужили образцомъ для Лейпцига и Эрфурта, а эрфуртскіе для многихъ другихъ. Напротивъ, гейдельбергскій университетъ, несмотря на то, что самое учрежденіе его было проявленіемъ оппозиціи Парижу и Авиньону, скопировалъ свои порядки съ парижскихъ (напр., выборъ въ ректоры только артиста), пока практическая потребность не привела къ разнымъ видоизмѣненіямъ парижскихъ порядковъ. Болонское вліяніе несомнѣнно сказалось въ томъ, что нѣкоторое время въ нѣкоторыхъ университетахъ студенты допускались къ осуществленію корпоративныхъ правъ, вмѣстѣ съ магистрами и докторами. Въ статутахъ прагскаго университета отъ ректора требовалось, чтобы онъ былъ законнорожденнымъ, имѣлъ не менѣе 25 л., былъ безупречной репутаціи, имѣлъ покрайней мѣрѣ низшую степень духовнаго сана и не принадлежалъ къ монашеству; но чтобы онъ имѣлъ ученую степень, объ этомъ ничего не говорится. Затѣмъ съ совершенною ясностью предоставляется студентамъ активное избирательное право: четыре націи, каждая, выбираютъ по одному представителю, а четыре представителя избираютъ комитетъ изъ семи членовъ цѣлаго университета; этимъ комитетомъ избирается въ свою очередь еще новый комитетъ изъ пяти лицъ, который и избираетъ наконецъ ректора, причемъ ни для первыхъ семи, ни для послѣднихъ пяти не требуется ученой степени. Въ исторіи прагскаго университетскаго устройства любопытно еще то явленіе, что на первыхъ же порахъ обнаружившійся антагонизмъ болонскихъ и парижскихъ традицій вызвалъ въ 1372 г. расколъ, вслѣдствіе котораго изъ прагскаго университета выдѣлился особый университетъ юристовъ съ особымъ ректоромъ, отдѣльный отъ университета, составлявшагося изъ теологовъ, медиковъ и артистовъ.

Въ Вѣнѣ, по учредительной граматѣ 1365 г., прокураторы націй и ректоръ должны были быть магистрами искуствъ, а напротивъ, по статуту 1381 г. и лица, не имѣющія степеней, могли быть выбираемы въ ректоры и въ прокураторы; лишь въ XV в. стало дѣйствовать правило, что въ прокураторы избираются только магистры. Во Франкфуртѣ всѣ члены университета въ широкомъ смыслѣ были приглашаемы для выбора ректора: каждая изъ четырехъ націй выбирала (путемъ жребія) по одному представителю; эти четыре представителя не необходимо должны были быть докторами и магистрами, но они избирали семерыхъ избирателей уже исключительно изъ докторовъ и магистровъ, а эти семь избирателей выбирали въ свою очередь трехъ магистровъ или докторовъ отъ трехъ націй, которые въ концѣ концовъ и выбирали ректоромъ члена четвертой націи. Такимъ образомъ тутъ въ первой избирательной коллегіи студенты имѣли активное избирательное право. Въ Базелѣ юристы потребовали сначала, чтобы, по образцу Болоньи, въ ректоры избирался студентъ, съ чѣмъ связывалась тенденція противопоставить юридическій факультетъ, какъ особый университетъ, союзу трехъ другихъ факультетовъ. Въ 1462 г. состоялось соглашеніе, въ силу котораго ректоръ долженъ былъ выбираться поперемѣнно изъ всѣхъ факультетовъ, и что на юридическомъ факультетѣ можетъ быть выбранъ и студентъ. Почти 20 лѣтъ затѣмъ боролись между собою партіи, изъ которыхъ одна требовала активнаго и пассивнаго избирательнаго права для школяровъ, пока въ 1480 г. не было рѣшено, что они имѣютъ только пассивное избирательное право. Вообще любопытно, что въ Германіи дольше держалось пассивное, чѣмъ активное избирательное право студентовъ, т.-е. и послѣ того, какъ студенты перестали допускаться въ избирательное собраніе, студентъ все-таки самими же магистрами могъ быть выбранъ въ ректоры. Такъ, именно, въ Прагѣ, Эрфуртѣ, Вѣнѣ и Базелѣ пассивное избирательное право оставалось за студентами и послѣ утраты ими ак-

тивнаго. Даже въ Гейдельбергѣ, для котораго образцомъ послужилъ парижскій университетъ и который совсѣмъ не зналъ никогда активнаго избирательнаго права школяровъ, студентъ все-таки могъ быть выбранъ въ ректоры, правда, не обыкновенный или заурядный школяръ, а человѣкъ высокорожденный, герцогъ или князь, который притомъ игралъ довольно безобидную роль, довольствуясь своимъ почетнымъ титуломъ и предоставляя управленіе вице-ректору изъ профессоровъ, но все же студентъ. Возможны были еще и другія формы обнаруженія участія студентовъ въ управленіи университетскими дѣлами. Наприм. въ Вѣнѣ они имѣли голосъ при постановленіи рѣшеній объ общихъ налогахъ, въ Ингольштадтѣ и Вюрцбургѣ при выработкѣ общихъ статутовъ университета. Въ Вѣнѣ въ 1461 г. студенты медицинскаго факультета (которые, впрочемъ, были магистрами искуствъ, но не всѣ) составляли одно собраніе съ докторами при выборѣ новаго преподавателя. Въ Базелѣ, по статутамъ 1477 г, управляющій совѣтъ или комитетъ при ректорѣ долженъ былъ составляться изъ шести членовъ: двухъ докторовъ высшихъ факультетовъ, двухъ магистровъ искуствъ и двухъ школяровъ. Слѣдъ или остатокъ болонской старины сохранился и въ томъ, что студенты приглашались на собраніе, въ которомъ новый ректоръ присягалъ. Наконецъ корпоративная общность всѣхъ учащихъ и учащихся выражалась въ томъ, что въ т. н. rotulus вносились одинаково имена и учащихъ и учащихся: и тѣмъ и другимъ, въ постепенности ранговъ, одинаково испрашивались у папы церковныя бенефиціи. Самая эта постепенность ранговъ не лишена интереса. Наприм., въ Вѣнѣ, при торжественныхъ случаяхъ, за ректоромъ слѣдовали члены университета въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) доктора и лиценціаты теологіи и тутъ же студенты— сыновья герцоговъ и графовъ, 2) доктора и лиценціаты юридическаго факультета и тутъ же школяры изъ высокаго дворянства не титулованнаго (simplices illustres), 3) доктора и лиценціаты медицины вмѣстѣ съ школяра-

ми изъ мелкаго дворянства (minores illustres), 4) магистры управляющіе школьнымъ дѣломъ (magistri actu regentes), т.-е. магистры искуствъ, дѣйствительно занимающіеся преподаваніемъ, а также пріобрѣтшіе баккалаврство на одномъ изъ высшихъ факультетовъ, 5) баккалавры трехъ высшихъ факультетовъ и магистры искуствъ, не управляющіе школьнымъ дѣломъ (non regentes), 6) баккалавры искуствъ и старшіе школяры высшихъ факультетовъ, 7) всѣ остальные школяры. Въ этомъ распорядкѣ находила себѣ наглядное выраженіе та идея, что всѣ члены университета суть товарищи, мѣсто которыхъ въ союзной организаціи опредѣляется частью іерархіей наукъ, частью рожденіемъ и общественнымъ положеніемъ, частью академическими степенями, частью дѣятельностью на пользу школы или корпораціи, наконецъ возрастомъ и числомъ лѣтъ ученія. Для взаимныхъ отношеній между учащими и учащимися характерно еще и то, что преподавательская дѣятельность магистра искуствъ давала въ корпораціи не высшій рангъ сравнительно съ баккалавромъ одного изъ высшихъ факультетовъ, а баккалавры всѣхъ факультетовъ находились обыкновенно въ положеніи учениковъ, хотя имъ поручалось въ то же время заступать мѣсто учителя, и даже не малая часть лекцій на высшихъ факультетахъ, особенно для начинающихъ, читалась баккалаврами.

Въ германскихъ университетахъ, при самомъ учрежденіи ихъ, обыкновенно назначались «канцлеры»; но германскаго канцлера можно сравнить не съ парижскимъ или оксфордскимъ, а съ итальянскимъ. Существеннымъ содержаніемъ должности германскаго канцлера является именно право давать лиценцію, на основаніи испытаній, произведенныхъ докторами и магистрами. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ университетахъ канцлеръ облекался и болѣе широкими правомочіями (каковы наприм. участіе въ академической юрисдикціи, рѣшающій голосъ—при раздѣленіи голосовъ поровну—въ избирательномъ собраніи при выборѣ ректора, инвеститура ректора врученіемъ перстня,

извѣстное наблюденіе за университетомъ и попеченіе о немъ). Въ Вѣнѣ произошло даже подобное парижскому столкновеніе университета съ канцлеромъ изъ-за печати, которое кончилось, конечно, тѣмъ, что университетъ обзавелся своею печатью. Съ теченіемъ времени, болѣе и болѣе сталъ входить въ силу обычай, по которому и тѣ права, которыя относятся къ лиценціи, осуществляются канцлеромъ не лично, а черезъ профессоровъ же, декановъ факультетовъ. Любопытно, что канцлеръ сдавалъ иногда въ аренду свои права, извлекая отсюда нѣкоторый доходъ.

Перейдемъ затѣмъ къ деталямъ устройства германскихъ университетовъ и обратимъ въ частности, вниманіе 1) на высшую власть университета, въ видѣ управляющаго собранія, такъ или иначе организованнаго, подъ тѣмъ или другимъ названіемъ, и въ лицѣ ректора, 2) на частные корпоративные союзы, какъ члены въ многочленной университетской организаціи, каковы факультеты, націи и проч.

Въ принципѣ высшая власть университета принадлежала собранію докторовъ (т.-е. лицъ, имѣвшихъ высшую ученую степень на трехъ высшихъ факультетахъ) и магостровъ (т.-е. лицъ, имѣвшихъ высшую ученую степень на факультетѣ искуствъ), правильно созванному ректоромъ. Оно называлось генеральнымъ совѣтомъ или генеральнымъ соборомъ (consilium s. concilium generale). Въ нѣкоторыхъ университетахъ на собраніе приглашались лиценціаты и баккалавры высшихъ факультетовъ, но обыкновенно только при недостаточномъ числѣ докторовъ. Магистры искуствъ, состоявшіе въ то же время баккалаврами и лиценціатами высшихъ факультетовъ, приглашались на собраніе въ качествѣ членовъ факультета артистовъ. Въ Вѣнѣ, Гейдельбергѣ и Кельнѣ въ правительствующее собраніе университета приглашались всѣ доктора и магистры, все равно, занимались ли они въ данный моментъ преподавательною практикой, или нѣтъ. Въ видѣ исключенія изъ общаго правила, въ нѣкоторыхъ

университетахъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ собранія университетскія, какъ выше было упомянуто, приглашались и студенты. Подача голосовъ въ общихъ собраніяхъ университета осложнялась не малыми трудностями, неизвѣстными нашему времени. Дѣло въ томъ, что факультетъ артистовъ былъ всегда многолюденъ, и магистровъ могла быть на немъ цѣлая масса, тогда какъ на высшихъ факультетахъ число докторовъ могло быть не болѣе двухъ-трехъ, доходило даже и до одного, а къ факультету артистовъ вдобавокъ причислялись и тѣ магистры исскуствъ, которые штудировали науки высшихъ факультетовъ. Такимъ образомъ, если бы голосованіе было принято поголовное, артисты всегда имѣли бы перевѣсъ надъ другими факультетеми. Поэтому даже въ Гейдельбергѣ, гдѣ, по примѣру Парижа, преобладанію артистовъ былъ данъ вначалѣ просторъ уже тѣмъ однимъ, что ректоръ долженъ былъ избираться непремѣнно изъ артистовъ, было признано необходимымъ ввести голосованіе по факультетамъ. Каждый факультетъ долженъ былъ имѣть одинъ голосъ, все равно—одинъ докторъ имѣется на факультетѣ, или 100 докторовъ и магистровъ. Старинный писатель сравнивалъ такое голосованіе съ практиковавшеюся въ городахъ и республикахъ подачею голосовъ по трибамъ, а не по головамъ гражданъ, замѣчая въ то же время отъ себя, что о качествѣ этого обычая онъ предоставляетъ судить другимъ (de hujus consuetudinis qualitate aliis judicium relinquo). Въ Парижѣ факультетъ артистовъ обнималъ четыре націи и распоряжался четырьмя голосами; въ Германіи націи, если и существовали нѣкоторое время, какъ мы увидимъ ниже, то не въ предѣлахъ только факультета артистовъ, а всѣ вообще факультеты группировались по націямъ, и на общихъ собраніяхъ университета націи, какъ таковыя, не имѣли голоса.

Случалось, впрочемъ, что допускалось голосованіе по націямъ (Прага и Лейпцигъ), или поголовное (Эрфуртъ), а въ Вѣнѣ прокураторы націй участвовали въ такъ на-

зываемой «консисторіи», о которой будетъ сказано сейчасъ. Голосованіе по факультетамъ, клонившееся къ тому, чтобы не допустить господства артистовъ въ университетѣ, имѣло ту невыгодную сторону, что созывалось множество членовъ' а дѣла вершились немногими. Поэтому стали находить болѣе цѣлесообразнымъ переносить правомочія пленарнаго или полнаго собранія, вполнѣ или отчасти, на комитетъ, который иногда также назывался совѣтомъ, соборомъ, иногда консисторіей, сенатомъ, Въ Вѣнѣ эта консисторія состояла изъ ректора и прокураторовъ, т.-е. главъ четырехъ націй, или изъ ректора и четырехъ декановъ (такъ какъ общія собранія могли созываться сначала и по факультетамъ и по націямъ), или изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—прокураторовъ и декановъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, и вначалѣ должна была играть лишь роль совѣта при ректорѣ для предварительнаго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, въ виду предстоящаго общаго собранія, и составлять собою ректорскій судебный персоналъ; но въ 1481 г. было постановлено, что рѣшеніе консисторіи, если къ засѣданію ея были приглашены всѣ деканы и всѣ прокураторы, должно разсматриваться какъ постановленіе университета, причемъ предполагалось, что деканы и прокураторы въ важныхъ дѣлахъ должны предварительно собрать на совѣщаніе подлежащіе факультеты и націи и получить отъ нихъ инструкціи. Въ Кельнѣ, который заимствовалъ вѣнскіе статуты и голосованіе по факультетамъ, но не имѣлъ націй, консисторія состояла только изъ ректора и декановъ, но зато и не получила такого значенія, какъ въ Вѣнѣ. Въ Тюбингенѣ управляющій сенатъ составлялся изъ всѣхъ докторовъ высшихъ факультетовъ, изъ декана и четырехъ членовъ факультета артистовъ, а въ Роштокѣ изъ всѣхъ преподавателей, получающихъ жалованье въ нормальномъ размѣрѣ 800 флориновъ, такъ что въ составъ «собора» не принимались трое преподавателей съ наименьшимъ содержаніемъ (два философа съ окладомъ въ 15 флор. и одинъ юристъ съ

окладомъ въ 25 фл.); но собору предоставлялось приглашать въ чрезвычайныхъ случаяхъ еще двухъ или трехъ лицъ, имѣвшихъ ученыя степени, хотя и не получавшихъ жалованья. Въ Гейдельбергѣ въ составъ управляющаго комитета входили: ректоръ, по одному доктору отъ трехъ высшихъ факультетовъ и три магистра-артиста избираемые къ тому факультетомъ изъ 12-ти старѣйшихъ членовъ въ началѣ каждаго ректората. Согласно распоряженію курфюрста, этимъ управляющимъ комитетомъ или сенатомъ должно было замѣняться общее собраніе университета по общему требованію, или по желанію одного факультета, или въ случаѣ обнаружившихся несогласія и безпорядка при обсужденіи дѣлъ въ общемъ собраніи. Въ Эрфуртѣ и Лейпцигѣ ректору были приданы «совѣтники», прежде всего какъ засѣдатели въ ректорскомъ университетскомъ судѣ и какъ помощники по приведенію въ исполненіе постановленій университета; но позднѣе на этотъ совѣтъ были возложены нѣкоторыя функціи сената. Вообще, чѣмъ ближе къ новой исторіи, тѣмъ рѣшительнѣе выступаетъ въ германскихъ университетахъ тенденція замѣнить пленарное собраніе совѣтомъ или сенатомъ. Въ нѣкоторыхъ университетахъ ректору предоставлялось приглашать на совѣщаніе отдѣльныхъ членовъ, въ другихъ напротивъ было запрещено созывать отдѣльныя группы во избѣжаніе партійныхъ рѣшеній.

Если общее собраніе университета (или суррогатъ его, въ видѣ консисторіи, сената и т. п.) разсматривалось какъ видимое, наглядное выраженіе университетской корпораціи, какъ носитель правъ и вольностей, дарованныхъ университету, то въ извѣстномъ смыслѣ и единичная власть ректора могла разсматриваться какъ внѣшнее выраженіе, представленіе, такъ сказать воплощеніе университета. Ректора называли въ то время не только первенствующимъ членомъ академіи (primas academiae), первымъ академическимъ гражданиномъ (princeps), но и «монархомъ» (monarcha). Ему, по болонско-

му образцу, присвоенъ былъ титулъ «magnificus» (величественный, на нѣмецкій языкъ этотъ титулъ переводился словомъ «Erlaucht», (сіятельство), а ректоръ высокорожденный титуловался: «magnificentissimus», что на нѣмецкій языкъ переводилось словомъ: «Durchlaucht» (свѣтлость). Только членъ корпораціи, а не кто-либо посторонній для нея, могъ быть избранъ въ ректоры. Выборъ производился или въ пленарномъ собраніи, или въ комитетѣ. Въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя сообщены были выше объ избирательномъ собраніи (въ связи съ вопросомъ объ участіи студентовъ въ корпоративной жизни) можно сказать еще слѣдующее. Въ Кельнѣ депутаты отъ факультетовъ, въ Вѣнѣ оставляющій должность ректоръ съ четырьмя прокураторами націй составляли избирательную коллегію, причемъ націи при выборѣ прокураторовъ должны были принимать въ соображеніе принадлежность ихъ къ извѣстному факультету, такъ чтобы четыре прокуратора принадлежали къ четыремъ разнымъ факультетамъ и служили ихъ представителями. Въ Роштокѣ, Эрфуртѣ и Лейпцигѣ развился очень сложный и искуственный порядокъ выборовъ, на подобіе прагскаго и франкфуртскаго (см. выше). Именно въ Роштокѣ ректоръ выбирался изъ профессоровъ, входившихъ въ составъ управляющаго комитета, причемъ способъ избранія былъ точною копіей съ того способа, который въ городахъ сѣверной Германіи практиковался при выборахъ городскихъ магистратовъ, и который въ ганзейскихъ городахъ сохранился до новѣйшаго времени: это—комбинація жеребья съ избраніемъ. Управляющій комитетъ не самъ, прямо и непосредственно, выбиралъ ректора, а по жеребью назначалъ трехъ профессоровъ, которые и производили выборъ, предварительно присягнувъ, что будутъ дѣйствовать по совѣсти и крайнему разумѣнію. Выборъ долженъ былъ совершиться раньше, чѣмъ сгоритъ маленькая восковая свѣча (длиною въ указательный палецъ), въ противномъ случаѣ избирателямъ угрожало лишеніе жалованья на

полгода. Подобнымъ же образомъ было регулировано избраніе ректора въ Грейфсвальдѣ, только жребій здѣсь скоро былъ оставленъ, и ректоръ сталъ выбираться сенатомъ или управляющимъ комитетомъ. Въ Эрфуртѣ каждый факультетъ избиралъ своего избирателя, эти четверо избирателей выбирали пять или семь лицъ, а эти послѣднія опять назначали выборный комитетъ изъ пяти избирателей, которые въ концѣ концовъ и выбирали ректора. Въ Лейпцигѣ каждая нація прежде всего избирала своего избирателя, четверо избирателей избирали затѣмъ семерыхъ другихъ—отъ трехъ націй по два и отъ четвертой одного, послѣдніе семь въ свою очередь выбирали по одному отъ каждой націи и, сверхъ того, еще пятаго отъ той націи, которая во второй избирательной коллегіи имѣла только одного представителя; образовавшійся такимъ длиннымъ путемъ пятичленный комитетъ и выбиралъ наконецъ ректора. Въ Гейдельбергѣ ректоръ выбирался на общемъ собраніи всѣхъ докторовъ и магистровъ, причемъ, однако, голосованіе производилось по факультетамъ; если большинства не получалось, выборъ предоставлялся комитету изъ трехъ докторовъ — по одному отъ высшихъ факультетовъ — и изъ трехъ артистовъ, а если бы и тутъ большинства не составилось, каждый факультетъ выставлялъ отъ себя избирателя, и эти четверо избирателей, вмѣстѣ съ прежнимъ ректоромъ, отслужившимъ срокъ, составляли избирательную коллегію, полагавшую конецъ спору. Въ Фрейбургѣ, Тюбингенѣ и Виттенбергѣ ректоръ избирался управляющимъ сенатомъ, а въ Ингольштадтѣ общимъ собраніемъ съ голосованіемъ по факультетамъ, въ случаѣ же спора дѣло должно было рѣшаться государемъ. Ректоръ выбирался обыкновенно на $^1/_2$ года—въ Пасху и осенью, въ Кельнѣ на $^1/_4$ года, какъ въ Парижѣ. Избранный долженъ былъ принять выборъ и, въ случаѣ отказа, не мотивированнаго какими-либо важными извиняющими обстоятельствами, подлежалъ большому денежному штрафу въ пользу универ-

ситета. Общимъ правиломъ былъ выборъ ректора поочередно съ каждаго факультета, предполагая, что на факультетѣ имѣлись пригодныя къ тому лица. Попытка ввести парижское правило — выбирать ректора только изъ артистовъ,—сдѣланная въ Вѣнѣ и Гейдельбергѣ, вскорѣ была оставлена, хотя въ послѣднемъ не безъ борьбы и даже съ поддержкой курфюрста противъ претензій артистовъ, которые, впрочемъ, оправдывали свои домогательства не парижскимъ образцомъ и не желаніемъ вліятельной роли въ университетѣ, а тѣмъ соображеніемъ, что слишкомъ-де обременительно было бы для доктора высшихъ факультетовъ, занятаго важными вопросами своей спеціальности, если бы къ нему обращался каждый школяръ въ каждомъ маловажномъ дѣлѣ.

Инвеститура ректора производилась торжественнымъ образомъ въ церкви. Въ честь новоизбраннаго произносилась похвальная рѣчь. Прежній ректоръ возлагалъ на его голову шляпу (баретъ), вручалъ ему серебряный «скипетръ», какъ знакъ власти, и статуты университета, чтобы онъ помнилъ, какую тяжесть принимаетъ на себя, а въ заключеніе новый ректоръ давалъ торжественную присягу на Евангеліи.

Въ кругъ вѣдомства ректора входили: имматрикуляція, т.-е. внесеніе въ университетскіе списки, управленіе имуществомъ университета, наблюденіе за правильнымъ поступленіемъ доходовъ, сдача въ аренду доходныхъ статей, сдача крестьянскихъ мѣстъ и патримоніальная юрисдикція въ деревняхъ, принадлежавшихъ университету, наблюденіе за зданіями, руководительство торжественными актами университета, но главнымъ образомъ попеченіе о дисциплинѣ и академическій судъ. Что касается имматрикуляціи въ особенности, дѣло это въ значительной степени усложнялось тѣмъ, что не пріурочивалось къ началу семестра, а между тѣмъ тутъ приходилось погружаться въ разныя подробности: дѣйствительно ли бѣденъ и не можетъ внести положенную пошлину данный субъектъ, дѣйствительно ли онъ штуди-

ровалъ въ другихъ университетахъ, не желаетъ ли онъ имматрикулироваться только для того, чтобы пользоваться привилегіями университета, и т. п. Осуществляя дисциплинарную и судебную власть, ректоръ прибѣгалъ къ разнымъ мѣрамъ: извѣщалъ родителей о необходимости принятія мѣръ противъ неодобрительнаго поведенія школяровъ, подвергалъ денежнымъ штрафамъ и лишенію свободы (ограничивавшемуся нѣсколькими недѣлями, и притомъ съ возможностію выкупа по одному или по два золотыхъ гульдена за недѣлю), опредѣлялъ удаленіе на время или исключеніе навсегда изъ университета; но тѣлесныя наказанія, процвѣтавшія въ Парижѣ, въ германскихъ университетскихъ судахъ не практиковались. Ректоръ былъ компетентенъ пользоваться и духовнымъ оружіемъ—налагать церковныя наказанія и отлучать отъ церкви, а духовныхъ членовъ университета подвергать и особеннымъ, къ духовенству примѣнимымъ, наказаніямъ. Ректоръ долженъ былъ блюсти за тѣмъ, чтобы дарованныя университету привилегіи не нарушались, и если бы нарушеніе послѣдовало противъ какого-либо самомалѣйшаго члена университета, обязанъ былъ вступиться за него; впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ онъ могъ натолкнуться на конкурренцію со стороны консерватора. На обязанности же ректора лежало улаживать недоразумѣнія и споры между факультетами и другими членными организаціями внутри университеткой корпораціи, какъ взаимные между ними самими, такъ и съ посторонними лицами и учрежденіями. Дѣла, входившія въ кругъ ректорскаго вѣдомства, ректоръ вершилъ частью одинъ, частью съ совѣтниками, засѣдателями и комитетами, избиравшимися корпораціей, частью на основаніи постановленія общаго собранія (напр. въ случаѣ суда надъ лицами, имѣющими ученыя степени). Въ Роштокѣ существовала еще любопытная должность «промотора» (нѣчто въ родѣ прокурора), который наблюдалъ за поддержаніемъ въ силѣ академическихъ статутовъ. Эта его функція простиралась какъ на университетъ въ цѣломъ,

такъ и на отдѣльные факультеты (націй здѣсь не было) и на ихъ членовъ, даже на прохожденіе должности самимъ ректоромъ, затѣмъ на всѣ т. н. регенціи (т.-е. школьныя общежитія); отъ членовъ этихъ послѣднихъ онъ принималъ жалобы и разрѣшалъ ихъ, входя съ представленіемъ въ академическій «соборъ» лишь въ болѣе важныхъ случаяхъ, или когда имѣлъ что-нибудь заявить противъ ректора.

Для непосредственнаго исполненія разнаго рода административныхъ задачъ и для помощи ректору имѣлись разныя должностныя лица, не считая проректора, какъ замѣстителя ректора въ случаѣ надобности: нотаріусы и секретари, синдики (для веденія судныхъ дѣлъ и для дѣловыхъ сношеній вообще), казначеи, коллекторы (для завѣдыванія доходами), конвенторы (для надзора за школьными общежитіями) и т. п. Особеннаго вниманія заслуживаетъ должность педелей (франц. bedeaux). Словопроизводство не совсѣмъ установлено. Нѣкоторые предполагаютъ, что терминъ этотъ произошелъ отъ старинаго французскаго слова, которое означало наемнаго пѣшаго воина (bidault, pitault, pétau). Въ средневѣковой латыни слово «bedelli» употреблялось еще въ значеніи судебныхъ приставовъ, а на церковномъ языкѣ въ значеніи церковнослужителей. Несомнѣнно, что педеля существовали уже и въ болонскомъ университетѣ, что и тамъ они играли, повидимому, немаловажную роль, по крайней мѣрѣ т. н. генеральные, или большіе, педеля, въ отличіе отъ низшихъ, или малыхъ, педелей; послѣднее названіе могло быть усвояемо просто-напросто служителямъ отдѣльныхъ профессоровъ. Такъ наприм. извѣстно, что, въ случаѣ спора между «провинціями», входившими въ составъ котораго-либо университета, ультрамонтанскаго или цитрамонтанскаго, отъ каждой «провинціи» выбиралось по пяти уважаемыхъ членовъ, а bidellus generalis присягалъ во имя всѣхъ отдѣльныхъ членовъ и всѣхъ universitates, что они подчинятся рѣшенію, которое будетъ постановлено комиссіей. Въ Парижѣ каж-

дый факультетъ имѣлъ своихъ педелей, большого и малаго (grand bedeau, petit bedeau), а кромѣ того и націи имѣли своихъ педелей; большой педель на всѣхъ университетскихъ празднествахъ выступалъ съ позолоченнымъ жезломъ, а малый педель съ серебряной палицей; только педеля теологическаго факультета «по причинѣ святости науки, трактующей о Богѣ, который и Самъ показалъ примѣръ чрезвычайнаго смиренія и нищеты въ мірѣ семъ, и другихъ училъ тому же», пользовались деревянными жезлами. По истеченіи года, педеля вручали свои знаки декану, т.-е. каждый годъ составлялись новые выборы, но не только возможно, а и обычно было избраніе вновь прежнихъ педелей, возможна была даже и передача должности по наслѣдству, тѣмъ болѣе что большіе педеля покупали свою должность. Педеля, при врученіи имъ знаковъ, присягали уважать декана, докторовъ, баккалавровъ и школяровъ, каждаго сообразно съ его положеніемъ въ университетѣ (secundum statum suum). Французскіе педеля, повидимому, играли не малую роль въ хозяйствѣ факультета; но главное ихъ дѣло состояло въ томъ, чтобы доводить до свѣдѣнія учащихся приказы магистровъ, присутствовать на экзаменахъ, на диспутаціяхъ, за богослуженіемъ, исполнять полицейскія функціи во всѣхъ учебныхъ помѣщеніяхъ, охранять порядокъ и тишину, объявлять время собраній и мессъ, каждый вечеръ представляться декану, чтобы освѣдомиться о его распоряженіяхъ на будущій день. Должность факультетскихъ педелей считалась очень почтенною; вотъ почему многіе изъ педелей принадлежали къ дворянству, а въ Оксфордѣ дворянство требовалось даже какъ непремѣнное условіе для занятія должности педеля. Въ германскихъ университетахъ общеуниверситетскій или ректорскій педель тоже былъ не малою персоною. Онъ былъ членомъ университета, какъ и магистры и школяры, изъ среды ихъ и избирался, такъ что при самомъ уже избраніи могъ имѣть ученую степень, или могъ позднѣе получить таковую; не было ничего невозможнаго и въ

томъ, чтобы магистръ или баккалавръ былъ нѣкоторое время педелемъ, а впослѣдствіи дѣлался ректоромъ. Педельская должность въ статутахъ германскихъ университетовъ изображается слѣдующими чертами: дѣло педеля—являться по крайней мѣрѣ однажды въ день къ ректору и спрашивать, не нуждается ли ректоръ въ его услугахъ, немедленно исполнять распоряженія ректора, объявлять о праздникахъ, вакаціяхъ, лекціяхъ, диспутаціяхъ и т. д., аккуратно являться на собранія и предшествовать ректору со «скипетромъ« въ рукахъ, доводить до свѣдѣнія ректора о такихъ лицахъ, которыя явились бы въ собраніе, не давъ предварительно присяги, а равно о тѣхъ, кто слушаетъ лекціи, не бывъ вписанъ въ матрикулы и т. п. Педель присягалъ въ вѣрности и повиновеніи высшей школѣ, а также въ храненіи ея тайнъ. Педель служилъ цѣлому университету, равно какъ и отдѣльнымъ факультетамъ, но каждый факультетъ могъ держать собственнаго педеля, и эти факультетскіе педеля равнымъ образомъ должны были являться при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, усиливая помпу университета. Педеля жалованья не получали, но доходы ихъ при имматрикуляціи, при возведеніи въ ученыя степени, при выдачѣ документовъ и т. п. были значительны. Сохранился очень любопытный историческій документъ, изъ котораго видно, что педеля иногда поднимались, такъ сказать, на высоту міровыхъ вопросовъ: это именно посланіе педеля кельнскаго университета къ педелямъ краковскаго университета, по поводу обнаружившагося въ католической церкви раскола между папой Евгеніемъ IV и базельскимъ соборомъ. Авторъ краснорѣчиво разсуждаетъ о чистотѣ христіанской вѣры, объ охраненіи ея отъ волковъ, и между прочимъ рѣзко отзывается о духовенствѣ и монахахъ, стригущихъ овецъ Господа и пропускающихъ къ нимъ хищныхъ волковъ. Духовенство и монахи, по словамъ автора, о реформаціи (т.-е. объ усовершенствованіи церковной жизни въ смыслѣ епископальной теоріи XV в.) и говорить боятся, а заботятся, напротивъ,

о томъ, чтобы задушить ее хитрыми и лживыми средствами. Честолюбивые монахи, они же доктора или магистры,—это сыны вѣка сего, занятія которыхъ состоятъ въ томъ, чтобы добиваться кардинальства, епископства и другихъ должностей. Бѣлое духовенство, тоже доктора либо магистры, добивается церковныхъ бенефицій, даже и такихъ, обладаніе которыми по католическому праву воспрещается какъ совмѣстительство; жизнь и нравы его отмѣчены жадностью и симоніей... Хороши также и т. н. нищенствующіе, которые скорѣе желали бы быть объѣдающимися (непереводимая игра словъ: mendicantes—нищенствующіе; manducantes—обжоры). Кельнскій педель увѣщаваетъ своихъ краковскихъ собратій держаться въ повиновеніи Евгенію IV-му. Базельскій соборъ безъ папы, по мнѣнію педеля, есть синагога сатаны, ибо папѣ сказано: «паси овецъ моихъ». Правда, папа—человѣкъ, и, какъ человѣкъ, можетъ грѣшить; но, какъ папа, въ дѣлахъ вѣры заблуждаться онъ не можетъ. Христосъ вѣдь молился за Петра, чтобы не оскудѣла его вѣра, а молился—такъ, стало-быть, и вымолилъ. Выводъ изъ всего этого тотъ, что никакого другого папы, выбраннаго базельцами, краковскіе педеля не должны признавать.

Разсмотримъ теперь тѣ частичные или членные корпоративные союзы, которые входили въ организацію германскихъ университетовъ.

Дѣленіе на *націи* получило замѣтное развитіе только въ древнѣйшемъ пражскомъ и затѣмъ въ лейпцигскомъ университетѣ, куда послѣдовало массовое переселеніе учащихъ и учащихся изъ Праги въ 1409 г. Націи были положены въ основу обоихъ университетовъ: не только мѣста въ коллегіяхъ и разныя должности замѣщались путемъ выборовъ, производившихся націями,—самое голосованіе при постановленіи рѣшеній университета производилось по націямъ, а равно совѣтъ при ректорѣ составлялся изъ восьми членовъ – по два отъ каждой націи. Однако и въ названныхъ университетахъ значеніе націй болѣе и болѣе падало и впослѣдствіи стало ограничи-

ваться тѣмъ, что нація принималась въ расчетъ при зачисленіи въ нѣкоторыя бурсы, при выдачѣ пособія бѣднымъ или при устройствѣ похоронъ. Еще быстрѣе пало значеніе націй въ Вѣнѣ. Вначалѣ прокураторы—избранные представители націй—были важнѣйшими помощниками ректора и, вмѣстѣ съ ректоромъ и деканами факультетовъ, составляли «консисторію». По статутамъ 1385 г. за прокураторами признается еще право избирать ректора и другія правомочія, но на первый планъ выступаютъ уже деканы факультетовъ: постановленіе, что сами прокураторы должны принадлежать къ четыремъ различнымъ факультетамъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что націи отступаютъ на задній планъ предъ факультетами. Втеченіе XV в. націи въ томъ отношеніи утратили свой характеръ, что не возведенные въ ученыя степени школяры потеряли право голоса: съ тѣхъ поръ собранія націй стали лишь одною изъ формъ собранія докторовъ и магистровъ, какъ и факультеты, и кончилось тѣмъ, что собранія университета стали созываться единственно по факультетамъ. Изъ другихъ университетовъ, только еще во Франкфуртѣ, подъ вліяніемъ Лейпцига, откуда былъ первый ректоръ, существовали четыре націи (бранденбургцы, франки, силезцы и пруссаки), и нѣкоторыя должности были поставлены въ соотношеніе съ націями. Въ Гейдельбергѣ хотя и различались четыре націи, но на устройствѣ университета это различіе не отразилось, а въ эрфуртскихъ статутахъ даже принципіально было выражено, что «существуетъ единый только университетъ и единое недѣлимое тѣло, различающееся не по націямъ, а по факультетамъ». Въ Парижѣ и въ Болоньѣ націи распадались на «провинціи» или «королевства», чего въ Германіи не было, даже и въ Прагѣ, хотя фонды въ пользу коллегій и бурсъ получали тогда спеціальное назначеніе для уроженцевъ извѣстной мѣстности. Затѣмъ націи въ германскихъ университетахъ (т.-е. въ тѣхъ, гдѣ онѣ были) обнимали учащихся всѣхъ факультетовъ, не какъ въ Парижѣ, гдѣ только артисты расчленялись

по націямъ. Нація хотя и опредѣлялась мѣстомъ рожденія, но въ сущности представляла собою нѣчто условное: подъ четыре націи, унаслѣдованныя по традиціи изъ Парижа, подгонялись уроженцы всевозможныхъ странъ западной Европы, а въ одномъ университетѣ, послѣ открытія Америки, было даже предусмотрительно отведено въ одной изъ націй мѣсто для „индѣйцевъ“. Въ Вѣнѣ наприм. австрійская нація обнимала не только всѣ земли и владѣнія габсбургскаго дома, но и всѣхъ итальянцевъ: рейнская нація обнимала Южную Германію, Францію и Испанію: венгерская, кромѣ венгровъ,—славянъ Богеміи, Моравіи, Польши, Кроаціи, румынъ и грековъ, — саксонская, кромѣ саксонцевъ, англичанъ, шотландцевъ, ирландцевъ, датчанъ, шведовъ и норвежцевъ, пруссаковъ, померанцевъ и лифляндцевъ.

Чѣмъ меньше значили націи для устройства германскихъ университетовъ, тѣмъ большее значеніе должно было получить дѣленіе по *факультетамъ*, основанное на дѣленіи наукъ, преподающихся въ университетѣ. Обычнымъ было дѣленіе на четыре факультета, хотя можно наблюдать и нѣкоторое колебаніе. Наприм. изъ соображеній, высказанныхъ въ гейдельбергской учредительной грамотѣ, позволительно заключать, что учредителямъ представлялось возможнымъ обособленіе римскаго и каноническаго права по двумъ разнымъ факультетамъ, а эрфуртскіе статуты даже прямо говорятъ о канонистахъ и легистахъ, какъ о двухъ разныхъ факультетахъ. Нѣчто подобное было и въ отношеніи къ медицинскому факультету, въ которомъ различіе между медициной и хирургіей доходило иногда до раздробленія факультета надвое (какъ въ Тюбингенѣ), а иногда, напротивъ, медицина разсматривалась какъ одно изъ „искуствъ“, и слѣдовательно медики причислялись къ факультету артистовъ. Факультетъ „искуствъ“ обнималъ неограниченную область. Въ теоріи собственно продолжали держаться античныя „семь свободныхъ искусствъ“ (septem artes liberales), или иначе trivium (грамматика, риторика и діалектика)

и quadrivium (ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія); но эта теоретическая классификація не отражалась ни на учебномъ планѣ, ни на испытаніяхъ. Діалектика расширилась въ философію вообще и наполнила собою большую часть дѣятельности факультета. Однако, уже въ XV в., еще болѣе въ XVI и XVII вв. стали появляться отдѣльныя профессуры математики, греческаго, латинскаго и еврейскаго языковъ, исторіи, политической философіи и др. Тутъ наблюдается, по выраженію Кауфмана, поворотъ времени отъ единовластительства діалектики къ отдѣльнымъ отраслямъ и къ преобразованію факультета артистовъ въ философскій факультетъ позднѣйшаго времени. Во всякомъ случаѣ обособленіе естествовѣдѣнія и математики въ отдѣльный факультетъ оставалось еще въ то время совершенно неизвѣстнымъ. Относительный рангъ факультетовъ позаимствованъ былъ въ Германіи готовый —изъ Франціи: на первомъ мѣстѣ стоялъ теологическій, за нимъ слѣдовалъ юридическій (канонисты и легисты), дальше медицинскій, на послѣднемъ мѣстѣ артисты. Три первые факультета, какъ высшіе, противополагались послѣднему, какъ низшему. Низшій рангъ артистовъ не означалъ пренебреженія къ нимъ, а выражалъ лишь ту мысль, что artes, какъ и во Франціи и въ Италіи, суть преддверіе, чрезъ которое долженъ пройдти всякій, желающій спеціализироваться на одномъ изъ трехъ высшихъ факультетовъ, чѣмъ, однако, не исчерпывалось значеніе факультета „искусствъ“. И во Франціи, и въ германскихъ университетахъ господствовало воззрѣніе, что факультетъ этотъ представляетъ собою науку вообще, чистую науку, въ противоположность спеціальнымъ факультетамъ, посвященнымъ особымъ цѣлямъ и задачамъ. Философія прославлялась многими, какъ «путеводитель къ истинѣ», какъ нѣчто такое, что «не стремясь ни къ чему внѣшнему, довольствуется границами самой науки», а магистры искусствъ восхвалялись, какъ «безкорыстные служители, которыхъ не мысль о хлѣбѣ побуждала къ труду, а единственно жаръ истины» (ardor

veritatis). Въ этомъ поставляли свою гордость и сами артисты; безспорнымъ, однако, остается тотъ фактъ, замѣчаетъ Кауфманъ, что профессуры артистовъ наименѣе обезпечивались или даже совсѣмъ не обезпечивались жалованьемъ. «Dat Galenus opes et Justinianus honores... sed genus et species cogitur ire pedes» (Галенъ, т.-е. медицина, даетъ богатство, Юстиніанъ, т.-е. юриспруденція, даетъ почести или должности, а родъ и видъ, т.-е. логика, другими словами—артисты, вынуждены ходить пѣшкомъ), говорили въ средніе вѣка. Кто занимается логикой, тотъ въ потѣ лица снѣдаетъ хлѣбъ свой, говорилось въ одной студентской пѣснѣ; предъ юристомъ растворяются двери дворцовъ, а если бы самъ Гомеръ пришелъ въ сопровожденіи музъ, ему пришлось бы простоять у дверей, и т. п.

Факультеты, въ отношеніи къ университету, были, съ одной стороны, его членами и служили ему для выполненія его задачъ, а съ другой—были корпораціями съ самостоятельною задачей культивировать обособленную научную область и регулировать научныя занятія въ этой области. Они имѣли свои статуты, выбирали своихъ должностныхъ лицъ, производили испытанія, представляли канцлеру кандидатовъ на ученыя степени, регулировали допущеніе къ преподаванію лицъ, получившихъ ученыя степени въ другихъ университетахъ. Въ нѣкоторыхъ университетахъ даже прямо настаивалось на томъ, чтобы университетъ не вмѣшивался въ кругъ факультетскихъ дѣлъ и одинъ факультетъ въ дѣла другого. Когда въ Вѣнѣ въ 1390 г. между теологами и артистами, съ одной стороны, и юристами и медиками—съ другой, возникъ споръ по вопросу, отъ чьего имени долженъ быть адресованъ папѣ rotulus, т.-е. списокъ лицъ, рекомендуемыхъ папѣ какъ достойныхъ кандидатовъ на церковныя бенефиціи, во имя ли университета, или во имя отдѣльныхъ факультетовъ, споръ разрѣшенъ былъ третейскимъ судомъ въ пользу послѣдняго мнѣнія. Но бывало и иначе. Наприм., въ Роштокѣ, пока право призванія профессоровъ не перешло на герцоговъ мекленбург-

скихъ и на городской совѣтъ, теологи принимали участіе въ выборѣ профессоровъ на философскія каѳедры и, наоборотъ, три артиста участвовали въ выборѣ профессоровъ-медиковъ, и только на юридическія каѳедры выборъ производился одними юристами, безъ посторонняго участія. Во всякомъ случаѣ, внѣ сомнѣній оставалось, что университету принадлежитъ наблюденіе за факультетами: «если факультетъ нерадивъ, то университетъ долженъ позаботиться», говорится въ эрфуртскихъ статутахъ. Въ нѣкоторыхъ университетахъ было даже возведено въ принципъ, что постановленія факультетовъ необязательны, пока не утверждены университетомъ и государемъ территоріи. Утвержденіе университетомъ статутовъ факультетскихъ было общимъ правиломъ. Университетъ иногда оказывалъ поддержку факультету. Наприм., когда въ 1482 г. артисты въ Грейфсвальдѣ не могли притти къ соглашенію при выборѣ декана, онъ былъ выбранъ ректоромъ и сенатомъ, а въ слѣдующемъ году университетъ снова вмѣшался, чтобы заставить меньшинство признать декана, выбраннаго большинствомъ факультета. Въ томъ же году одинъ магистръ, котораго факультетъ артистовъ исключилъ изъ своей среды, апеллировалъ университету, и университетскій сенатъ произвелъ слѣдствіе, закончившееся подтвержденіемъ состоявшагося приговора. Но бывало и такъ, что факультетъ отказывался повиноваться постановленію университета, и, при отсутствіи твердо установленныхъ границъ между обще-университетскими и чисто-факультетскими дѣлами, столкновенія были нерѣдки, впрочемъ не доходя до анархіи.

Факультеты имѣли собственные статуты съ правомъ диспензаціи, т.-е. освобожденія отъ примѣненія ихъ въ отдѣльномъ случаѣ, собственную печать, собственную кассу. Факультеты управляли своимъ имуществомъ, облагали налогами, брали и давали въ заемъ капиталы, строили свои зданія и наблюдали за ними. Въ старинныхъ документахъ, относящихся къ исторіи роштокскаго университета, изслѣдователи не разъ встрѣчались съ выраже-

ніемъ: «фискъ факультета искуствъ» (fiscus facultatis artium). Случалось, что факультеты и коллегіи вели между собою процессы предъ ректоромъ и предъ апелляціонными инстанціями. Во главѣ факультета стоялъ деканъ, какъ и ректоръ, большею частью выбиравшійся на полгода членами факультета изъ своей среды но наприм.; у юристовъ въ Вѣнѣ до 1448 г. должность декана проходили послѣдовательно всѣ члены факультета по старшинству возраста, а въ Грейфсвальдѣ и Лейпцигѣ декреталистъ (т.-е. канонистъ, читавшій декреталы Григорія IX), съ титуломъ «ordinarius», постоянно занималъ деканскую должность. При оставленіи должности, деканъ, какъ и ректоръ, долженъ былъ дать отчетъ въ своемъ управленіи. Въ компетенцію декана входило: созывать членовъ факультета на собраніе, руководить совѣщаніями, приводить въ исполненіе состоявшіяся рѣшенія, представлять на университетскія собранія, составляющіяся подъ предсѣдательствомъ ректора, то, что должно было изъ факультета восходить туда на обсужденіе, хранить ключъ отъ факультетской кассы, а также факультетскую печать, и скрѣплять ею факультетскіе документы, посѣщать бурсы, руководить испытаніями и проч. Въ факультетѣ воспроизводился типъ ученаго цеха, членами въ которомъ состояли только мастера (доктора и магистры), а не подмастерья и тѣмъ менѣе школяры, которыхъ часто стали называть также студентами. Въ дѣйствительности провести эту идею можно было съ безусловною строгостью только на факультетѣ артистовъ, гдѣ магистровъ всегда было много, а на высшихъ факультетахъ, гдѣ число докторовъ не доходило иногда и до трехъ, нужда заставляла допускать лиценціатовъ и баккалавровъ въ собранія и избирать ихъ въ должности. И не смотря на то, что они имѣли уже большею частью ученую степень по факультету искуствъ, чувствовалось, что допущеніе этихъ лицъ въ факультетъ, въ качествѣ членовъ, есть нѣчто ненормальное. На факультетѣ артистовъ, напротивъ, и магистры не всѣ считались за полноправныхъ членовъ фа-

культета: магистръ, по полученіи степени (а степень можно было получить и очень юному ученому въ 20 или 21 годъ), долженъ былъ исполнить двухлѣтіе (biennium complere), т.-е втеченіе двухъ лѣтъ преподавать на факультетѣ; новые магистры (novelli magistri), не исполнившіе двухлѣтія, не считались полноправными членами факультета. Полноправные члены факультетовъ вообще, составляя изъ себя собраніе, подъ предсѣдательствомъ декана, представляли собою въ принципѣ высшую власть факультета. Но иногда этотъ принципъ выражался лишь въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, особенно при установленіи статутовъ, должны были созываться и подавать голоса всѣ члены факультета. Для управленія же въ многолюдныхъ университетахъ и на многолюдныхъ факультетахъ, образовался управляющій совѣтъ, по аналогіи съ университетскимъ сенатомъ. У богослововъ, положимъ, факультетскій совѣтъ составлялся изъ всѣхъ докторовъ-теологовъ, такъ какъ число ихъ вообще было невелико и къ испытанію на лиценцію допускались лишь лица, достигшія 30-лѣтняго возраста. Положимъ далѣе, что и медицинскій факультетъ имѣлъ обыкновенно не большое число преподающихъ докторовъ, такъ что оказывалось необходимымъ удерживать въ числѣ членовъ факультета всѣхъ, кто получилъ на немъ степень, хотя бы и не преподавалъ; даже деканомъ иногда бывалъ не преподаватель, но врачъ-практикъ, а въ Базелѣ самый факультетъ медицинскій былъ не корпораціей преподавателей, а ассоціаціей всѣхъ врачей, имѣвшихъ факультетскую степень и жившихъ въ Базелѣ. Но что касается юридическаго факультета, то въ нѣкоторыхъ университетахъ онъ выдѣлилъ изъ себя особый управляющій совѣтъ, или управляющую коллегію, сенатъ, причемъ граница между членомъ и не членомъ факультетскаго совѣта проводилась тѣмъ обстоятельствомъ, связана или не связана профессура съ жалованьемъ, отчасти также принадлежностью или непринадлежностью доктора къ монашескому ордену и еще болѣе фактомъ полученія уче-

ной степени въ своемъ или чужомъ университетѣ: промовированный въ чужомъ университетѣ долженъ былъ извѣстное время преподавать безъ зачисленія въ управляющую коллегію. Въ Лейпцигѣ даже и на богословскомъ и на медицинскомъ факультетахъ различаемы были доктора-члены совѣта отъ остальныхъ. Понятно, что на факультетѣ артистовъ, гдѣ всегда бывала масса самой зеленой молодежи и неопытныхъ магистровъ, еще болѣе основаній было къ выдѣленію изъ факультетскаго собранія управляющей коллегіи. Въ Вѣнѣ къ декану были приданы 4 совѣтника, вмѣстѣ съ которыми онъ разрѣшалъ текущія дѣла и безъ согласія которыхъ не могъ созывать факультетскаго собранія, а для разныхъ дѣлъ, кромѣ того, составлялись разныя комиссіи. Въ Лейпцигѣ, не считая того требованія, чтобы магистры два года, по полученіи степени, преподавали, требовалось еще, для зачисленія въ факультетскій совѣтъ, протеченіе извѣстнаго числа лѣтъ со времени полученія степени (сначала 3, а къ концу XV в. даже 8 лѣтъ), при чемъ и число членовъ было ограничиваемо (16—24). Въ Грейфсвальдѣ совѣтъ составлялся изъ 12-ти магистровъ, получившихъ степень не менѣе какъ за четыре года до вступленія въ совѣтъ. Вообще, примѣнительно къ тому, что раньше было сказано объ университетѣ, чѣмъ ближе къ новой исторіи, тѣмъ болѣе усиливается тенденція ограничить представительство факультета искуствъ извѣстнымъ числомъ сравнительно опытныхъ членовъ совѣта, причемъ не малую роль сталъ играть фактъ полученія жалованья тѣмъ или другимъ магистромъ, денежнаго или въ видѣ коллегіатуры (см. ниже о коллегіяхъ и бурсахъ въ Эрфуртѣ, Грейфсвальдѣ и Тюбингенѣ).

Кромѣ націй и факультетовъ, университетская организація включала въ себя еще болѣе мелкія корпораціи— *коллегіи* и *бурсы*, которыя были частію болѣе или менѣе зависимыми членами отдѣльныхъ факультетовъ, частію стояли рядомъ съ ними, какъ члены обще-университетской организаціи. Различаясь между собою по размѣ-

рамъ, богатству, задачамъ, по происхожденію и юридическому положенію, германскія коллегіи и бурсы, по выраженію историка, были не только важными органами и театрами академической жизни, но корпораціями съ самостоятельными задачами, интересами и правами, такъ что университетъ представлялъ собою сумму различныхъ корпорацій, различнымъ образомъ связывавшихся съ нимъ и между собою, впрочемъ, безъ этой анархіи, которою отмѣченъ строй парижскаго университета, и безъ того исчезновенія университета въ коллегіяхъ, которое наблюдается въ исторіи англійскихъ университетовъ.

Въ гейдельбергскій университетъ были вчленены орденскіе дома—цистерсинцевъ и доминиканцевъ, въ которыхъ получали образованіе члены орденовъ, посылавшіеся для этой цѣли изъ курфюршества баварскаго. Въ обѣихъ коллегіяхъ читались лекціи по богословскимъ и философскимъ дисциплинамъ и обѣ онѣ были не что иное, какъ монашескія общежитія или монастыри, получавшіе статуты отъ своего ордена, но вчлененные въ университетъ. Члены коллегій слушали лекціи, вѣроятно, только у своихъ орденскихъ преподавателей, но принимали участіе въ публичныхъ диспутаціяхъ и актахъ университета. Въ Кельнѣ подобныя же школы существовали въ монастыряхъ бенедиктинцевъ и четырехъ развѣтвленій нищенствующихъ орденовъ (доминиканцевъ, миноритовъ или францисканцевъ, августинцевъ, кармелитовъ), въ эти школы должны были посылаться способные монахи изъ всѣхъ монастырей провинціи. Штудирующіе въ такихъ школахъ оставались членами своего ордена, но въ то же время состояли членами университета, хотя и съ не маловажными ограниченіями и особенностями въ отношеніи правъ и обязанностей. Такъ члены четырехъ нищенствующихъ орденовъ въ Кельнѣ обыкновенно не имматрикулировались, а въ коллегіи профессорскія, какъ думаютъ, принимались только на теологическихъ факультетахъ, безъ права избранія въ ректоры. Лейпцигскіе теологи опредѣлили, что отъ каждой изъ вчлененныхъ въ

университетъ орденскихъ коллегій только одинъ членъ можетъ вступить въ теологическій факультетъ, въ качествѣ полноправнаго члена, съ равнымъ правомъ голоса, притомъ по избранію факультета. Кромѣ того, было условлено, что каждый изъ орденскихъ домовъ долженъ посылать, по крайней мѣрѣ, двухъ членовъ на лекціи профессоровъ изъ бѣлаго духовенства, читавшіяся въ большой коллегіи. Особыми затѣмъ правилами регулировались испытанія монаховъ, да еще съ различіемъ между нищенствующими и остальными. Факультетъ артистовъ вообще не допускалъ къ себѣ монаховъ: онъ могъ еще дать, по желанію, степень магистра, но чаще монахи довольствовались испытаніями въ своей орденской школѣ. Въ 1488 г. цистерсинцы просили дать мѣсто при публичныхъ актахъ между магистрами университета тѣмъ изъ монаховъ, которые, выдержавъ испытаніе въ своей школѣ, дѣйствовали въ ней въ качествѣ детерминаторовъ (см. ниже). Факультетъ согласился, но съ условіемъ, чтобы на испытанія въ орденскомъ домѣ приглашались деканъ и нѣкоторые изъ старѣйшихъ членовъ факультета артистовъ, чтобы вновь вступающіе въ отправленіе своихъ обязанностей детерминаторы приглашали цѣлый факультетъ на промоціонный обѣдъ и уплачивали извѣстныя пошлины, а сверхъ того, чтобы детерминаторы воздерживались отъ лекцій и практическихъ упражненій, ведущихъ къ полученію ученыхъ степеней, «дабы не было отсюда ущерба для магистровъ, промовируемыхъ факультетомъ, и чтобы они никогда не претендовали на мѣсто въ управляющемъ совѣтѣ факультета». Или напр. въ статутахъ базельскаго юридическаго факультета XV в. было прямо выражено, что doctor juris—членъ ордена—не можетъ быть принимаемъ въ управляющій совѣтъ факультета. Кратко сказать, орденскія школы были вчленены въ университетъ, но полноправными членами факультетовъ не считались.

Тѣснѣе была связь остальныхъ коллегій и бурсъ съ университетомъ; но детали были регулированы различно,

и самое устройство этихъ институтовъ было разное. Вообще говоря, нужно различать коллегіи, предназначенныя для магистровъ, и бурсы, предназначенныя для учащихся въ видахъ обученія и надзора; но въ дѣйствительности граница между тѣми и другими была неустойчива, такъ какъ и учащихъ, отъ учащихся трудно было разграничить. Вотъ почему названіе «коллегій» могло быть употребляемо какъ общій терминъ для обозначенія и общежитій учащихъ и общежитій учащихся. Коллегіи въ тѣсномъ смыслѣ были корпораціями магистровъ, совмѣстно жившихъ въ одномъ опредѣленномъ домѣ подъ дѣйствіемъ особыхъ статутовъ, во многихъ отношеніяхъ напоминавшихъ монастырскіе уставы, только безъ ихъ строгой принудительности. Обыкновенно предписывались общее хозяйство и общій столъ. Расходы покрывались частію изъ рентъ, отказанныхъ дому при самомъ его учрежденіи, или позднѣе бывшими его членами, частью изъ взносовъ платныхъ членовъ. Ренты отказывались или жертвовались частью въ пользу коллегіи вообще, частью какъ спеціальное обезпеченіе одной лишь коллегіатуры, т.-е. одного членскаго мѣста въ коллегіи. Обладатели коллегіатуръ обыкновенно отличаемы были отъ платныхъ жильцовъ и, по общему правилу, одни лишь они имѣли право на управленіе дѣлами коллегіи. Предоставленіе такой коллегіатуры было одною изъ формъ жалованья, такъ что означало вмѣстѣ и призваніе къ профессурѣ. Замѣщеніе освобождающихся коллегіатуръ частью принадлежало коллегіатамъ дома, частью факультетамъ и націямъ, частью самому государю, оставлявшему за собою это право, какъ резерватъ, или по крайней мѣрѣ связывалось съ согласіемъ всѣхъ этихъ властей. Такъ въ Гейдельбергѣ существовала коллегія артистовъ, учрежденная курфюрстомъ въ 1391 г. Живущіе въ этой коллегіи, артисты обязывались зато исполнять всѣ преподавательскія обязанности по чтенію лекцій и по участію въ диспутаціяхъ. Они могли, кромѣ того, посвящать свои силы изученію теологіи и, напротивъ,

должны были выходить изъ коллегіи, если бы у нихъ явилось желаніе штудировать медицину или юриспруденцію. Ихъ общая жизнь была регулирована статутами, которые даны были курфюрстомъ и безъ его согласія не могли быть измѣняемы. Каждый годъ выбирали они себѣ „препозита“, которому принадлежали надзоръ и управленіе имуществомъ. Припасы для кухни коллегіаты покупали по очереди, смѣняясь понедѣльно.

Въ Лейпцигѣ существовали большая и малая коллегіи. Статутами ихъ предписывалось, между прочимъ, чтобы ни одинъ коллегіатъ не выставлялъ въ чтеніяхъ или диспутаціяхъ такихъ тезисовъ, которые были бы неугодны большинству коллегіатовъ, такъ что коллегія имѣла и научную цензуру, по отношенію къ своимъ членамъ. Въ Вѣнѣ основанная герцогомъ коллегія (collegium ducale) была передана университету при самомъ его учрежденіи, какъ существенная часть дотаціи. Для помѣщенія коллегіи данъ былъ домъ съ доходами: коллегія предназначена для 14 профессоровъ (12 артистовъ и 2 теологовъ). Въ перспективѣ у этихъ коллегіатовъ, пользовавшихся даровымъ помѣщеніемъ и содержаніемъ, имѣлось полученіе каноникатa въ каѳедральномъ капитулѣ, такъ какъ восемь (изъ 24) каноникатовъ, инкорпоризованные въ университетъ, предназначались именно для членовъ этой коллегіи. Тотъ, кто получалъ освобождающійся каноникатъ, терялъ тѣмъ самымъ коллегіатуру, а освобождающаяся коллегіатура замѣщалась путемъ выборовъ, причемъ нужно было наблюдать, чтобы шесть изъ 12 артистовъ были по происхожденію изъ австрійскихъ наслѣдственныхъ земель. Восемь каноникатовъ каѳедральнаго капитула и четырнадцать коллегіатуръ герцогской коллегіи составляли основной фондъ дотаціи вѣнскаго университета. Въ нѣкоторыхъ университетахъ для коллегій были открыты пути вліять на ходъ университетскихъ дѣлъ, особенно по факультету артистовъ. Напримѣръ въ эрфуртскихъ статутахъ 1439 г. было опредѣлено, что всѣ восемь коллегіатовъ въ collegium universitatis должны

состоять въ числѣ членовъ управляющаго совѣта факультета; кромѣ нихъ, совѣтъ составлялся еще изъ шести коллегіатовъ другой коллегіи—Porta coeli—и изъ шести неколлегіатовъ: выборъ въ деканы и въ члены испытательной комиссіи исходилъ изъ этихъ группъ. Въ Грейфсвальдѣ было двѣ коллегіи для артистовъ — одна для шести, другая для четырехъ магистровъ, и всѣ эти коллегіаты входили въ составъ управляющаго совѣта факультета, а такъ какъ всего въ совѣтѣ было не болѣе 12 членовъ, то выходило, что въ совѣтѣ десять коллегіатовъ стояло противъ двухъ неколлегіатовъ. Поэтому въ актахъ факультета стоитъ иногда слово „collegiati“ тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать слова „consilium facultatis“, и наоборотъ. Грейфсвальдскія коллегіи служили вмѣстѣ и бурсами для учащихся, такъ какъ при нихъ были педагогіи или подготовительныя школы. То же самое въ Майнцѣ, гдѣ почти цѣлое устройство факультета артистовъ покоилось на расчлененіи двухъ коллегій: Schenkenberg и Algesheim. Деканъ избирался поперемѣнно изъ обѣихъ коллегій и долженъ былъ присягать въ томъ, что не будетъ предпочитать магистровъ и школяровъ своей коллегіи.

Собственно бурсы предназначались для учащихся. Онѣ назывались еще regentiae, contubernia; предназначавшіяся для совершенно бѣдныхъ назывались Coderien (отъ латинск. *quota*, франц. cote—доля платежа, падающая на отдѣльное лицо). Бурсы часто отмѣчались спеціальнымъ названіемъ по имени святого, которому они посвящались, или по имени учредителя, но бывало и такъ, что, подобно гостинницамъ, онѣ носили клички: „Zur Lilie“, „Zur Rose“, „Zum Adler“. Однѣ изъ бурсъ были институтами, существованіе которыхъ было обезпечено вкладами, другія основывались предпринимателями—магистрами и баккалаврами съ промышленною цѣлью извлеченія барыша. Взносы уплачивались понедѣльно и были различной высоты, такъ что каждый, по своимъ средствамъ, могъ выбирать то или другое общежитіе. Въ такъ называемыхъ кодеріяхъ платы не взималось. Университетскіе налоги

и штрафныя деньги часто раскладывались по бурсамъ. Розовая бурса (Rosenburse) въ Вѣнѣ была одною изъ наилучше устроенныхъ. Принимался только тотъ, кто настолько преуспѣлъ въ элементахъ (in puerilibus), что могъ посѣщать лекціи съ пользою для себя. Отъ школяровъ бурсы ожидалось, что черезъ три года они достигнутъ степени баккалавра искуствъ, а отъ баккалавровъ, что они черезъ два года сдѣлаются магистрами; сдѣлавшись магистрами, они еще два года могли оставаться въ бурсѣ, для того чтобы выполнить предписанную обязанность двухлѣтняго преподаванія (biennium complere), слушая въ то же время теологическія лекціи; мало того, имъ могло быть дозволено оставаться въ бурсѣ вплоть до пріобрѣтенія степени доктора теологіи. Надзоръ за занятіями и вообще руководительство бурсой принадлежали „провизору“, котораго выбирали и за которымъ имѣли наблюденіе особые „суперъ-интенденты“ и сами стипендіаты. Первыми суперъ-интендентами были: одинъ лиценціатъ искуствъ, одинъ горожанинъ и двое ученыхъ, изъ которыхъ только одинъ велъ преподавательское дѣло въ университетѣ. Они обязаны были сами себѣ при жизни назначать преемниковъ: ученые ученыхъ же, горожанинъ — горожанина. Стипендіаты должны были вставать въ пять часовъ утра, въ опредѣленные часы молиться, заниматься, обѣдать, при выборѣ лекцій того или другого преподавателя слушаться совѣта провизора, которому должны были представлять каждую $^1/_4$ года свидѣтельства преподавателей объ усердномъ посѣщеніи лекцій; въ самой же бурсѣ лекцій не читалось, но практическія упражненія велись. Принимать учениковъ и устраивать, слѣдовательно, бурсы въ бурсѣ было запрещено; но, въ видѣ исключенія, и это дозволялось, такъ что и въ данномъ отношеніи бурса сближалась съ коллегіей магистровъ. Статутъ «розовой бурсы» служилъ образцомъ для позднѣйшихъ бурсъ, число которыхъ въ Вѣнѣ доходило до 129. Большею частью это были частныя бурсы, устраивавшіяся или предпринимателями—магистромъ или баккалавромъ,

которые заключали контрактъ съ домовладѣльцемъ и испрашивали разрѣшеніе отъ декана факультета артистовъ и отъ ректора, или артелями самихъ школяровъ, нанимавшими домъ и получавшими отъ декана начальника въ лицѣ такъ называемаго «конвентора». Факультету или ректору принадлежали не только надзоръ за бурсами въ отношеніи къ прилежанію, поведенію и соблюденію статутовъ, но и опредѣленіе цѣны, уплачиваемой школярами, дозволеніе измѣненія цѣны и перемѣны помѣщенія, рѣшеніе споровъ о мебели, книгахъ и т. п. между лицами, смѣнявшими другъ друга въ управленіи бурсой. Въ Ингольштадтѣ (Collegium Georgianun) наблюдается другая форма бурсъ. Георгіевская коллегія была учреждена герцогомъ Георгомъ для помѣщенія и содержанія 11-ти учащихся и одного магистра для надзора за ними, подъ названіемъ регента (regens collegii). На одиннадцать свободныхъ мѣстъ одиннадцать городовъ герцогской территоріи должны были представлять по кандидату, могли учреждать и большее число коллегіатуръ, внося ежегодное обезпеченіе по крайней мѣрѣ въ 11 гульденовъ на каждое учреждаемое мѣсто. А управляющему магистру предоставлялось принимать и другихъ школяровъ съ понедѣльною уплатой взноса. Стипендіаты-жильцы, называвшіеся коллегіатами (какъ и въ коллегіяхъ магистровъ), не выбирали себѣ препозита или пріора, а подчинены были надзору и руководству регента, назначавшагося факультетомъ искуствъ изъ его членовъ, который былъ вмѣстѣ баккалавромъ теологіи. Руководство обнимало и жизнь, и ученье; часъ въ день долженъ былъ употребляться на диспутаціи. Подготовки отъ принимаемыхъ въ бурсу не требовалось, требовались лишь 16-ній возрастъ и умѣнье пѣть (!) Статуты коллегіи были изданы герцогомъ, который, однако, подчинивъ коллегію надзору факультета, далъ послѣднему полномочіе устанавливать болѣе детальные статуты и отставлять отъ должности нерадивыхъ регентовъ. Школярамъ-стипендіатамъ было предоставлено участіе въ управленіи: двое изъ нихъ,

вмѣстѣ съ регентомъ и другимъ, назначеннымъ отъ факультета артистовъ, магистромъ, должны были завѣдывать доходами и расходами коллегіи, а регентъ ежегодно долженъ былъ давать отчетъ ректору и деканамъ теологіи и искуствъ въ присутствіи коллегіатовъ. Коллегіаты слушали всѣ университетскія лекціи, не уплачивая положеннаго гонорара, такъ какъ пріемъ въ Georgianum считался доказательствомъ бѣдности. Подобные же институты учреждались во всѣхъ университетахъ; въ нѣкоторыхъ бывало лишь нѣсколько мѣстъ, въ другихъ сотня и больше, въ послѣднихъ и органовъ надзора было больше. Въ Тюбингенѣ всѣ школяры—артисты были соединены въ двѣ бурсы, изъ которыхъ позднѣе (въ 1534 г.) была образована одна, подъ названіемъ «Contubernium». При обѣихъ бурсахъ были педагогіи для начинающихъ. Во главѣ бурсы стоялъ ректоръ, который и былъ отвѣтственнымъ лицомъ за весь ходъ дѣлъ въ бурсѣ. Школяры (кромѣ начинающихъ) посѣщали университетскія лекціи, находясь подъ руководствомъ пяти конвенторовъ, которые, будучи помощниками ректора, вели съ ними всѣ практическія упражненія. Въ конвенторы назначались магистры искуствъ, штудирующіе на высшихъ факультетахъ, или уже пріобрѣтшіе степени на этихъ факультетахъ: двое въ теологіи, двое въ правахъ и одинъ въ медицинѣ Пять конвенторовъ выбирали еще себѣ шестого, для руководительства репетиціями баккалавровъ предъ магистерскимъ экзаменомъ, и наконецъ всѣ шестеро, совмѣстно съ четырьмя магистрами, имѣвшими коллегіатуры, выбирали магистра для наблюденія за педагогіей. Одинъ изъ конвенторовъ, въ качествѣ эконома, завѣдывалъ хозяйствомъ; другіе смѣнялись понедѣльно въ исполненіи извѣстныхъ общихъ обязанностей надзора, напр., будить въ пять часовъ. Должностныя лица за исполненіе ими обязанностей по бурсѣ имѣли даровое помѣщеніе и небольшіе доходы—все это было для нихъ подспорьемъ на пути къ достиженію желаемой ученой степени. Они входили въ составъ сената факультета искуствъ, даже если

еще и не закончили двухлѣтія и, вмѣстѣ съ четырьмя магистрами-коллегіатами, составляли зерно факультета артистовъ, такъ что, слѣдовательно, бурса играла роль въ ходѣ дѣлъ факультетскихъ вообще.

ГЛАВА IV.

Возведеніе въ ученыя степени.

Въ итальянскихъ университетахъ возведеніе въ ученыя степени не получило такого сложнаго развитія, какъ въ парижскомъ и позднѣе въ германскихъ университетахъ, хотя въ зачаткахъ и Болонья была уже знакома съ тѣмъ разнообразіемъ ученыхъ степеней, которое отчетливо выступило въ Парижѣ и въ Германіи Собственно говоря, единственною ученою степенью должна бы была быть степень доктора или магистра, т.-е. профессора, учителя, преподавателя, пріобрѣтающаго эту степень съ выполненіемъ тѣхъ условій, которыми обставлена лиценція, т-е. дозволеніе учить. Названіе «магистръ» мало-по-малу сдѣлалось достояніемъ профессоровъ-артистовъ, а названіе «докторъ» стало обычнымъ для профессоровъ трехъ высшихъ факультетовъ, хотя въ Германіи случалось (напр. въ Прагѣ), что магистрами назывались и тѣ, которые имѣли высшую ученую степень въ теологіи. Ни на факультетѣ артистовъ за магистерствомъ не слѣдовало докторство, какъ высшая степень, ни на остальныхъ факультетахъ докторству не предшествовало магистерство, какъ низшая степень и какъ предварительное условіе для полученія докторства. Магистръ искуствъ соотвѣтствовалъ доктору богословія, правъ или медицины. Въ средніе вѣка градація образовалась другая: прежде чѣмъ сдѣлаться докторомъ или магистромъ, нужно было пройдти чрезъ стадіи баккалаврства и лиценціатства. Уже въ Болоньѣ встрѣчаются названія «баккалавра» и «лиценціата», какъ техническіе термины для обозначенія извѣстныхъ категорій лицъ, стремящихся къ докторству или магистерству, хотя

и нельзя сказать, чтобы Болонья знала особыя ученыя степени баккалавра и лиценціата. Допущеніе къ преподаванію лица, нѣсколько лѣтъ штудировавшаго ту или другую отрасль наукъ, допущеніе именно преподавать въ качествѣ баккалавра, не условливалось въ Болоньѣ испытаніемъ, производимымъ профессорами, а зависѣло отъ распоряженія ректора, которое дѣлалось на основаніи простого заявленія о желаніи читать, причемъ уплачивалась извѣстная пошлина. Затѣмъ, такъ какъ, при испытаніи на степень доктора или магистра, и въ Болоньѣ уже различались двѣ стадіи—частное испытаніе и публичное— и такъ какъ до публичнаго, связаннаго съ немалыми расходами, доходилъ не всякій, то тутъ, конечно, можно усматривать различіе между докторомъ или магистромъ съ одной стороны, прошедшимъ обѣ стадіи, и между лиценціатомъ, прошедшимъ только одну. Савиньи дѣйствительно и утверждалъ, что, послѣ перваго испытанія, выдержавшій его становился въ Болоньѣ лиценціатомъ, послѣ второго докторомъ. Но противъ этого возражаютъ, что дозволеніе приступить къ публичному испытанію не означало дозволенія преподавать (licentia docendi), а это послѣднее именно и давалось вмѣстѣ съ докторскою или магистерскою степенью, такъ что тутъ не было мѣста для лиценціатства, какъ особой ученой степени въ смыслѣ парижскомъ или германскомъ. Вмѣстѣ съ лиценціей вручались и знаки докторскаго достоинства: книга, перстень, беретъ (четырехугольная шапочка).

Обратимся теперь къ Парижу.

Во-первыхъ, здѣсь развилось въ особую ученую степень баккалаврство. Даже и тѣ, которые оспариваютъ значеніе парижскаго баккалаврства, какъ особой ученой степени, согласны видѣть въ немъ особое «состояніе», особый классъ, средній между учащими и учащимися. Этимологія слова «баккалавръ» не установлена. На латинскомъ языкѣ оно писалось разно: baccalarius, baculariuss, bacellarius, bachilarius, bacchalarius, baccalaureus. Одни производятъ баккалавра отъ baculus (палка), объ-

ясняя это словопроизводство или такъ, что школяръ, выдержавшій баккалаврское испытаніе, могъ пригласить на пирушку своихъ пріятелей, въ особенности экзаминаторовъ, и вести ихъ до своей квартиры съ преднесеніемъ факультетскаго «скипетра» (baculus, virga, sceptrum), или такъ, что выдержавшему испытаніе давался жезлъ, какъ символъ учительскаго авторитета. Нѣкоторые производятъ баккалавра отъ вѣтки лавроваго дерева (bacca laurea), которою увѣнчивался выдержавшій испытаніе; но это словопроизводство явилось впервые у гуманистовъ, которые ввели и самый терминъ: baccalaureus. Ни то ни другое словопроизводство не выражаетъ идеи подчиненнаго или второстепеннаго ранга, которая несомнѣнно связывалась въ средніе вѣка съ латинскимъ: baccalarius и съ соотвѣтствующимъ французскимъ словомъ: bachelier. Баккаларіемъ въ средніе вѣка назывался вассалъ низшаго порядка, сидѣвшій на помѣщичьей или на церковной землѣ земледѣлецъ, каноникъ низшаго ранга въ церковномъ капитулѣ, подмастерье въ ремесленныхъ цехахъ, воинъ недостаточно богатый, чтобы повести съ собой на войну достаточное число вооруженныхъ людей. Савиньи нашелъ, что въ старинныхъ статутахъ города Рима журналъ городской кассы, въ противоположность главной книгѣ (liber), назывался bacchalarius. А французы своего bachelier прямо производятъ отъ bas chevalier: это былъ терминъ изъ французской феодальной военной организаціи, означавшій воина, шедшаго на войну на свой счетъ, но безъ свиты и скромно экипированнаго. Любопытно еще, что въ Пикардіи неженатая и незамужняя молодежь называлась bacheliers и bachelettes, очевидно потому, что не поднялась еще до состоянія семейныхъ людей, живущихъ своимъ домомъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что и съ академическимъ баккалавромъ связывалась мысль о чемъ-то низшемъ, второстепенномъ, или, точнѣе, мысль о немъ, какъ о преподавателѣ низшаго ранга, какъ о подмастерьѣ ученаго цеха.

Въ Парижѣ еще въ XII в., слѣдовательно до образованія университета, существовалъ обычай, по которому школяры, считавшіе себя достаточно подготовленными, дѣлали опыты чтенія лекцій и диспутированія подъ руководствомъ своихъ учителей. Въ началѣ XIII в. у парижскихъ артистовъ является уже форменный экзаменъ, который производился къ празднику Рождества Христова, и съ которымъ соединялось обязательство слѣдующимъ постомъ держать публичныя диспутаціи, «детерминировать», какъ тогда выражались, такъ какъ сущность дѣла состояла въ томъ, чтобы разрѣшить поставленный вопросъ или тезисъ разграниченіемъ и опредѣленіемъ понятій, въ немъ содержащихся. Подобныя же испытанія были введены и на другихъ факультетахъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что баккалаврскія испытанія артистовъ производились въ предѣлахъ націй, къ которымъ направлялись и жалобы въ случаѣ недовольства лицъ, подвергавшихся испытанію, оцѣнкою ихъ знаній со стороны экзаминаторовъ, тогда какъ у теологовъ, канонистовъ и медиковъ испытанія эти были факультетскимъ дѣломъ. Въ парижскихъ статутахъ баккалаврство было названо „первою дверью для достиженія прочихъ степеней". Предъ полученіемъ степени аспирантъ долженъ былъ принести присягу въ томъ, что будетъ повиноваться факультету и исполнять всѣ возлагаемыя на него факультетомъ обязанности, оказывать почтеніе и повиновеніе декану, коллегіи докторовъ или магистровъ и каждому изъ нихъ въ отдѣльности, не нарушать статутовъ, правъ, вольностей, постановленій, обычаевъ, ни прямо, ни косвенно, ни открыто, ни тайно, ни молчаливо, ни явственно, устроить обѣдъ своему патрону-доктору или магистру, подъ руководствомъ котораго онъ штудировалъ, и который ходатайствовалъ предъ факультетомъ или націей о допущеніи его къ испытанію. Самое торжество возведенія въ баккалавры ознаменовывалось обыкновенно рѣчью возведеннаго, которая должна была, во-первыхъ, показать его научную развитость и умѣнье владѣть словомъ, во-

вторыхъ, выразить его чувства. Такъ, на факультетѣ канонистовъ баккалавръ, во-первыхъ, держалъ т. н. propositum, представляя мотивированное разрѣшеніе одного или нѣсколькихъ каноническихъ вопросовъ, съ опроверженіемъ мнѣній противныхъ, во-вторыхъ, произносилъ слово (haranga) въ похвалу или въ честь права, заимствуя текстъ своей рѣчи изъ каноническихъ книгъ и превознося на всѣ манеры каноническое право, воспѣвая при этомъ гимнъ признательности факультету и заканчивая благодареніемъ Богу, Пресвятой Дѣвѣ, рекомендовавшему его патрону и докторамъ.

Баккалавры, не переставая учиться, могли и сами преподавать; университетъ даже разсчитывалъ на ихъ преподавательскій трудъ. На факультетѣ артистовъ, впрочемъ, ихъ преподавательская дѣятельность всегда держалась въ скромныхъ границахъ, потому что преподаваніе здѣсь всегда считалось существеннымъ дѣломъ самихъ магистровъ, которыхъ къ тому же всегда было много на этомъ факультетѣ. На медицинскомъ факультетѣ баккалавры могли читать школярамъ тѣ книги, которыя самими ими были прослушаны. У канонистовъ чтеніе декреталовъ, т.-е. сборниковъ папскаго законодательства, поручалось обыкновенно баккалаврамъ, тогда какъ „декретъ“ Граціана, считавшійся болѣе важнымъ, читали сами доктора, отчего и факультетъ назывался факультетомъ декретистовъ. Но особенно усиленною была дѣятельность баккалавровъ, какъ преподавателей, на богословскомъ факультетѣ. Такъ какъ доктора теологіи были обязаны читать только разъ въ двѣ или три недѣли, фактически большею частью и не читали чаще, предсѣдательствуя лишь на диспутаціяхъ и участвуя въ испытаніяхъ и въ торжественныхъ актахъ университета, то преподаваніе въ дѣйствительности велось баккалаврами. Смотря по тому, что и какъ поручалось имъ преподавать, и смотря по тому, какъ сами они двигались впередъ въ своихъ занятіяхъ, баккалавры распадались на нѣсколько категорій: 1) библейцы (biblici), которые

читали Библію, и притомъ или сподрядъ и въ обыкновенные дни и часы преподаванія (biblici ordinarii), или бѣгло и на выборъ одну книгу изъ Новаго, другую изъ Ветхаго Завѣта и внѣ обыкновенныхъ часовъ чтенія (cursores); 2) сентенціаріи (sententiarii), читавшіе т. н. «сентенціи» Петра Ломбарда—средневѣковой оффиціальный учебникъ догматическаго богословія, и 3) сформированные, вполнѣ образовавшіеся, готовые къ лиценціи баккалавры (baccalarii formati), главнымъ образомъ практиковавшіеся въ диспутахъ и проповѣдяхъ, въ виду предстоящаго испытанія на лиценцію; сентенціаріи изъ нищенствующихъ монаховъ могли быть прямо представляемы къ лиценціи. Разумѣется, не всѣ, получившіе баккалаврство, желали двигаться дальше на ученомъ поприщѣ: большинство, получивъ эту степень, оставляло университетъ для занятія должностей церковныхъ и государственныхъ. Диплома не выдавалось, но, по желанію, могло быть дано письменное удостовѣреніе въ полученіи баккалаврства отъ факультета, а артистамъ отъ націи. Тѣ же изъ баккалавровъ, которые имѣли честолюбивое желаніе получить высшую ученую степень, исполняли, втеченіе установленнаго числа лѣтъ, обязанности, возлагавшіяся на нихъ факультетомъ, штудируя въ то же время науку, и затѣмъ представлялись своимъ патрономъ къ испытанію на лиценцію, послѣ чего, собственно говоря, и должна бы была непосредственно пріобрѣтаться докторская или магистерская степень. Лиценція, по первоначальному ея смыслу, и должна была означать не что иное, какъ предоставленіе полнаго преподавательскаго или учительскаго, профессорскаго права. Право это давалось канцлеромъ—каѳедральнымъ или св. Женевьевы, какъ представителемъ папскаго авторитета, на основаніи предварительнаго испытанія, произведеннаго профессорами, такъ что непосредственнымъ результатомъ испытанія и условливаемой имъ лиценціи должно бы было явиться возведеніе въ докторство или магистерство. Канцлерская лиценція дѣйствительно и давалась въ

неограниченной формулѣ: «я (такой-то канцлеръ), въ силу полномочія апостольскаго, даю тебѣ дозволеніе читать, управлять, диспутировать, учить (по такому-то факультету) здѣсь и повсемѣстно» Но университетъ постарался ограничить этотъ принципіально-неограниченный смыслъ канцлерской лиценціи. Образовалось два акта: лиценція на основаніи предшествующаго испытанія и принятіе въ докторскую или магистерскую коллегію.

Для испытаній назначались опредѣленные сроки или періоды (на высшихъ факультетахъ черезъ два года); форма и процедура испытаній была разная У артистовъ испытанія производились четырьмя экзаминаторами, которыхъ назначалъ каѳедральный канцлеръ, по одному отъ каждой націи, а если лиценція испрашивалась отъ канцлера св. Женевьевы, имѣло мѣсто даже двойное испытаніе: первое производилось четырьмя экзаминаторами, назначенными канцлеромъ, по одному отъ націи, второе—четырьмя экзаминаторами, которыхъ назначали сами націи. На высшихъ факультетахъ испытанія производились въ присутствіи всѣхъ докторовъ, а прежде чѣмъ быть допущеннымъ къ испытанію, аспирантъ долженъ былъ вручить всѣмъ докторамъ записку, въ которой обозначалось, сколько времени онъ провелъ въ занятіяхъ и чѣмъ именно занимался. Доктора провѣряли правильность изложенныхъ въ запискѣ данныхъ, и, на основаніи какъ этихъ данныхъ, такъ и результатовъ экзамена, составляли списокъ кандидатовъ на лиценцію, въ строгой послѣдовательности ихъ сравнительнаго достоинства, отличій и заслугъ. Канцлеромъ затѣмъ назначался день, когда испытанные должны были явиться къ нему для полученія лиценціи, формула которой была приведена выше. Но полученіемъ лиценціи дѣло не заканчивалось. Во-первыхъ, факультетъ приводилъ лиценціата, какъ и баккалавра, къ присягѣ, которою присягающій обязывался во всемъ безпрекословно повиноваться факультету, и присяга эта имѣла въ сущности оппозиціонный характеръ относительно канцлера. Фа-

культетъ желалъ сказать этимъ, что хотя лиценцію даетъ канцлеръ, но лиценціатъ долженъ помнить, что онъ связанъ безусловнымъ повиновеніемъ коллегіи профессоровъ. Но этого мало. Долженъ былъ, во-вторыхъ, состояться торжественный пріемъ или вводъ лиценціата въ коллегію профессоровъ съ извѣстными обрядами. Докторъ долженъ былъ получить докторскую шляпу (bonnet), какъ символъ учительскаго достоинства, и это символическое дѣйствіе было обставлено большою торжественностью, въ которой главную роль игралъ диспутъ, совершавшійся даже не въ одинъ пріемъ. На высшихъ факультетахъ въ особенности развились цѣлыхъ три акта: одинъ вечеромъ, наканунѣ полученія шляпы (отсюда его названіе: vespéries), другой днемъ въ залѣ епископскаго дворца (отсюда его названіе: aulique), и третій, какъ пробный урокъ начинающаго преподавать доктора, имѣвшій, однако, тѣсную связь съ тѣмъ, что говорилось во дворцѣ, именно служившій нѣкоторымъ резюме (отсюда его названіе—resompte). Два первые акта носили еще особое названіе «начала» (inceptio, principium). За двѣ недѣли до вечерняго акта, лиценціатъ въ парадномъ одѣяніи долженъ былъ посѣтить докторовъ и баккалавровъ и вручить имъ четыре тезиса, изъ которыхъ два должны быть предметомъ диспута вечеромъ и два во дворцѣ Вечерній диспутъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ докторовъ и оканчивался рѣчью предсѣдателя въ похвалу докторанта. Диспутъ во дворцѣ велся докторантомъ уже въ шляпѣ, которую возлагалъ на него или канцлеръ, или предсѣдательствовавшій докторъ со словами: «начинай во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь». Какъ тотъ, такъ и другой диспутъ захватывалъ массу лицъ и имѣлъ такой видъ, что не только докторанту приходилось защищать выставленныя имъ положенія отъ нападеній присутствующихъ докторовъ и баккалавровъ, но и предоставлялось одинъ изъ поставленныхъ вопросовъ разрѣшить какому-нибудь баккалавру, и ученое оружіе потомъ направлялось на этого баккалавра.

При resompte тоже не обходилось безъ диспута между присутствующими баккалаврами, пока новый докторъ не разрѣшалъ окончательно спорнаго вопроса. Самое важное въ обрядахъ возведенія въ докторство было то, что полученіе докторской шляпы требовало большихъ расходовъ, хотя за самую лиценцію строго воспрещалось взимать что-либо какъ канцлеру, такъ и экзаминаторамъ, за исключеніемъ 4 су за траву или солому. Акты академическіе совершались въ храмахъ, полы которыхъ устилались въ лѣтнее время травой, въ зимнее—соломой, при чемъ трава и солома служили для сидѣнья присутствующей публикѣ. Не считая 4-фунтовой восковой свѣчи къ ближайшей факультетской мессѣ, не считая сравнительно невинныхъ издержекъ на угощеніе докторовъ виномъ и конфектами (эти издержки дѣлались еще до полученія лиценціи послѣ окончанія испытаній, когда баккалавръ получилъ увѣренность въ томъ, что лиценція будетъ ему дана), аспирантъ на докторскую или магистерскую степень долженъ былъ презентовать всѣмъ докторамъ или магистрамъ, а также и баккалаврамъ, педелямъ и друзьямъ своимъ разные подарки: сукна на платье, цѣнный мѣхъ, шляпы и. т. п., кромѣ того, устроить фестиваль для очень многочисленнаго собранія. Поэтому, наприм., на факультетѣ декретистовъ прямо требовалось, чтобы желающій получить докторскую степень присягнулъ въ томъ, что онъ имѣетъ годового дохода не менѣе 80 парижскихъ фунтовъ—отъ собственнаго ли имущества, или отъ церковной бенефиціи. Дѣло заходило такъ далеко, что папа Климентъ V на соборѣ вѣнскомъ 1311 г. (причисляемомъ на западѣ къ вселенскимъ) запретилъ истрачивать, по случаю полученія докторства или магистерства, больше 4.000 руб. на наши деньги. Немудрено, что для многихъ, получившихъ лиценцію, оказывалось невозможнымъ выдержать финансовую тяжесть того «начала», съ которымъ стало связываться полученіе докторской или магистерской степени. Такимъ-то образомъ группа лиценціатовъ и выдѣлилась, какъ особая университетская

или ученая степень, средняя между баккалаврствомъ и докторствомъ или магистерствомъ. Въ Оксфордѣ особаго класса лиценціатовъ не образовалось потому, что за лиценціей должно было обязательно, втеченіе годового срока, послѣдовать «начало», а вмѣстѣ съ «началомъ» пріобрѣтаться и высшая ученая степень, иначе самая лиценція теряла силу.

Три ученыя степени—баккалавра, лиценціата и доктора или магистра—перешли и въ германскіе университеты, хотя не только въ разныхъ университетахъ, но и въ одномъ и томъ же университетѣ на разныхъ факультетахъ значеніе баккалаврства и лиценціатства и порядокъ пріобрѣтенія всѣхъ вообще ученыхъ степеней были неодинаковы.

На *теологическомъ* факультетѣ школяръ (магистръ искуствъ, прослушавшій 5 или 6 лѣтъ теологическія лекціи) обращался къ преподавателю, котораго онъ слушалъ, или, какъ въ нѣкоторыхъ университетахъ, къ декану съ просьбою объявить его зрѣлымъ. Такое объявленіе дѣлалось въ созванномъ нарочито собраніи, послѣ чего заявившій долженъ былъ удалиться, а члены собранія, въ отсутствіе его, вступали въ обсужденіе вопроса о наличности условій, требуемыхъ для баккалаврства. Если возраженій не предъявлялось, школяра призывали въ собраніе, гдѣ онъ давалъ присягу повиноваться факультету и, согласно его предписаніямъ, два года посѣщать лекціи докторовъ и въ то же время самъ прочитывать по 80 лекцій о 80-ти главахъ Библіи, по указанію факультета, принимая притомъ же участіе въ другихъ актахъ факультета,—кромѣ того, не искать этой же самой степени въ другомъ университетѣ. Въ объясненіе послѣдняго пункта присяги нужно сказать, что, хотя ученыя степени одного университета должны были признаваться во всѣхъ другихъ, въ практикѣ вопросъ осложнялся тѣмъ, что во многихъ университетахъ порядокъ былъ завѣдомо разстроенъ, способныхъ профессоровъ не было или было недостаточно, и что въ та-

кихъ университетахъ скорѣе производилась торговля учеными степенями, чѣмъ возведеніе въ нихъ лицъ подготовленныхъ. Отсюда нѣкоторыя обременительныя условія, ставившіяся докторамъ и проч., переходившимъ въ одинъ университетъ изъ другого (наприм., не сразу принимали чужого доктора въ управляющій совѣтъ факультета, или наприм. въ Кельнѣ три чужихъ года считались за одинъ кельнскій) Но отсюда же, съ другой стороны, ревнивое опасеніе университета, какъ бы промовированный въ немъ не подорвалъ его чести и достоинства, унизившись до испрошенія той же самой ученой степени въ другомъ университетѣ, для упроченія своего въ немъ положенія, въ случаѣ перехода. Получившіе степень баккалавра въ теологіи различались приблизительно по тѣмъ же тремъ категоріямъ, какъ и въ Парижѣ (курсоры, сентенціаріи и сформированные); прошедшіе стажъ представлялись къ лиценціи. Въ Вѣнѣ, Ингольштадтѣ и Эрфуртѣ лиценція давалась на основаніи испытанія, произведеннаго факультетомъ, даже при участіи самаго канцлера въ испытаніи, причемъ, однако, оцѣнка принадлежала не канцлеру, а факультету. Въ другихъ университетахъ не производилось никакого испытанія, если кандидатъ на лиценцію былъ не моложе 30 л., втеченіе многихъ уже лѣтъ читалъ лекціи и мѣрялся силами съ докторами на диспутаціяхъ. Кандидатъ подавалъ прошеніе о лиценціи, и факультетъ, знавшій его не по экзамену только, рѣшалъ, можно ли его допустить. Если оказывалось, что можно, факультетъ просилъ канцлера дать лиценцію, или назначить срокъ для этого. Въ назначенный срокъ собирался цѣлый факультетъ — доктора, баккалавры и школяры. Канцлеръ самъ лично, или, по его порученію, одинъ изъ докторовъ держалъ рѣчь въ похвалу кандидату, рекомендуя его, послѣ чего кандидатъ давалъ присягу въ повиновеніи факультету и въ томъ, что не будетъ искать той же степени въ другомъ университетѣ, а по полученіи лиценціи будетъ извѣстное время заниматься препо-

даваніемъ; въ заключеніе же канцлеръ, или дѣйствующій по его порученію докторъ давалъ кандидату лиценцію, предоставлявшую ему возможность осуществленія всѣхъ правъ профессоровъ теологическаго факультета: читать, управлять, диспутировать и т. д. здѣсь и повсемѣстно.

Въ дѣйствительности, однако, какъ и въ Парижѣ, докторскія права могли быть вполнѣ осуществляемы только по пріобрѣтеніи знаковъ докторскаго достоинста, и это пріобрѣтеніе, какъ и въ Парижѣ, было обставлено извѣстными формальностями. Принципіальная подкладка различія между лиценціей и докторствомъ долженствовала состоять въ томъ, что лиценцію даетъ канцлеръ, а промоція въ докторство совершается докторомъ же, т.-е. факультетомъ въ лицѣ декана, чаще же всего въ лицѣ доктора-патрона, руководившаго занятіями аспиранта. Этотъ докторъ и назывался поэтому «промоторомъ» или даже «отцомъ». Подкладка эта существовала безъ всякаго сомнѣнія и въ Парижѣ, но въ Германіи она выступала болѣе явственно, хотя и здѣсь въ нѣкоторыхъ университетахъ принципъ не выдерживался и затемнялся такимъ образомъ, что канцлеромъ же совершалось и врученіе знаковъ докторскаго достоинства. Знаки, какъ и въ Парижѣ, вручались in aula, только обыкновенно не въ залѣ епископскаго дворца, а въ главной залѣ университета, чему предшествовалъ словесный турниръ наканунѣ вечеромъ (vesperiae), а на слѣдующій день послѣ возведенія въ докторское достоинство новый докторъ читалъ первую, уже въ собственномъ смыслѣ лекцію, въ концѣ которой все-таки снова возвращался къ вопросу, дебатировавшемуся на диспутѣ, разъясняя то, что осталось еще неразъясненнымъ, и кончалъ благодарностію всѣмъ, кто содѣйствовалъ ему въ изученіи науки.

У *юристовъ* не требовалось непремѣнно, чтобы желающій пріобрѣтать степени по юридическому факультету былъ магистромъ искуствъ, но само-собою предполагалось достаточное знаніе въ искуствахъ, такъ что въ дѣйствительности немалое число промовируемыхъ на

юридическихъ факультетахъ Германіи было изъ магистровъ in artibus. То, что требовалось непремѣнно и безусловно—это знаніе латинскаго языка и діалектики, безъ которыхъ невозможно было слѣдить за юридическими лекціями, строившимися по схоластическому методу. Въ Эрфуртѣ (а съ эртфуртскимъ порядкомъ въ существенномъ согласовались порядки и въ другихъ германскихъ университетахъ) школяръ, желавшій получить степень баккалавра, обращался съ просьбой о промоціи къ тому доктору, подъ руководствомъ котораго онъ занимался. Докторъ входилъ съ представленіемъ о немъ въ коллегію докторовъ, и если послѣдняя, обсудивъ наличность въ данномъ случаѣ условій, требующихся для баккалаврства (прослушаны ли требуемыя лекціи, законнорожденный ли кандидатъ и добрую ли репутацію имѣетъ онъ), находила промоцію возможною, докторъ-промоторъ указывалъ кандидату одинъ или два титула декреталовъ или юстиніановыхъ книгъ, которые кандидатъ долженъ былъ интерпретировать въ аудиторіи университета. Этотъ актъ носилъ характеръ не испытанія, а лекціи, на которой члены коллегіи докторовъ могли и не присутствовать. Но имъ докладывалось, какъ держалъ себя школяръ, и если молва была не неблагопріятная, то онъ допускался (пожалуй и на слѣдующій день) къ испытанію въ коллегіи, причемъ испытаніе производилось тѣмъ докторомъ, отъ котораго исходило представленіе, и еще однимъ или двумя докторами. За выдержаніемъ испытанія слѣдовала присяга—еще не менѣе года оставаться въ университетѣ какъ для слушанія, такъ и для чтенія лекцій, за присягой — уплата положенной пошлины, послѣ чего давалась искомая степень въ торжественномъ актѣ, при которомъ промоторъ сидѣлъ на высокой каѳедрѣ, а кандидатъ въ баккалавры на низкой. Актъ состоялъ въ томъ, что кандидатъ читалъ текстъ какого-нибудь закона и комментировалъ его, а комментарій служилъ поводомъ къ диспуту. Послѣ диспута опять присяга: кандидатъ долженъ былъ присягнуть, во-

первыхъ въ томъ, что не будетъ искать степени баккалавра въ какомъ-либо другомъ университетѣ, будетъ во всемъ содѣйствовать благу университета и факультета и повиноваться университету, во-вторыхъ въ томъ, что онъ университета не оставитъ, пока не доведетъ до конца лекцій по четвертой книгѣ декреталовъ, а при промоціи въ римскомъ правѣ—лекцій по институціямъ, или по другой книгѣ, указанной факультетомъ. Въ заключеніе промоторъ держалъ рѣчь въ похвалу виновника торжества и провозглашалъ его баккалавромъ, въ чемъ выдавалось форменное удостовѣреніе за печатью факультета, съ уплатой за то пошлины. Баккалаврь, слушавшій и читавшій лекціи установленное число лѣтъ, представлялся однимъ изъ докторовъ, или, какъ въ нѣкоторыхъ университетахъ требовалось, деканомъ къ лиценціи. Вообще цѣлый періодъ подготовки, отъ начала занятій по одному изъ обоихъ правъ (римскому или каноническому) былъ неодинаковъ въ разныхъ университетахъ: въ Эрфуртѣ 8 л., въ Вѣнѣ, Кельнѣ и Фрейбургѣ 7, въ Гейдельбергѣ 6, а позднѣе 5, въ Базелѣ и Тюбингенѣ 5, въ Лейпцигѣ сначала 6, потомъ 4. Въ большей части статутовъ этотъ подготовительный періодъ дѣлился для обѣихъ степеней поровну, т.-е. одна половина срока давалась школяру для подготовки къ баккалаврству, а другая баккалавру для подготовки къ лиценціи; но наприм. въ Гейдельбергѣ на подготовку къ баккалаврству полагалось четыре года изъ шести, а во Фрейбургѣ, напротивъ, два изъ семи. Тамъ, гдѣ докторъ представлялъ къ лиценціи, онъ долженъ былъ предварительно произвести испытаніе частнымъ образомъ (privatim), которое, однако, въ нѣкоторыхъ университетахъ превратилось въ форменное испытаніе, а въ Тюбингенѣ, гдѣ представленіе къ лиценціи должно было исходить отъ декана, послѣдній назначалъ испытательную коммиссію изъ трехъ членовъ.

Возведеніе въ доктоpы могло послѣдовать въ тотъ же день, въ который канцлеръ, на основаніи сужденій докторовъ, давалъ лиценцію.

Облеченіе въ докторское достоинство совершалось съ торжественностью: всѣ члены факультета, по приглашенію виновника торжества, шествовали въ порядкѣ рангов, а впереди ихъ ѣхали верхомъ педеля со «скипетромъ». Предъ промоціей, разумѣется, приносилась присяга съ извѣстнымъ намъ содержаніемъ, а за врученіемъ знаковъ докторскаго достоинства слѣдовали рѣчь, диспутъ, благодарность доктору - промотору и проч.

На *медицинскомъ* факультетѣ, для подготовки къ баккалаврству, требовались отъ школяра, если онъ былъ «магистромъ искуствъ», то двухлѣтнія, то болѣе продолжительныя занятія, а если школяры не были магистрами или лиценціатами in artibus,—годомъ больше. А наприм. въ Тюбингенѣ пріобрѣтеніе баккалаврства не считалось необходимымъ, такъ что дозволялось все время занятій вплоть до лиценціи пройдти безъ промежуточныхъ ступеней. Для подготовки же баккалавровъ къ лиценціи ни въ одномъ университетѣ не было установлено опредѣленнаго срока. Такъ какъ требовалось прослушаніе всего цикла средневѣковыхъ учебниковъ по медицинѣ, то въ дѣйствительности время колебалось отъ 4 до 6 лѣтъ. На медицинскомъ факультетѣ право и соотвѣтственная обязанность баккалавровъ читать лекціи выступали болѣе сильно, чѣмъ у юристовъ, почти съ такою же силою, какъ у теологовъ. Въ Лейпцигѣ еще и не достигшіе баккалаврства школяры сопровождали докторовъ на практику; въ другихъ университетахъ это требованіе существовало только для баккалавровъ, подготовляющихся къ лиценціи. По полученіи лиценціи, лиценціатъ могъ практиковать; но все еще обязывался, втеченіе года, сопровождать опытныхъ докторовъ на практику. Степени медиковъ были вмѣстѣ свидѣтельствами на право лѣченія больныхъ,—отсюда опасеніе, чтобы баккалавръ не увлекся и не возмнилъ, что его степень заключаетъ уже въ себѣ право на самостоятельную практику; отсюда же требованіе вѣнскихъ статутовъ, чтобы никакому баккалавру не давалась лиценція раньше 26 л. возраста, да и то лишь предполагая,

что у него не женоподобный видъ (non nimis muliebris in facie), въ противномъ случаѣ не раньше 28 л. Но если для своихъ собственныхъ членовъ университетъ ограничивалъ практику, то тѣмъ непріязненнѣе онъ долженъ былъ относиться къ лицамъ, не принадлежащимъ къ медицинскому факультету. Наприм. въ Вѣнѣ строжайшимъ образомъ, подъ страхомъ разныхъ наказаній до отлученія отъ церкви включительно, воспрещалась врачебная практика лицамъ, не принадлежащимъ къ медицинскому факультету. Пришлые высылались изъ города; мѣстные жители заключались въ тюрьму; у аптекарей закрывались аптеки; монахамъ и монахинямъ, занимавшимся недозволенною врачебною практикой (Kurpfuscherei), отказывалось, при ихъ заболѣваніяхъ, во врачебной помощи факультетскихъ докторовъ.—Формальнаго экзамена на степень баккалавра въ нѣкоторыхъ университетахъ не требовалось, а въ другихъ, напротивъ, требовались даже два испытанія: частное и публичное или строгое (rigorosum). Представленіе къ баккалаврству исходило отъ доктора; самый актъ провозглашенія баккалавромъ обставленъ былъ такими же приблизительно подробностями, какъ на другихъ факультетахъ. Представленіе баккалавра къ лиценціи также исходило отъ доктора, къ которому кандидатъ на лиценцію долженъ былъ обратиться съ просьбой о промоціи. Послѣ полученія отъ канцлера лиценціи, облеченіе знаками докторскаго достоинства совершалось при такой же обстановкѣ, какъ и на другихъ факультетахъ; торжество заканчивалось обѣдомъ въ квартирѣ новаго доктора. Въ Ингольштадтѣ существовала оригинальная процедура, смутная и сбивчивая съ принципіальной точки зрѣнія различія между лиценціей и возведеніемъ въ докторство. Испытаніе на лиценцію могло тутъ растянуться на нѣсколько дней. Во-первыхъ, аспирантъ испытывался въ назначенномъ для того мѣстѣ присутствующими докторами; затѣмъ отдѣльные доктора могли приглашать его въ свою квартиру и дома у себя испытывать его по своему усмотрѣнію; послѣ этого фа-

культетъ рѣшалъ, слѣдуетъ ли войдти съ представленіемъ къ канцлеру о допущеніи аспиранта къ публичному экзамену. Канцлеръ давалъ полномочіе факультету произвести публичное испытаніе; по окончаніи испытанія, деканъ собиралъ голоса и самъ, или черезъ педеля, объявлялъ испытуемому о благопріятномъ исходѣ испытанія. Педель, съ своей стороны, сообщалъ объ этомъ результатѣ внѣ стоявшей и теперь съ шумомъ врывающейся въ залу толпѣ школяровъ, въ присутствіи которыхъ докторантъ благодарилъ краткою рѣчью доктора «отца» и предлагалъ всѣмъ присутствующимъ вино и конфекты. Послѣ этой пріятной паузы, факультетъ удалялся къ вице-канцлеру, къ которому деканъ обращался съ просьбой назначить день для возведенія въ докторство. Въ назначенный день, послѣ приведенія виновника торжества къ присягѣ, отправлялись къ канцлеру, который къ этому моменту находился въ одной изъ комнатъ университетскаго помѣщенія, и къ которому докторантъ обращался съ краткою рѣчью, прося его о лиценціи, послѣ чего вице-канцлеръ всходилъ на каѳедру, снова заставлялъ кандидата принести установленную присягу и давалъ лиценцію. Тогда доктора удалялись, вмѣстѣ съ новымъ лиценціатомъ, въ другую комнату, облачали его въ оффиціальный костюмъ и возвращались въ ту комнату, гдѣ раньше были, цугомъ, во главѣ котораго шествовали «отецъ» съ докторантомъ. «Отецъ» всходилъ на каѳедру, а докторантъ оставался у двери и просилъ почтить его докторскими знаками. Послѣ полученія просимаго, новый докторъ давалъ третью присягу и начиналъ свою докторскую преподавательскую дѣятельность краткою лекціей и постановкой тезиса или вопроса, который, по возможности, быстро разрѣшался однимъ изъ баккалавровъ. Торжество заканчивалось благодарностью присутствующимъ, отправленіемъ въ церковь Пресвятой Дѣвы и оттуда на докторскій обѣдъ.

У *артистовъ*, въ виду того, что промоціи у нихъ бывали очень часты (на высшихъ факультетахъ, особенно

у медиковъ, иногда втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ не было производства въ ученыя степени) были установлены сроки для испытаній: два срока въ годъ для испытаній на степень баккалавра и одинъ срокъ для испытанія на лиценцію. Кромѣ того, важная разница отъ другихъ факультетовъ состояла въ томъ, что лиценція у артистовъ не такъ рѣзко разграничивалась отъ магистерства. На высшихъ факультетахъ многіе, получивъ лиценцію, такъ и оставались лиценціатами навсегда, или по крайней мѣрѣ надолго, главнымъ образомъ потому, что имъ были не подъ силу тѣ издержки, съ которыми сопряжены были докторскія промоціи. Этотъ фактъ принимался въ расчетъ, такъ что лиценціатамъ, какъ людямъ, въ сущности имѣвшимъ одинаковый ученый цензъ съ докторами, предоставлялись иногда права докторовъ въ дѣлахъ факультетскаго управленія. У артистовъ издержки были не такъ значительны при промоціи въ магистры, зато и права магистровъ въ дѣлахъ факультетскихъ давались лиценціатамъ не такъ легко. Замѣчено, что во многихъ книгахъ деканатовъ т.-е. въ тѣхъ книгахъ, которыя велись деканами факультета артистовъ, о лиценціи ничего не говорится, а говорится только о возведеніи въ баккалавры и магистры. Въ Лейпцигѣ испытуемый даже долженъ былъ присягнуть въ томъ, что, если ему дана будетъ лиценція, онъ втеченіе года пріобрѣтетъ степень магистра, а въ Гейдельбергѣ, уже при полученіи лиценціи, должна была уплачиваться та пошлина, которая положена была за промоцію въ магистры, и тутъ же заявлялось имя того магистра, отъ котораго аспирантъ желалъ получить магистерство. Принципіально все-таки и на этомъ факультетѣ разграниченіе между лиценціей и магистерствомъ дѣлалось: лиценцію давалъ канцлеръ, баккалаврство и магистерство факультетъ. Промовируемый въ магистры долженъ былъ имѣть по крайней мѣрѣ 21 годъ, а въ баккалавры 17 лѣтъ. Предшествующее баккалаврству время занятія должно было продолжаться $1^1/_2$—3 года. Требованія при

испытаніяхъ на баккалавра были очень невысоки: нѣкоторая твердость въ элементахъ грамматики, извѣстный навыкъ въ латинской обиходной рѣчи, не претендующій на правильность выраженій, и извѣстное знакомство съ формулами и пріемами логики. Что касается въ особенности латинской обыденной рѣчи, быстрый навыкъ къ ней обезпечивался строжайшимъ воспрещеніемъ, подъ страхомъ штрафа, разговаривать въ бурсахъ на какомъ нибудь другомъ языкѣ, кромѣ латинскаго.

Въ лейпцигскомъ статутѣ, который былъ прямо направленъ на то, чтобы, при помощи болѣе строгихъ предписаній, устранить слабость, господствовавшую при испытаніяхъ и позорившую университетъ, прописано, что никто не можетъ быть признанъ выдержавшимъ испытаніе на степень баккалавра или магистра, если онъ оказался не въ состояніи грамматически расчленить предложеніе, указать существительныя имена и глаголы и удовлетворительно отвѣтить на вопросы изъ склоненій и спряженій, изъ ученія о согласованіи словъ и т. п. И скромный уровень знаній, и юный возрастъ многихъ баккалавровъ дѣлали невозможнымъ хотя бы приблизительное соотвѣтствіе между степенью баккалавра на факультетѣ артистовъ и тою же степенью на другихъ факультетахъ. Но и у артистовъ баккалаврская степень все-таки давала нѣкоторыя права: и чтеніе лекцій могло имъ поручаться, и въ диспутаціяхъ они играли немаловажную роль, а диспутаціи составляли, такъ сказать, существенную сторону жизни средневѣковыхъ университетовъ вообще; баккалавры могли имѣть готовое содержаніе въ бурсахъ въ качествѣ помощниковъ магистровъ, или даже въ качествѣ завѣдующихъ бурсами; они могли наконецъ съ своимъ баккалаврскимъ титуломъ уходить изъ университета въ гражданскую жизнь на гражданскую службу, на канцелярскія и учительскія должности. Во многихъ университетахъ было постановлено, что только $^1/_4$ имматрикулированныхъ школяровъ воз-

водится въ баккалавры и $^1/_4$ баккалавровъ въ магистры, а въ нѣкоторыхъ университетахъ случалось иногда, что изъ всего количества баккалавровъ только $^1/_6$, даже $^1/_{10}$ промовировалась въ магистры, такъ что $^3/_4$ или $^5/_6$, даже $^9/_{10}$ баккалавровъ довольствовались этою степенью и уходили въ общегражданскую жизнь, причемъ титулъ баккалавра служилъ рекомендаціей для многихъ должностей. Баккалавръство у артистовъ давалось на основаніи испытанія, послѣ чего аспирантъ допускался къ т. н. «детерминированію», т.-е. къ разрѣшенію поставленнаго (на диспутѣ) вопроса разграниченіемъ и опредѣленіемъ понятій, а за детерминированіемъ слѣдовала промоція. Промоторъ — одинъ изъ магистровъ, большею частью по выбору самого аспиранта, но напр. въ Виттенбергѣ непремѣнно магистръ, принадлежащій къ факультетскому сенату и притомъ старѣйшій по возрасту. Получившіе баккалаврскую степень обязывались посѣщать опредѣленныя лекціи и практическія упражненія наравнѣ со школярами, но и сами читали лекціи о начальныхъ основаніяхъ грамматики, риторики и логики. Не мало издавалось протекціонныхъ постановленій въ пользу магистровъ противъ конкурренціи баккалавровъ и запретительныхъ противъ погони за наживой. Старые баккалавры, не имѣвшіе средствъ или мужества пріобрѣсти степень магистра и въ тоже время не желавшіе оставить университетъ, составляли, по выраженію Кауфмана, зерно того ученаго пролетаріата, которымъ болѣли средневѣковые университеты. Но обязательство баккалавровъ держать диспутаціи и участвовать въ диспутаціяхъ строго поддерживалось. Можно сказать даже, что весь ходъ учебныхъ занятій на факультетѣ артистовъ былъ разсчитанъ на это участіе; безъ нихъ, если бы и не остановилась совсѣмъ машина, магистры во всякомъ случаѣ были бы чрезвычайно затруднены; поэтому-то на баккалавровъ всѣхъ факультетовъ и возлагалось обязательство еще оставаться въ университетѣ годъ или два. Передъ полученіемъ лиценціи и возведеніемъ въ

степень магистра производилось изслѣдованіе о законнорожденности, безупречности поведенія, о выполненіи предписанныхъ требованій касательно лекцій, диспутацій и т. д. Все это подкрѣплялось присягой, а затѣмъ еще новая присяга подчиниться безпрекословно сужденію экзаминаторовъ и не мстить имъ. Экзаминаторы назначаемы были факультетомъ и тоже давали присягу производить испытаніе честно, недостойнаго не пропускать и условнаго сужденія не произносить. Обыкновенно различалось частное или предварительное испытаніе и публичное. Въ публичномъ испытаніи, которое могло продолжаться до 14 дней, принималъ въ нѣкоторыхъ университетахъ участіе канцлеръ или его представитель, въ качествѣ главы испытательной коммиссіи, или же только въ качествѣ наблюдателя за ходомъ испытанія. Лиценцію давалъ канцлеръ, послѣ чего новый лиценціатъ устраивалъ т. н. «обѣдъ Аристотеля» (prandium Aristotelis), на которомъ предсѣдательствовалъ деканъ, и къ которому приглашались по возможности всѣ члены факультета съ учеными степенями. О возведеніи въ магистерство лиценціатъ обращался съ просьбою къ декану. Церемонія возведенія въ магистры должна была состояться втеченіе года со времени полученія лиценціи, а если время затягивалось, то лиценціатамъ слѣдующаго года уже предоставлялся высшій рангъ. Отъ возводимаго въ магистры отбиралась обычная присяга—не искать магистерской степени въ другомъ университетѣ и проч. Самый актъ возведенія въ магистры совершался по аналогіи съ промоціями на высшихъ факультетахъ. Новый магистръ (magister novellus) обязывался втеченіе двухъ лѣтъ исполнять преподавательскія обязанности на факультетѣ.

Такимъ образомъ высшая ученая степень на всѣхъ факультетахъ, собственно говоря, не предварялась и не условливалась испытаніемъ; испытаніе предшествовало лиценціи, и разъ лиценція получена, никакихъ испытаній послѣ нея уже не было. Если оставить въ сторонѣ разные аксессуары (рѣчи, диспутаціи, много разъ повто-

ряемую присягу), сущность акта возведенія въ докторство или магистерство состояла къ облеченіи кандидата знаками докторскаго или магистерскаго достоинства Баккалаврство и лиценція давались безъ всякихъ символовъ, на основаніи болѣе или менѣе тщательныхъ испытаній. Напротивъ дарованіе докторства и магистерства выражалось въ рядѣ символическихъ дѣйствій, и этотъ символизмъ въ германскихъ университетахъ представляется болѣе развитымъ и сложнымъ, чѣмъ въ Болоньѣ и Парижѣ. Повидимому, повсемѣстно практиковались: возложеніе на голову промовируемаго шляпы (беретъ), какъ знакъ свободы и достоинства, врученіе ему книги въ двухъ видахъ—открытой и закрытой, какъ символъ занятій и размышленія, цѣлованіе новаго доктора или магистра докторомъ—промоторомъ, какъ выраженіе товарищеской солидарности, надѣваніе перстня на руку, вѣроятно какъ символъ обрученія съ наукой (промовируемымъ монахамъ перстень не надѣвался). Встрѣчаются, кромѣ того еще, передача каѳедры, благословеніе (benedictio magistralis), облаченіе въ докторскую мантію (cappa doctoralis, особенно на медицинскомъ факультетѣ)

Промоціи составляли праздникъ для университета и важный источникъ дохода для него. Пошлины за степень на факультетѣ артистовъ были невелики; но, благодаря большому числу промоцій, факультетъ извлекалъ изъ этого источника значительныя суммы. На высшихъ факультетахъ промоціи бывали не часты даже и въ большихъ университетахъ докторскія промоціи случались разъ-два въ годъ; но пошлины были высоки, и понятно, почему университетъ желалъ, чтобы его питомцы не только не искали той же степени въ другомъ университетѣ (это значило бы подорвать честь университета, такъ какъ непризнаніе степени означало бы непризнаніе самого университета, давшаго степень), но и вообще не искали ученыхъ степеней въ другихъ университетахъ. Къ пошлинамъ присоединялись разные обязательные подарки, и главнымъ образомъ на высшихъ факульте-

тахъ: пара перчатокъ, беретъ, монета и нѣсколько аршинъ сукна всѣмъ присутствующимъ при промоціи докторамъ и магистрамъ. Во Франкфуртѣ доктора разныхъ факультетовъ заключали между собою форменные договоры, въ силу которыхъ напр. докторамъ медицины обезпечивалось право на подарки при промоціяхъ юристовъ и теологовъ и наоборотъ. Этимъ путемъ каждый факультетъ обезпечивалъ себѣ участіе другихъ факультетовъ въ его промоціяхъ. Промоція была, конечно, факультетскимъ дѣломъ; но факультетъ желалъ выразить видимымъ и наглядным образомъ, что онъ осуществляетъ свое право промоціи, именно какъ членъ университета, на основаніи привилегій, дарованныхъ университету, такъ что привлеченіе другихъ факультетовъ къ участію въ факультетскомъ торжествѣ казалось не только выраженіемъ вѣжливости, но и засвидѣтельствованіемъ общности интереса. Поэтому случалось, что и ректоръ, какъ глава университета, участвовалъ въ факультетской промоціи, и присяга докторовъ и магистровъ приносилась отчасти предъ лицомъ ректора. Сумма расходовъ на промоціи увеличивалась затѣмъ угощеніемъ экзаминаторовъ, при производствѣ испытанія, и канцлера. Экзаминаторамъ каждый день, пока продолжаются испытанія, для подкрѣпленія силъ должны были доставляться сыръ, хлѣбъ и 2—3 фляги вина; самому испытуемому, однако, строго воспрещалось приносить съ собою въ испытательную комнату что либо съѣстное или вино, подъ страхомъ недопущенія къ экзамену. Канцлеру или его представителю, послѣ промоціонныхъ торжествъ, испытуемые преподносили мѣру мальвазіи и фунтъ конфектъ (mensuram vini Malvaseti cum libra de zuckaro confecti). Правда, гейдельбергскій канцлеръ, каѳедральный пробстъ, заявилъ въ 1489 г. претензію на болѣе существенные доходы; но университетъ отразилъ эту претензію ссылкой на статуты, въ которыхъ было ясно выражено, что экзаминаторамъ, при производствѣ испытаній, ничего не полагается, кромѣ сыра, хлѣба и вина, а

канцлеру при промоціи ничего, кромѣ мальвазіи и фунта конфектъ. Самую серьезную статью расхода составлялъ докторскій обѣдъ. Въ Лейпцигѣ, въ началѣ XVI в., разсчитывалось что докторъ правъ при промоціи долженъ издержать 250 дукатовъ. У артистовъ обычай давать подарки участвующимъ въ промоціи магистрамъ не укоренился, но «аристотелевскій обѣдъ» былъ нѣчто неизбѣжное, и онъ имѣлъ особое, такъ сказать, принципіальное значеніе. Это не была докторская закуска въ вульгарномъ смыслѣ слова,—это былъ чуть не оффиціальный фестивалъ подъ предсѣдательствомъ декана; факультетъ, окончивъ экзаминаціонную работу, длившуюся нѣсколько дней, принималъ у себя ректора и докторовъ высшихъ факультетовъ въ качествѣ гостей, конечно насчетъ виновника торжества. Но и этого мало. Школяры вѣдь тоже чувствовали себя членами факультета и университета Не получивъ приглашенія на «prandium Aristotelis», они тѣмъ не менѣе желали въ немъ участвовать, и участіе ихъ проявлялось въ томъ, что они нападали на служителей, несшихъ кушанья и напитки къ столу, или отъ стола въ квартиры гг. магистровъ и докторовъ, по распоряженію этихъ послѣднихъ, старались вырвать изъ рукъ служителей соблазнительныя для ихъ тощихъ желудковъ блюда и фляги, даже мѣшали гостямъ идти на пиръ, или безцеремонно вталкивали ихъ въ то помѣщеніе, гдѣ должно было состояться пиршество. Съ обычаемъ этимъ настолько ознакомились, что наприм. въ Лейпцигѣ, аккуратно за день до «аристотелевскаго обѣда“, отъ имени ректора вывѣшивался приказъ школярамъ сидѣть смирно въ своихъ бурсахъ и помѣщеніяхъ, гостямъ и служителямъ не мѣшать и кушаньевъ не отнимать.

Выше было замѣчено, что значительные размѣры издержекъ были главною причиною, почему не всякій баккалавръ, даже и способный и желавшій дальше двигаться въ штудированіи наукъ, доходилъ до лиценціи, и еще менѣе всякій лиценціатъ могъ добиться полученія док-

торскихъ или магистерскихъ знаковъ. Было замѣчено также, что университетомъ принимался этотъ фактъ въ расчетъ. Не было тайною для университета, что среди баккалавровъ и лиценціатовъ было не мало такихъ, которые своими научными силами превосходили счастливцевъ, добившихся высшей ученой степени. Отсюда объясняется допущеніе лиценціатовъ не только къ преподаванію, но и въ члены управляющаго совѣта или сената факультета и къ избранію въ ректоры. Напротивъ, университеты очень неблагосклонно относились къ тѣмъ лицамъ, которыя получали ученыя степени внѣ университетскаго порядка. Дѣло въ томъ, что и папа, и императоръ,—послѣдній иногда и самъ лично, какъ это было съ Фридрихомъ III, обыкновенно же черезъ пфальцграфовъ (comites palatini),—возводили въ высшія ученыя степени, помимо обычной университетской процедуры. Такихъ докторовъ называли «печатными» (doctores bullati), такъ какъ они получали отъ папы или отъ императора грамоты за печатью (bulla), подобно тому, какъ въ Оксфордѣ называли «восковыми» (doctores cereati) тѣхъ докторовъ изъ ордена нищенствующихъ монаховъ, для которыхъ полученіе степени было обставлено болѣе легкими условіями, сравнительно съ обыкновенными. Университеты или отказывали «печатнымъ» докторамъ въ признаніи, или связывали признаніе ихъ съ разными условіями, во всякомъ случаѣ не равняли ихъ со своими докторами. Да и сами папы соглашались, что равнять тѣхъ и другихъ нельзя. Такъ въ буллѣ Сикста IV отъ 1474 г. было сказано: «тамъ, гдѣ требуется качество доктора, недостаточно, если кто креированъ докторомъ въ силу папской буллы или черезъ пфальцграфа, а нужно, чтобы академическое достоинство было дано отъ университета».

ГЛАВА. V.

Преподаваніе и вообще учебное дѣло въ средневѣковыхъ университетахъ.

Учебныя занятія въ средневѣковыхъ университетахъ разсчитывались на цѣлый учебный годъ, и только къ концу XV в. въ германскихъ университетахъ явилось различіе полугодій или семестровъ. Хотя и во всѣхъ вообще университетахъ обычно было различать большой ординарный учебный періодъ (magnus ordinarius — съ октября или, какъ въ Парижѣ на трехъ высшихъ факультетахъ, съ половины сентября до пасхальныхъ вакацій) и малый ординарный учебный періодъ (ordinarius parvus — отъ пасхальныхъ вакацій, обыкновенно, до конца іюня, съ немалыми, однако, разностями въ разныхъ университетахъ и на разныхъ факультетахъ); но эти періоды не были семестрами въ позднѣйшемъ смыслѣ, такъ какъ учебный планъ составлялся на цѣлый учебный годъ, и тотъ, кто велъ учебное дѣло втеченіе нѣсколькихъ лишь мѣсяцевъ, причислялся къ «управляющимъ» (actu regentes или legentes) за цѣлый годъ.

Учебныя занятія состояли въ чтеніи (и слушаніи) лекцій и въ практическихъ упражненіяхъ.

Лекціи различались ординарныя и экстраординарныя, смотря по тому, какія книги, когда и какъ читались, а различіемъ лекцій въ свою очередь условливалось различіе профессоровъ или преподавателей — ординарныхъ и экстраординарныхъ. Въ средніе вѣка не знали выраженій, употребительныхъ въ настоящее время: преподавать или слушать *курсъ* такой-то *науки*, напр. философіи, римскаго права и т. д. Въ средніе вѣка говорили, что такой-то читаетъ или слушаетъ такую-то *книгу*. Но однѣ книги считались болѣе важными и безусловно обязательными для учащагося, другія менѣе важными и не столь обязательными; напр. у легистовъ ординарными книгами считалась та часть дигестовъ,

которая называлась старыми дигестами (digestum vetus— отъ I книги до 2-го титула XXIV кн.), и кодексъ, у канонистовъ декретъ Граціана и декреталы Григорія IX. Для ординарныхъ лекцій часы назначались утренніе, дообѣденные, какъ болѣе удобные и разсчитанные на болѣе свѣжія силы воспринимающихъ слушателей, и притомъ только въ дни собственно учебные, а экстраординарныя лекціи читались въ послѣобѣденные часы и не только въ учебные дни, а и въ дни праздничные и каникулярные, за исключеніемъ немногихъ большихъ праздниковъ. Затѣмъ, во время ординарныхъ лекцій, слушатели не могли прерывать лектора вопросами, а при экстраординарныхъ это было возможно; мало того, на вопросъ учащагося, вмѣсто лектора, могъ отвѣчать другой учащійся, или же, какъ въ германскихъ университетахъ, экстраординарныя лекціи могли читаться бѣгло, не съ такими подробными объясненіями, какъ ординарныя. Наконецъ, при чтеніи экстраординарныхъ книгъ, лекторъ могъ отступать отъ строгаго соблюденія правилъ о костюмѣ, напр. въ отношеніи цвѣта платья и т. п. Чтеніе экстраординарныхъ книгъ могло быть только экстраординарнымъ, и читавшій ихъ могъ быть только экстраординарнымъ профессоромъ; но ординарный профессоръ, имѣвшій право читать ординарныя книги, могъ читать ихъ и экстраординарно, т.-е. въ послѣобѣденные часы и т. д., или читать экстраординарныя книги. Само собою разумѣлось, что баккалавры могутъ читать только экстраординарно; они не могли конкуррировать съ докторами и лиценціатами ни въ отношеніи предмета, ни въ отношеніи часовъ чтенія. Другое дѣло, если самъ факультетъ прямо обязывалъ баккалавровъ (наприм. богослововъ) читать ординарно. Лиценціаты съ докторами и тѣмъ болѣе доктора съ докторами конкуррировать могли. Все это стояло въ связи съ отсутствіемъ въ средніе вѣка спеціализаціи профессуръ по отдѣльнымъ научнымъ дисциплинамъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Что касается внѣшней стороны процесса чтенія, то на диктантъ университетскіе статуты вообще смотрѣли неблагопріятно.

Въ Парижѣ, въ виду того, что магистры искуствъ стали передавать читаемый текстъ одному изъ слушателей съ тѣмъ, чтобы онъ диктовалъ его своимъ товарищамъ, ограничивая свое участіе въ лекціи единственно своимъ присутствіемъ, факультетъ запретилъ диктовку и обязалъ подъ присягой говорить свободною рѣчью, какъ говорятъ проповѣдники, угрожая за нарушеніе статута и присяги лишеніемъ права преподаванія на годъ, въ случаѣ рецидива на два года, за четвертое нарушеніе на четыре года. На факультетѣ декретистовъ равнымъ образомъ запрещено было преподавать «со свѣчей или для пера и трости» (cum candela, nec ad pennam, sive ad calamum), т.-е. такъ, чтобы перо или другое орудіе для письма въ рукахъ слушателя могли слѣдовать за читающимъ. Статутами запрещалось даже преподавателю повторять чтеніе текста, за исключеніемъ пассажей трудныхъ и важныхъ, да и въ этихъ исключительныхъ случаяхъ повтореніе допускалось не болѣе двухъ разъ. Отъ школяровъ требовалось, чтобы они являлись къ слушанію лекцій съ книгами, собственными ли, или взятыми на прокатъ у книгопродавцевъ. Это дѣлалось для того, чтобы заставить каждаго слушателя непосредственно знакомиться съ текстомъ. До изобрѣтенія книгопечатанія профессіональные писцы зарабатывали хорошія деньги, списывая учебныя книги по заказу. А такъ какъ дороговизна книгъ возвышалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что писчимъ матеріаломъ обыкновенно служилъ пергаменъ, усовершенствованные же способы производства бумаги изъ льняного тряпья среднимъ вѣкамъ были неизвѣстны, то нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что всей массѣ учащихся трудно было запастись нужными книгами, а преподавателямъ обойдтись безъ диктовки. Поэтому напр. парижскіе артисты, продолжая аккуратно присягать въ соблюденіи статута, воспрещающаго диктовку, столь же аккуратно нарушали его, такъ что въ XV в. найдено было нужнымъ разрѣшить ихъ отъ присяги, ежедневно нарушаемой. Что касается экстраординарныхъ лекцій, то диктовка ихъ, повидимому, и запрещенію ни-

когда не подвергалась. Въ германскихъ университетахъ также требовалось, чтобы слушатель держалъ предъ глазами текстъ читаемой книги; нѣкоторые статуты доходили до такой мелочности, что напр. дозволяли смотрѣть въ одну и ту же книгу, во время лекціи, не болѣе какъ тремъ слушателямъ. Для тѣхъ, кто по бѣдности не могъ имѣть книгъ и нуждался въ диктованіи, могли отводиться для диктанта особые часы; но на лекціяхъ преподаватель могъ прочитать мѣсто лишь для корректуры текста (такъ какъ въ ходившихъ по рукамъ рукописныхъ книгахъ было не мало ошибокъ) и для записанія относящейся къ этому мѣсту глоссы. За пропускъ лекцій или за поздній приходъ на лекціи взимался штрафъ и съ преподавателей, и съ слушателей. Въ германскихъ университетахъ принимались и разныя другія мѣры къ тому, чтобы заставлять школяровъ и баккалавровъ ходить на лекціи. Такъ, по тюбингенскимъ статутамъ 1477 г. школяры, при явкѣ на экзаменъ, должны были заявлять сколько лекцій и упражненій пропущено ими и по какимъ причинамъ. Въ Ингольштадтѣ къ денежному штрафу присоединялась угроза недопущенія къ экзамену и исключенія изъ бурсы всякаго, кто безъ уважительныхъ причинъ двѣ недѣли не посѣщалъ лекцій. Въ Лейпцигѣ каждый магистръ обязывался вести списокъ своихъ слушателей (въ которомъ, между прочимъ, была графа о провинностяхъ—puncta defectuum), а за самимъ магистромъ наблюдали еще особые визитаторы, дважды въ недѣлю посѣщавшіе лекціи и упражненія, прочитывавшіе списокъ магистра и заставлявшіе помѣчать тѣхъ, кто не оказался налицо. Болонскіе статуты отличаются замѣчательною мелочностью въ регулированіи надзора за тѣмъ, чтобы сами преподаватели правильно и равномѣрно подвигались впередъ въ своихъ чтеніяхъ. По статутамъ 1347 г., книги, служившія предметомъ чтеній, были раздѣлены на части (puncta), и для каждой изъ частей указывалось опредѣленное число чтеній (отъ 12 до 14 дней), въ которое преподаватель непремѣнно

долженъ былъ покончить данную часть При началѣ каждаго учебнаго года, всякій профессоръ долженъ былъ внести залогъ въ 25 болонскихъ фунтовъ, изъ котораго покрывались штрафы за неокончаніе отдѣла въ предписанное время. А за пропускъ чего-либо при чтеніи закона, декретала, раздѣла глоссы, полагался особый штрафъ. Такъ какъ, однако, лекціи, по содержанію своему, состояли именно въ чтеніи какого-нибудь основного текста ординарной или экстраординарной книги (теологи читали Библію, юристы — сборники каноническаго и римскаго права, медики—Авицену, Гиппократа и Галена, артисты—Аристотеля, Порфирія и др.), то лекторы не съ особенною быстротою могли подвигаться впередъ, тѣмъ болѣе что чтеніе предварялось нѣкоторымъ вступленіемъ, гдѣ путемъ схоластическихъ дѣленій и подраздѣленій указывалось читаемому тексту его мѣсто въ системѣ, а къ чтенію присоединялась глосса, т.-е. объясненіе съ опроверженіемъ противныхъ мнѣній. Во всякомъ случаѣ преподавателямъ трудно было дать такой общій обзоръ предмета, который желателенъ былъ для учащихся. Вотъ почему профессорами стали во множествѣ составляться такъ называемыя «суммы» (summae), въ которыхъ главныя мѣста или главныя части основныхъ текстовъ излагались сжато въ извѣстномъ порядкѣ. Вызванныя несомнѣнною потребностью, эти суммы скоро сдѣлались язвой средневѣковаго университетскаго преподаванія: ими заслонены были прямые и непосредственные источники, т.-е. вмѣсто того чтобы черпать изъ первоисточника, стали читать и комментировать «сумму». Такою, напр., «суммой» сдѣлались для богослововъ «сентенціи» Петра Ломбарда и т. д. Благодаря этому, схоластическая наука, уже и сама по себѣ располагавшая къ праздной игрѣ ума, окончательно потеряла для себя всякую почву.

Регламентація преподаванія, особенно на факультетѣ артистовъ, проявлялась и еще въ одномъ отношеніи. Въ нѣкоторыхъ университетахъ преподаватели обязывались держаться номиналистическаго направленія, въ другихъ ре-

алистическаго Различіе этихъ двухъ направленій сводится, собственно говоря, еще къ греческимъ философамъ; но въ средніе вѣка оно получило характеръ вражды столь же непримиримой, какъ вражда между ортодоксіей и ересью. Существуютъ ли въ дѣйствительности общія понятія или категоріи (universalia), или они суть только отвлеченныя имена (nomina), объ этомъ препирались еще Петръ Абеляръ съ Вильгельмомъ де-Шампо. Однако, къ концу среднихъ вѣковъ вражда потеряла свой острый характеръ. Напримѣръ въ Гейдельбергѣ, послѣ того какъ, втеченіе первыхъ 70-ти лѣтъ, реализмъ подвергался остракизму, были допущены, благодаря вмѣшательству курфюрста, оба направленія. Въ Базелѣ то же самое случилось, благодаря вмѣшательству города. Въ Фрейбургѣ и Ингольштадтѣ равнымъ образомъ получили удовлетвореніе оба направленія; въ Ингольштадтѣ существовали даже нѣкоторое время особые факультеты—номиналистическій и реалистическій—съ особыми деканами.

Еще въ Италіи сложился тотъ порядокъ, въ силу котораго каждый преподаватель читалъ по возможности всѣ, или по крайней мѣрѣ всѣ ординарныя книги, благодаря чему школяръ слушалъ большею частью одного и того же учителя, заимствуясь отъ него всѣми факультетскими знаніями. Этотъ порядокъ сталъ рушиться, послѣ того какъ вошло въ обычай приглашать спеціалистовъ для опредѣленныхъ отраслей, и притомъ съ жалованьемъ. Но еще и въ германскихъ университетахъ традиція держалась. Многія мѣста въ статутахъ и актахъ германскихъ университетовъ, говоритъ Кауфманъ, производятъ такое впечатлѣніе, что каждый школяръ предполагается имѣющимъ одного какого-либо учителя (magister suus), который долженъ былъ пополнять пробѣлы въ недостаточной подготовкѣ своего ученика и объяснять то, чего онъ не уразумѣлъ на лекціи, причемъ, однако, школярамъ не возбранялось слушать или нѣсколькихъ преподавателей разомъ, или одного за другимъ. Въ нѣкоторыхъ статутахъ даже прямо опредѣлялось,

съ цѣлью охраненія свободы выбора школяромъ своего руководителя, что принадлежность школяра къ данной бурсѣ не мѣшаетъ ему слушать того учителя и въ той бурсѣ, которые предпочитаются имъ. Во всякомъ случаѣ и въ позднѣйшихъ германскихъ университетахъ, особенно на факультетѣ артистовъ, не было такихъ преподавателей, которымъ бы разъ навсегда поручались опредѣленныя спеціальныя лекціи. Въ магистрѣ искуствъ выступало на первый планъ его право на чтеніе, а не обязанность читать; способнымъ же онъ признавался учить по всѣмъ вѣтвямъ и отраслямъ «свободныхъ искуствъ», начиная съ грамматики и риторики и кончая астрономіей, музыкой и метафизикой. Что магистры искуствъ не довольствовались сознаніемъ своего права на чтенія, а дѣйствительно читали, для этого существовали практическіе стимулы, и довольно серьезнаго свойства: доходность преподавательской профессіи, виды на полученіе коллегіатуры, необходимость выполнить двухлѣтіе, чтобы стать твердою ногою въ факультетѣ. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ университетахъ оказывалось даже необходимымъ установить очередь чтеній по жребію, или по возрасту, или для всѣхъ книгъ, или для нѣкоторыхъ только. Вѣнскими статутами воспрещалось баккалаврамъ искуствъ читать книги Аристотеля безъ особаго дозволенія со стороны факультета, а въ нѣкоторыхъ университетахъ даже и молодымъ магистрамъ это воспрещалось. Въ Лейпцигѣ упражненія по метафизикѣ, считавшіяся особенно важными и выгодными, возлагались на магистровъ по старшинству возраста, съ устраненіемъ всѣхъ тѣхъ, кому не прошло еще четырехъ лѣтъ со времени пріобрѣтенія магистерской степени. На высшихъ факультетахъ германскихъ университетовъ, особенно у юристовъ, нѣкоторыя главныя чтенія съ самаго начала возлагались на опредѣленныхъ, получающихъ жалованье, профессоровъ. Факультетомъ иногда производился раздѣлъ лекцій между нѣсколькими преподавателями. Профессоры каноническаго права раньше другихъ были обезпечены жалованьемъ,

съ пріуроченіемъ чтеній къ опредѣленнымъ профессорамъ; но лекціи римскаго права долгое время поручаемы были факультетомъ докторамъ, лиценціатамъ и баккалаврамъ, которые должны были читать то, чего потребуетъ отъ нихъ факультетъ. Поэтому-то напр. въ Лейпцигѣ баккалавръ, при самомъ пріобрѣтеніи баккалаврства, долженъ былъ принять на себя обязательство по крайней мѣрѣ годъ оставаться въ университетѣ, а получавшій лиценцію—оставаться три года, съ тѣмъ чтобы читать по указанію факультета. У теологовъ, какъ выше замѣчалось, большая часть лекцій, необходимыхъ для испытаній, читалась баккалаврами.

Аудиторій, предназначенныхъ для всѣхъ слушателей извѣстной книги по извѣстному факультету, долгое время не существовало. Каждый учитель читалъ извѣстному числу своихъ учениковъ, подготовляя ихъ къ испытанію. Болонскіе профессора устраивали школьныя помѣщенія въ своихъ домахъ, если это были болонскіе граждане, или въ нанимаемыхъ залахъ, если это были пришельцы, и только въ XIV в. стали устраиваться городами общественныя зданія для аудиторій. Въ Парижѣ школьныя помѣщенія нанимались, и такъ какъ преподавателей была масса, то неудивительно, что цѣлая часть города Парижа до послѣдняго времени сохранила за собою названіе «l'Université». Въ XIII в. каждый магистръ прямо отъ себя и на свой счетъ нанималъ домъ или залу, перелагая, разумѣется, свои затраты на своихъ учениковъ. Такъ какъ приливъ учащихъ и учащихся поднялъ цѣны на наемныя помѣщенія до размѣровъ чрезвычайныхъ, то частью папой, частью королемъ устанавливалась для домовладѣльцевъ опредѣленная такса. Выше упоминалось, какія мѣры принимаемы были противъ домовладѣльцевъ, не подчиняющихся таксѣ. Но оказывалось, что сами магистры могли вступать въ стачку съ домовладѣльцами, заключая съ ними фиктивныя сдѣлки, благодаря которымъ домовладѣльцы избавлялись отъ непріятной необходимости сдавать свои помѣщенія въ невыгодный

наемъ членамъ университета, или же снимали разомъ нѣсколько помѣщеній, съ тѣмъ, чтобы сдавать ихъ въ поднаемъ за болѣе высокія цѣны съ выгодою для себя. Факультетъ артистовъ обращался и къ университету, и къ папѣ за помощію противъ этого злоупотребленія. Университетскимъ статутомъ дѣйствительно и запрещено было нанимать удобную для чтеній залу кому-либо другому, кромѣ лица, дѣйствительно читающаго, и одному магистру нанимать нѣсколько залъ. Но все было напрасно, пока націи не рѣшились взять на себя наемъ школьныхъ помѣщеній, устранивъ магистровъ. Затѣмъ коллегіи и бурсы, какъ скоро онѣ явились, стали служить не только для помѣщенія и содержанія учащихъ и учащихся, но и для чтенія лекцій. То же самое нужно сказать объ университетахъ англійскихъ и германскихъ. Въ послѣднихъ, къ концу среднихъ вѣковъ, стали появляться и университетскія въ собственномъ смыслѣ аудиторіи.

Послѣ того даже, какъ въ разныхъ университетахъ стало назначаться жалованье профессорамъ отъ городовъ, отъ князей, деньгами или въ видѣ церковныхъ бенефицій и коллегіатуръ, масса преподавателей все-таки и въ этихъ университетахъ читала безъ жалованья, и слѣдовательно должна была существовать единственно на гонораръ, получаемый съ слушателей, или, какъ тогда выражались, «кормъ» (pastus). А пока жалованья совсѣмъ не было, гонораръ натурально былъ единственнымъ для всѣхъ преподавателей вознагражденіемъ за чтеніе. Изъ исторіи итальянскихъ университетовъ извѣстны любопытные факты, представляющіе итальянскихъ профессоровъ не въ очень благопріятномъ свѣтѣ. Установленной нормы гонорара не было, такъ что каждый разъ между любымъ преподавателемъ и его слушателями заключаемъ былъ контрактъ, причемъ или выговаривалась круглая сумма, за которую всѣ слушатели отвѣтствовали солидарно, или цифра гонорара опредѣляема была для каждаго отдѣльнаго слушателя. Савиньи предполагаетъ, что размѣры гонорара были немалы, такъ какъ многіе профессора

наживали большое состояніе. Въ виду того, что жалованье возникло, вѣроятно, изъ гонорара (выше упоминалось, что учащіеся, вступивъ въ соглашеніе съ профессоромъ относительно суммы вознагражденія, стали обращаться къ городу съ просьбой о выдачѣ этой суммы преподавателю), Савиньи же опять находитъ возможнымъ предполагать, что лекціи, оплачиваемыя жалованьемъ отъ города, по крайней мѣрѣ въ раннія времена, не подлежали одновременной оплатѣ гонораромъ. Относительно же позднѣйшаго времени извѣстно, что нѣкоторые юристы считали несовмѣстнымъ полученіе жалованья съ гонораромъ, но университетскими статутами не воспрещалось такое совмѣщеніе, хотя, съ другой стороны, и не предписывалось. О томъ, что доходъ докторовъ съ слушателей былъ далеко не всегда безупречнымъ, свидѣтельствуютъ сами свѣтила болонской школы. Одофредъ закончилъ однажды свои чтенія по дигестамъ слѣдующимъ обращеніемъ къ своимъ слушателямъ: «въ будущемъ году я предполагаю читать только ординарныя лекціи, экстраординарныхъ же читать не думаю, потому что школяры — неисправные плательщики, знать желаютъ всѣ, а платить не хочетъ никто». Не будемъ останавливаться здѣсь на точкѣ зрѣнія почтеннаго болонскаго юриста, чисто пріобрѣтательской, а не профессорской: ординарныя лекціи онъ не колеблется читать, потому что знаніе ординарныхъ книгъ обязательно, и чтенія по этимъ книгамъ будутъ волей-неволей слушать и оплачивать всѣ, кому предстоитъ испытаніе, но за лекціи необязательныя онъ не надѣется получить что-либо. Важно не это, а то, что дальше говоритъ Одофредъ: онъ хвалится тѣмъ, что по крайней мѣрѣ не розыскиваетъ школяровъ по ихъ квартирамъ, съ тѣмъ, чтобы завербовать ихъ къ себѣ въ слушатели, и неодобрительно отзывается о своихъ коллегахъ, которые позволяли себѣ подобную вербовку черезъ трактирщиковъ, торговцевъ и... черезъ meretrices. Извѣстно далѣе, что профессора не брезговали вступать въ такого рода сдѣлки съ школярами: давали имъ задатки,

чтобы задаткамп обязать ихъ къ слушанію у себя лекцій; задатки соединялись съ ростовщическими процентами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязывали школяра уплачивать гонораръ въ высшемъ размѣрѣ сравнительно съ обыкновеннымъ. Профессора тутъ очевидно пользовались стѣсненными обстоятельствами школяровъ, которые въ тѣ времена, при трудности даже и для состоятельныхъ изъ нихъ получать деньги аккуратно съ далекой родины, ставились въ необходимость кредитоваться у постороннихъ подъ залоги, или же согласиться на сдѣлку, предлагаемую профессоромъ. Сынъ и наслѣдникъ знаменитаго Аккурсія, Францискъ Аккурсій, преемствовавшій отцу въ преподаваніи римскаго права въ Болоньѣ, обратился въ 1292 г. къ папѣ съ прошеніемъ разрѣшить его отъ грѣховъ и успокоить его совѣсть. Изъ папскаго документа видно, какіе грѣхи смущали совѣсть Франциска Аккурсія: и онъ, и отецъ его, выдавая школярамъ-слушателямъ деньги, взыскивали ихъ потомъ съ большими процентами, а нѣкоторыхъ, и независимо отъ какой-либо предварительной сдѣлки, притѣсняли высокимъ гонораромъ, да и при испытаніяхъ оба Аккурсія не прочь были принимать отъ готовившихся къ экзаменамъ подарки. Затѣмъ еще объ одномъ болонскомъ профессорѣ извѣстно, что онъ, также почувствовавъ угрызенія совѣсти, сдѣлалъ въ своемъ завѣщаніи отказъ въ пользу бѣдныхъ изъ имущества, пріобрѣтеннаго путемъ школьнаго ремесла. На этомъ пути, по собственному признанію профессора, онъ много и разнообразно согрѣшалъ противъ школяровъ. Въ завѣщаніи своемъ, какъ юристъ, онъ находитъ приличнымъ, чтобы изъ имущества, составившагося благодаря платежамъ многихъ и разныхъ, какъ бы неопредѣленныхъ, лицъ (a multis et variis et quasi ab incertis personis), часть была выдана бѣднымъ, т.-е. также разнымъ и какъ бы неопредѣленнымъ лицамъ. Хорошо, что хотя къ концу жизни болонскіе профессора чувствовали угрызенія совѣсти и каялись въ своихъ прегрѣшеніяхъ противъ школяровъ. Изъ Парижа не слышно жалобъ на

ростовщическія сдѣлки и вообще на обираніе учащихся профессорами. Тѣ и другіе были одинаково бѣдны, жалованья не получали никакого, одинаково жили на доходы съ церковныхъ бенефицій, или занимая свободныя, мѣста въ коллегіяхъ, одинаково были не женаты и вели холостое хозяйство, тогда какъ болонскіе профессора не исключая и канонистовъ, часто бывали домовладѣльцами, стояли во главѣ городскихъ фамилій, на профессуру же смотрѣли, какъ на выгодную гражданскую профессію.

Не лишены также интереса разные контракты болонскихъ профессоровъ другъ съ другомъ, какъ бросающіе яркій свѣтъ на положеніе учебнаго дѣла въ болонскомъ университетѣ. Въ 1279 г. профессоръ Эгидій, не будучи въ состояніи читать декреталы по болѣзни, уступилъ свою аудиторію другому профессору за $^1/_2$ гонорара, причемъ подъ аудиторіей разумѣлось не помѣщеніе только, а и содержимое помѣщенія, т.-е тѣ слушатели, которые разсчитывали слушать лекціи профессора Эгидія Послѣдній, хотя и оказавшійся не въ состояніи читать, все-таки удержалъ половину гонорара за собою. Въ 1295 г. магистръ Вильгельмъ, читавшій философію, имѣвшій свое школьное помѣщеніе и пользовавшійся извѣстностью между школярами, заключилъ договоръ съ магистромъ Гентилисомъ. Послѣдній въ силу этого договора обязался читать въ школѣ Вильгельма философію, съ тѣмъ чтобы $^1/_3$ гонорара выдавалась магистру Вильгельму, и втеченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ не читать ординарныхъ лекцій по логикѣ, а магистръ Вильгельмъ съ своей стороны обязался втеченіе трехъ лѣтъ читать логику въ той же аудиторіи и $^1/_3$ гонорара выдавать магистру Гентилису. Контрагенты обѣщали взаимно помогать другъ другу, какъ добрые товарищи, и никакихъ вредныхъ для ихъ обоюдныхъ интересовъ договоровъ съ какими-либо другими магистрами не заключать; но оговоренъ одинъ важный пунктъ, что договоръ долженъ считаться уничтоженнымъ, если у одного изъ профессоровъ ока-

жется вдвое менѣе слушателей, чѣмъ у другого. Отъ конца же XIII в. сохранился договоръ между профессорами Петромъ и Шабринусомъ. Петръ, читавшій нотаріальное искусство, имѣлъ большой домъ съ аудиторіями и съ нѣкоторымъ числомъ школяровъ-пансіонеровъ, жившихъ въ этомъ домѣ. Другой, Шабринусъ, хотя и былъ новичкомъ въ Болоньѣ, имѣлъ, повидимому, хорошія рекомендаціи, во всякомъ случаѣ самъ онъ былъ преисполненъ самоувѣренности и утверждалъ, что никто въ Болоньѣ не съумѣетъ такъ, какъ онъ, прочитать институціи Юстиніана и глоссы къ нимъ. Профессоръ Петръ и предпочелъ Шабринуса всѣмъ другимъ преподавателямъ, желавшимъ читать въ той же самой институціонной залѣ, предоставивъ ему и выборъ свободнаго часа для чтеній. Шабринусъ зато обязывался втеченіе года дважды прочитывать институціи до конца, ни въ какой другой школѣ Болоньи не читать и съ пансіонеровъ Петра взимать уменьшенный гонораръ. Къ подобнымъ договорамъ не были привлекаемы ни городъ, ни должностныя лица университета, ни докторская коллегія. Могло случиться, что школяръ, кромѣ гонорара, какъ вознагражденія собственно за трудъ преподаванія, уплачивалъ отдѣльную сумму и за аудиторію, особенно если аудиторію нанимали сами школяры. Если же аудиторію предоставлялъ учащимся самъ предприниматель-профессоръ, то плата за помѣщеніе могла просто-напросто войдти въ составъ гонорара, соотвѣтственно увеличивая его размѣры. Затѣмъ, съ школяровъ же взимался сборъ въ пользу педелей, которые обыкновенно жалованья не получали и жили доходами отъ своей должности. Напр. въ Болоньѣ педель университета взималъ по всѣмъ аудиторіямъ или школамъ по 4 сольда съ каждаго школяра; педель каждаго отдѣльнаго профессора съ слушателей этого профессора взималъ отъ 2 лиръ (съ слушателей первыхъ скамей—благородныхъ) до 4 сольдовъ. Точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ гонорара въ парижскомъ университетѣ не сохранилось. Размѣръ гонорара, повидимому,

опредѣлялся, какъ и въ Болоньѣ, соглашеніемъ между учащимъ и учащимся. Извѣстно, что около 1383 г. на факультетѣ искусствъ за утреннюю лекцію платился 1 франкъ. Извѣстно далѣе, что въ 1450 г. одинъ магистръ требовалъ 1 экю съ слушателя за объясненіе и репетицію книгъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія баккалавриства. Тотъ, кому предстояло «детерминировать», присягалъ, что онъ расквитался и расквитается до начала диспутаціи съ магистромъ, у котораго онъ слушалъ ординарныя лекціи. Каждый школяръ, кромѣ того, долженъ былъ платить извѣстный налогъ въ пользу націи, причемъ единицей счета была «бурса» въ древнѣйшемъ значеніи этого слова, т.-е. сумма, уплачиваемая отдѣльнымъ лицомъ за содержаніе (съ вычетомъ отсюда наемной платы за комнату и за услуженіе) Прокураторы, смотря по нуждамъ націи, облагали двойною, тройною, четверною бурсою. Педелямъ, кромѣ того, уплачивалась извѣстная сумма при «детерминированіи», полученіи баккалавриства и лиценціи, при испытаніяхъ.

Въ германскихъ университетахъ взиманіе гонорара со студентовъ и размѣры его стали уже регулироваться факультетами. Впрочемъ, сказанное относится главнымъ образомъ къ факультету артистовъ, гдѣ обыкновенно полагался установленный гонораръ. По общему правилу, платить гонораръ обязанъ былъ каждый школяръ, посѣтившій послѣдовательно три лекціи, и не отъ преподавателей зависѣло читать безъ гонорара, такъ какъ сами они могли быть оштрафованы въ пользу факультетской кассы. Вѣнскіе статуты 1389 г. дозволяли преподавателю самому освобождать бѣдныхъ слушателей отъ уплаты гонорара, но съ строгимъ подтвержденіемъ, чтобы преподаватели не перебивали слушателей у коллегъ неблаговидными средствами, въ родѣ пониженнаго гонорара или дарового чтенія (gratis). Школяръ, не уплачивавшій гонорара своевременно, въ нѣкоторыхъ университетахъ штрафовался на двойную сумму, а магистръ, освободившій платежеспособнаго школяра отъ гонорара, или даже не потребо-

вавшій залога для обезпеченія платежа и не взыскавшій долга со всевозможною строгостью, лишался права на гонораръ, не освобождая въ то же время учащагося отъ уплаты его; факультетъ взыскивалъ эти деньги въ свою пользу. Въ лейпцигскомъ университетѣ много разъ занимались этимъ предметомъ. Кто не могъ уплатить установленной таксы за ученіе, долженъ былъ заявить объ этомъ своему учителю съ просьбою о полномъ или частичномъ освобожденіи. Но вскорѣ этотъ порядокъ оказался непрактичнымъ: отдѣльный учитель могъ плохо разсудить, въ состояніи ли школяръ уплатить весь гонораръ, половину или треть его, или вовсе не можетъ платить, тѣмъ болѣе, что и сами магистры искуствъ бывали нерѣдко такъ же бѣдны, какъ и студенты. Итакъ, рѣшено было въ каждомъ семестрѣ составлять комитетъ таксаторовъ, который и долженъ былъ взимать съ учащихся гонораръ за всѣ лекціи и упражненія, съ полномочіемъ рѣшать, съ кого слѣдуетъ взыскать полный гонораръ, и кто долженъ быть совершенно освобожденъ. При окончаніи чтеній и упражненій, каждый магистръ получалъ то, что причиталось на его долю, если онъ съ должнымъ усердіемъ прочиталъ свои книги и довелъ упражненія до конца. И въ Тюбингенѣ, подобно Лейпцигу, комитетъ таксаторовъ, но подъ руководствомъ декана, разсматривалъ прошенія объ освобожденіи отъ платы, причемъ съ школяра, освобожденнаго отъ платы по бѣдности и обнаружившаго потомъ роскошь въ костюмѣ или другія «суетности», взыскивали гонораръ заднимъ числомъ, несмотря на ранѣе состоявшееся освобожденіе. Въ Ингольштадтѣ въ 1492 г. было замѣчено, что студенты, выдававшіе себя за бѣдныхъ и на этомъ основаніи освобожденные отъ платы, кутили на оставшіяся у нихъ свободными деньги. Было постановлено признавать бѣдными и освобождать отъ платы только тѣхъ, кто, представивъ съ своей родины удостовѣренное подлинною печатью свидѣтельство о бѣдности, ведетъ себя хорошо и уже тѣмъ самымъ доказываетъ свою бѣдность, что готовъ наняться

въ служителя (famulus). Нужно замѣтить, что школяръ-famulus—довольно обыкновенное явленіе въ жизни средневѣковыхъ университетовъ. Бѣднякъ, желавшій учиться, поступалъ въ услуженіе къ своему же брату школяру изъ состоятельныхъ, или къ учителю, или въ общежитіе; въ послѣднемъ случаѣ за свои услуги по хозяйству, т.-е. собственно по кухнѣ и по приведенію комнатъ въ порядокъ, отъ ректора бурсы онъ получалъ даровое помѣщеніе, а отъ школяровъ даровое содержаніе, и въ то же время учился. Есть основаніе думать, что даже баккалавры могли оказаться въ положеніи такой прислуги.

На высшихъ факультетахъ иногда уплачивался слушателями гонораръ, но большею частью предписывалось читать безденежно. Вѣнскіе юристы требовали, правда, чтобы каждый слушатель за годовую лекцію уплачивалъ покрайней мѣрѣ одинъ гульденъ, а съ богатыхъ и знатныхъ взыскивалось по усмотрѣнію и больше; но и въ Вѣнѣ теологи и медики читали безплатно, а въ Лейпцигѣ, Гейдельбергѣ и въ большей части другихъ университетовъ на высшихъ факультетахъ, повидимому, вообще ничего не платилось. Преподаватели высшихъ факультетовъ большею частію получали жалованье—деньгами, или въ видѣ бенефицій и коллегіатуръ—или читали въ качествѣ баккалавровъ обязательно, чтобы выполнить условіе промоціи. Не невозможно и то, что изъ высокихъ промоціонныхъ пошлинъ, взимавшихся при возведеніи въ ученыя степени на высшихъ факультетахъ, нѣкоторая часть распредѣлялась между профессорами, какъ нѣкоторый суррогатъ гонорара. Но вообще и принципіально жалованье и гонораръ въ средневѣковыхъ германскихъ университетахъ считались несовмѣстимыми. Поэтому, когда къ концу среднихъ вѣковъ и на факультетѣ искуствъ явились многіе преподаватели съ жалованьемъ, на нихъ стали возлагать обязанность безплатнаго чтенія. Такъ въ 1470 г. базельскій городской совѣтъ заключилъ съ магистромъ договоръ, въ силу котораго магистру обѣщалась отъ города церковная бенефиція,

а магистръ обязывался ежедневно читать два часа безденежно, тогда какъ до этого времени тому же магистру за каждую годовую лекцію полагался опредѣленный гонораръ.

Практическія упражненія состояли въ репетиціяхъ и диспутаціяхъ. Составленіе какихъ-либо письменныхъ работъ вообще было неизвѣстно среднимъ вѣкамъ. Въ итальянскихъ университетахъ репетиція состояла въ подробномъ объясненіи отдѣльнаго текста, причемъ принимались въ соображеніе всѣ возможныя сомнѣнія и возраженія. У парижскихъ декретистовъ репетиція состояла въ провѣркѣ всѣхъ относящихся къ данному вопросу мѣстъ источниковъ по различнымъ рукописямъ и въ просмотрѣ комментаріевъ въ разныхъ, относящихся къ вопросу, сочиненіяхъ, чтобы достигнуть ловкости въ интерпретаціи. Въ германскихъ университетахъ репетиціи или резумпціи (resumptiones), имѣли видъ живого діалога между учителемъ и ученикомъ: учитель предлагалъ вопросы учащемуся и заставлялъ его отвѣчать, съ тѣмъ, чтобы узнать пробѣлы въ его знаніяхъ и восполнить ихъ. Отъ такихъ упражненій отличались въ собственномъ смыслѣ повторенія части прочитаннаго или пройденнаго. Но чему въ особенности придавалось громадное значеніе въ средневѣковыхъ университетахъ— это диспутаціямъ. Диспутаціи составляли настолько же обычное явленіе въ университетской жизни и настолько же пріятное торжество, какъ турниры для военныхъ людей того времени. Диспутаціи должны были пріучить школяра, вооруженнаго знаніемъ, защищать пріобрѣтенное имъ сокровище противъ всякаго нападенія и убѣждать другихъ въ истинности того, что самъ онъ научился признавать за догматическую истину. Все, что служило къ изощренію оружія діалектики, все, что пріучало къ употребленію этого оружія для боевыхъ цѣлей, выдвигалось на первый планъ въ средневѣковыхъ университетахъ. Насколько выигрывала или даже насколько принималась во вниманіе спорящими сторонами матеріальная

истина, объ этомъ будетъ еще рѣчь въ послѣдней главѣ. Диспутаціи были употребительны на всѣхъ факультетахъ, при каждомъ испытаніи, при каждомъ промоціонномъ торжествѣ; но особое положеніе онѣ занимали на факультетѣ артистовъ, который служилъ подготовкою для всѣхъ остальныхъ, а также на теологическомъ факультетѣ, который ставилъ себѣ цѣлью защищать церковную вѣру противъ всякаго нападенія. Для школяра было обязательно присутствіе на большей части диспутацій; во многихъ диспутаціяхъ онъ долженъ былъ и активно участвовать прежде чѣмъ стать баккалавромъ, баккалавръ—прежде чѣмъ стать магистромъ, магистръ—съ тѣмъ чтобы упрочить свое положеніе, какъ преподавателя и какъ члена факультета. На факультетѣ артистовъ разъ въ недѣлю устраивались такъ называемыя ординарныя дистутаціи,—большей частью въ субботу, иногда, какъ въ Вѣнѣ, въ пятницу, въ лучшіе часы, то есть дообѣденные. Это была диспутація магистровъ, а кромѣ нея по воскреснымъ днямъ устраивалась диспутація баккалавровъ, которая также считалась ординарною. Къ участію въ диспутаціяхъ, или по крайней мѣрѣ къ присутствію на нихъ привлекаемы были и учащіеся. Для нихъ тутъ была школа искуства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, случай выразить чувство общности всей корпораціи. Чтобы не было помѣхъ участію въ диспутѣ, лекціи во дни диспутовъ не должны были читаться. Магистры еще пожалуй были свободны читать или не читать лекціи, но поочередное предсѣдательство на диспутаціяхъ было для нихъ обязательно. Они должны были являться на диспутъ въ своемъ оффиціальномъ облаченіи. Одинъ изъ магистровъ держалъ рѣчь и старался выбрать тему обильную (titulus fecundus), имѣющую многосторонній интересъ, въ заключеніе же ставилъ тезисы или вопросы, которые должны были сдѣлаться предметомъ спора. Къ выставленнымъ руководящимъ ораторомъ тезисамъ другіе магистры должны были присоединять доказательства, или, иначе, развивать тезисы посредствомъ аргумен-

товъ (argumenta, sophismata), отчего дѣятельность эта на средневѣковомъ языкѣ называлась *arguere*. Отвѣчать на аргументы (respondere) было дѣломъ баккалавровъ. Отвѣчающій, респондентъ, бралъ поставленный вопросъ и разрѣшалъ его путемъ детерминированія, то есть логическаго расчлененія, разграниченія и опредѣленія понятій, содержащихся въ тезисѣ, отчего дѣятельность баккалавровъ на средневѣковомъ языкѣ называлась *determinare*. Но могло быть и такъ, что самъ же респондентъ ставилъ и вопросы, какъ это было въ парижскихъ коллегіяхъ. Каждый членъ по очереди былъ и респондентомъ и оппонентомъ въ парижскихъ субботнихъ диссертаціяхъ, и тотъ, кому предстояло отвѣчать на ближайшей диспутаціи, за нѣсколько дней объявлялъ о тѣхъ тезисахъ, которые онъ намѣревался поддерживать. Во время спора воспрещалось употреблять рѣзкія выраженія, напр. «ересь», «еретикъ», «подозрительной вѣры», «заблудившійся въ вѣрѣ», «ослиный», «безсмысленный» и т. п. и рекомендовалось пользоваться академическими оборотами рѣчи, напр. «не нахожу истиннымъ», «недопустимо», «немыслимо», «невѣроятно» и т. п. На самомъ дѣлѣ подобныя предписанія статутовъ оставалиеь часто благочестивыми желаніями, какъ показано будетъ ниже. Предсѣдательствующій магистръ и деканъ, кромѣ того, должны были позаботиться о томъ, чтобы спорящія стороны не пускались въ разъясненіе какого-либо чисто теологическаго, юридическаго или медицинскаго вопроса: это было, во-первыхъ, долгомъ уваженія къ высшимъ факультетамъ, во-вторыхъ, лучшимъ средствомъ къ устраненію безнадежныхъ дебатовъ. Студенты на такихъ диспутахъ были внимательными слушателями, а вечеромъ того же дня или въ воскресный день у нихъ устраивались свои диспутаціи подъ руководствомъ магистра или баккалавра. «Диспутируютъ безпрестанно, писалъ одинъ французъ въ 1531 г.:—диспутируютъ до обѣда, во время обѣда, послѣ обѣда; диспутируютъ публично и въ уединеніи; диспутируютъ во всякомъ мѣстѣ и во всякое время».

Самымъ любопытнымъ и самымъ торжественнымъ диспутаціоннымъ актомъ на факультетѣ искуствъ была такъ называемая «диспутація о чемъ угодно» (disputatio de quolibet или disputatio quodlibetaria). Въ нѣкоторыхъ университетахъ, какъ въ Парижѣ и Гейдельбергѣ, актъ этотъ совершался каждогодно, въ нѣкоторыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ, напр. черезъ 4 года, и продолжался до двухъ недѣль, иногда и болѣе. Затрогивая главнымъ образомъ артистовъ, онъ интересовалъ и привлекалъ всѣ вообще круги университетской корпораціи, однимъ словомъ держалъ довольно долго въ напряженіи всю высшую школу. И вотъ какъ описывается этотъ актъ историкомъ гейдельбергскаго университета (Торбеке). Диспутаціонный актъ выглядѣлъ большимъ парадомъ, въ которомъ выставлялось налицо все оружіе знанія и діалектики, и гдѣ представлялся случай наблюдать весь тотъ запасъ или объемъ духовныхъ силъ, которымъ обладаетъ основополагающій факультетъ. Всѣ учебныя занятія, даже лекціи на самомъ высшемъ факультетѣ—теологическомъ, пріостанавливались на это время. Изъ магистровъ факультета искуствъ, которые не пріобрѣли еще высшей ученой степени на которомъ либо изъ высшихъ факультетовъ, выбирался одинъ, который, какъ имѣющій диспутировать о чемъ угодно (disputaturus de quolibet, quodlibetarius), бралъ на себя нелегкій трудъ вести двухнедѣльныя, а иногда и болѣе продолжительныя пренія, отражая всякое нападеніе всякаго магистра въ областяхъ самыхъ разнообразныхъ знаній. Хотя извѣстная подготовка была не невозможна для него, такъ какъ самъ онъ могъ намѣтить темы (tituli), или области, изъ которыхъ долженъ быть почерпнутъ матеріалъ для словесной борьбы, хотя коллеги—его будущіе противники,—подъ страхомъ штрафа, обязаны были сообщить ему свои тезисы за два дня до начала диспута, но этимъ намѣчалось лишь общее направленіе матеріала, и державшая въ ажитаціи возможность внезапныхъ натисковъ и непредвидѣнныхъ возраженій оставалась все таки на-

столько значительною, что диспутантъ долженъ былъ употребить всю силу своего умственнаго напряженія и стать лицомъ къ лицу съ мудреною задачей. Для разрѣшенія ея, устраивалось одно изъ самыхъ странныхъ зрѣлищъ въ жизни схоластическаго университета. Большая зала школы артистовъ переполнена публикой; магистры искуствъ, которымъ предстоитъ оппонировать, садятся на своихъ скамьяхъ, по обѣ стороны каѳедры. Деканъ, которому принадлежало высшее наблюденіе надъ ходомъ цѣлаго акта, находится налицо; тутъ же и кводлибетарій (чего—угодникъ, если можно такъ выразиться), которому предстоитъ испробовать свое діалектическое искуство. Ректоръ занимаетъ почетное мѣсто. Педеля, съ серебрянными «скипетрами» въ рукахъ, стоятъ возлѣ него. Особыя мѣста занимаютъ доктора высшихъ факультетовъ въ строгомъ порядкѣ ранговъ. Возлѣ нихъ тѣснятся баккалавры искуствъ, а за баккалаврами толпятся массы школяровъ. Вотъ педеля приглашаютъ къ спокойствію, и виновникъ торжества всходитъ на каѳедру, произноситъ рѣчь, въ которой привѣтствуетъ собраніе, приглашаетъ молодежь къ дисциплинѣ и порядку и вызываетъ противниковъ начать свои нападенія. Если ректоръ принадлежалъ къ факультету артистовъ, то онъ и начиналъ, за нимъ деканъ, послѣ декана магистры въ порядкѣ старшинства службы, наконецъ остальные, желавшіе отличиться предъ цѣлою корпораціей. Каждый старался установить свои положенія въ строго логической формѣ, извлечь изъ нихъ выводы и развить аргументы. Кводлибетарій долженъ былъ всякому возражать, ловилъ и утилизировалъ для себя всякій формальный промахъ противника, всякое его прегрѣшеніе противъ правилъ логики и діалектики, увѣренный, что и за каждымъ словомъ его самого слѣдятъ съ тѣмъ же напряженнымъ вниманіемъ. Это былъ умственный турниръ, конечная цѣль котораго, очевидно, не въ томъ состояла, чтобы содѣйствовать раскрытію истины, или найдти новое научное познаніе, а въ томъ, чтобы ослѣпить про-

тивниковъ искусными діалектическими пріемами и заставить замолчать ловкими нападеніями. «Чего—угодно» приходилось, какъ выразился другой историкъ гейдельбергскаго университета (Гауцъ), аргументировать на обѣ стороны, или защищать противоположныя мнѣнія, смотря по тому, въ какую форму желательно было оппонентамъ облечь свои возраженія. Если напр. первый оппонентъ утверждалъ, что люди суть животныя, quodlibetarius долженъ былъ опровергать это, а если другой оппонентъ ставилъ тезисъ: «люди не суть животныя», quodlibetarius долженъ былъ и это опровергать, чтобы показать свою ловкость въ диспутированіи. Усердному слушателю подобныхъ словопреній, не имѣвшему еще степени магистра, представлялись тутъ многочисленные образцы искусной рѣчи, примѣры для подражанія. Опасности скучнаго однообразія старались избѣгнуть такимъ образомъ, что къ дебатамъ привлекались все новые и новые предметы: каждый новый оппонентъ старался вступить съ своимъ тезисомъ въ незатронутую область. Такъ напр. послѣ борьбы, продолжавшейся цѣлый день, по вопросу о томъ, можетъ ли быть оставлена проповѣдь Слова Божія въ виду запрещенія свѣтской власти, споръ, съ цѣлью оживленія вниманія, переводился на то, могутъ ли демоны и силы тьмы быть связываемы заклинаніемъ, или допускаются ли поединокъ и турниръ по каноническимъ законамъ. Но интересъ, какъ видно, поддерживать было нелегко. Чтобы удержать школяровъ въ собраніи до конца диспута, было установлено, что, по разрѣшеніи всѣхъ поставленныхъ магистрами вопросовъ, баккалавры и школяры могутъ предлагать вопросы шуточнаго и юмористическаго свойства. И вотъ другой духъ начинаетъ царствовать въ почтенномъ собраніи: люди, которые раньше съ серьезными лицами слѣдили за ходомъ диспута, не только разражаются смѣхомъ, но приходятъ въ чисто масляничное настроеніе. Запрещалось, правда, ставить вопросы, противные добрымъ нравамъ и предосудительные; но и то,

что, съ точки зрѣнія среднихъ вѣковъ, представлялось дозволенной шуткой, на нынѣшній взглядъ показалось бы слишкомъ пряным, по выраженію Кауфмана. Вопросы брались изъ обильной приключеніями жизни штудирующей молодежи, напр. de fide meretricum (о вѣрности проститутокъ), или de fide concubinarum in sacerdotes (о вѣрности наложницъ священникамъ). Хотя магистръ—quodlibetarius и старался напирать на морализующее и предостерегающее въ отношеніи къ молодежи дѣйствіе подобныхъ сюжетовъ, но въ сущности все это было преисполнено грязи, какъ напр. рѣчь о попѣ, который навѣстилъ дочку булочника, затѣмъ, скрываясь отъ конкуррента, забѣжалъ въ свиной хлѣвъ и на вопросъ вошедшаго туда булочника: «кто тамъ?» отвѣтилъ: «никого кромѣ насъ».

Но не интересъ только школяровъ къ диспуту приходилось поддерживать искуственными средствами; нужно было и магистровъ поощрять и заохочивать къ принятію ими на себя «диспутаціи о чемъ угодно», которая, несомнѣнно, была бременемъ, и бременемъ очень нелегкимъ. Принимались разныя мѣры къ тому, чтобы въ желающихъ взять на себя это бремя не было недостатка: то устанавливалась очередь, то производились выборы, а въ видѣ поощренія выбранному давались отъ факультета: новый беретъ, новые сапоги и новыя перчатки,—эти вещи въ первый же день диспутаціи педель и возлагалъ на каѳедру, съ которой диспутировалъ «чего-угодникъ». Позднѣе это награжденіе «натурой» было замѣнено денежнымъ вознагражденіемъ, пока въ XVI в. не исчезли этого рода диспутаціи подъ вліяніемъ гуманизма. Въ XV в. всякій неуважительный отзывъ о кводлибетарной диспутаціи строго преслѣдовался въ германскихъ университетахъ. Въ Вѣнѣ въ 1422 г. нѣкій магистръ Христіанъ фонъ Трауншгейнъ осмѣлился публично, при торжественномъ университетскомъ актѣ, выразиться, что «диспутаціи о чемъ угодно» суть не что иное, какъ безплодныя фантазированія и турнирныя схватки, которыя

держатъ въ позорныхъ оковахъ или совершенно уничтожаютъ научную жизнь. Раздраженный факультетъ исключилъ смѣльчака изъ своей среды, запретивъ ему всякую школьную дѣятельность, и принялъ его обратно лишь послѣ того, какъ виновный предъ всѣми коллегами призналъ свою вину и испросилъ прощеніе себѣ.

Изъ исторіи вѣнскаго университета извѣстно также нѣсколько данныхъ о теологическихъ диспутахъ. Ингольштадтскій профессоръ теологіи Іоаннъ Экъ—тотъ самый, который впослѣдствіи диспутировалъ съ Лютеромъ и Карлштадтомъ,—подобно средневѣковому рыцарю, являвшемуся на турниръ, перебывалъ въ разныхъ городахъ: Кельнѣ, Гейдельбергѣ, Майнцѣ, Фрейбургѣ, Тюбингенѣ, Базелѣ и, кромѣ того, въ Италіи, вездѣ вступая въ борьбу съ первыми учеными и пожиная лавры. Благодаря огромной памяти, большимъ знаніямъ, искуству говорить и діалектической ловкости, стяжавъ себѣ репутацію первостепеннаго бойца, Экъ сдѣлалъ вызовъ и вѣнскому теологическому факультету—устроить съ нимъ ученое состязаніе. Факультетъ, хотя и не совсѣмъ охотно, принялъ этотъ вызовъ. Диспутъ состоялся 28 августа 1515 г. въ университетской залѣ (aula) подъ предсѣдательствомъ доктора-юриста, делегированнаго государемъ, въ присутствіи ректора и многочисленнаго собранія изъ профессоровъ, магистровъ, баккалавровъ и студентовъ всѣхъ факультетовъ. Давка была такая, что нѣкоторыхъ студентовъ, лишившихся чувствъ, замертво выносили изъ залы. Диспутъ, и диспутъ упорный, по цѣлому ряду самыхъ разнообразныхъ и самыхъ трудныхъ вопросовъ—теологическихъ и схоластическихъ—продолжался цѣлый день. Факультетъ выставилъ своихъ искуснѣйшихъ бойцовъ: пять теологовъ и двухъ артистовъ, изъ которыхъ одинъ былъ лиценціатомъ, а другой баккалавромъ теологіи. Спорили до самаго вечера, пока предсѣдатель, съ согласія ректора и декана теологіи, не положилъ конца спору. Исходъ диспута остался сомнительнымъ, такъ что каждая сторона могла хвалиться одержанною побѣдою.

ГЛАВА VI.

Итоги къ началу новой исторіи.

Къ началу новой исторіи выступили съ поразительною ясностью всѣ слабыя стороны университетской жизни: и преподаваніе, вмѣстѣ съ практическими упражненіями, оказалось ниже всякой критики, и въ веденіи университетскихъ дѣлъ обнаружилась крайняя безпорядочность, и разныя привилегіи оказывались анахронизмомъ, и вдобавокъ всякая университетская дисциплина исчезла. Все это повело къ сознанію необходимости реформъ и къ энергическому воздѣйствію на университеты со стороны государственныхъ властей. Потребность въ этомъ воздѣйствіи почувствовалась тѣмъ болѣе настоятельно, что избираемые на короткіе сроки (большею частью на полгода) ректоры и деканы обыкновенно предпочитали накоплять дѣла и сваливать ихъ на преемниковъ, которые въ свою очередь дѣйствовали по примѣру предшественниковъ.

Весьма многое для выясненія неприглядныхъ сторонъ университетской жизни было сдѣлано гуманистами, въ особенности, что касается схоластическихъ пріемовъ въ веденіи учебнаго дѣла, т.-е. какъ въ преподаваніи, такъ и въ практическихъ упражненіяхъ. «Долой университетскую псевдонауку съ ея невѣжественными и лицемѣрными служителями, процвѣтающими на своихъ жирныхъ бенефиціяхъ и валяющимися въ безднѣ грѣховной»,—таковъ былъ боевой ключъ гуманизма. Справедливо, конечно, сказано, что о схоластической наукѣ среднихъ вѣковъ нельзя судить по отзывамъ только о ней гуманистовъ, которые относились къ ней съ ненавистью и презрѣніемъ, но и сами сильно хромали въ знаніи древности, смѣшивая, наприм., математика Евклида съ Евклидомъ мегарскимъ и даже утверждая, что Евклидъ писалъ свою геометрію по-арабски, а еще болѣе сильно хромая въ отношеніи строгости жизни, впадая нерѣдко въ чисто-

языческій епикуреизмъ и даже совершенно забывая христіанское міровоззрѣніе для греческаго Олимпа. Въ исходѣ среднихъ вѣковъ схоластика уже изжила и пережила себя, и дѣйствительно правы были тѣ, кто относился къ ней съ ненавистью и презрѣніемъ за то именно, что своими окаменѣлыми формами она хотѣла сковать человѣческую мысль и закрыть для человѣчества новыя направленія. Но она не всегда была такъ мертва; о ней нельзя даже сказать, чтобы она была только дурнымъ родомъ философіи, философіею подъ гнетомъ догматовъ, или философствованіемъ, испорченнымъ теологіею. У насъ бывало наприм., что жестоко осмѣивался Петръ Абеляръ съ его Элоизой и съ сыномъ ихъ «Астролябіей Петровичемъ», причемъ упускалось изъ вида, что сравнивать съ средневѣковыми схоластиками мы должны не самихъ себя, какъ мы теперь понимаемъ вещи, а нашихъ предковъ XII—XV вв. И разъ мы будемъ держаться этого историческаго масштаба, результатъ оцѣнки вещей и лицъ, несомнѣнно, долженъ получиться вовсе не смѣхотворный. Схоластика—это было цѣлое научное направленіе съ научнымъ методомъ, методомъ логики и діалектики, господствовавшее втеченіе нѣсколькихъ столѣтій. Схоластика имѣла свою исторію и притомъ исторію, исполненную страстной борьбы: случалось, что не только Абеляръ, Оккамъ, Виклефъ, но и Петръ Ломбардъ, Ѳома аквинскій и св. Бернгардъ клервосскій подвергались жестокимъ нападкамъ и даже церковнымъ карамъ за лжеученіе. Не даромъ православные богословы обвиняютъ самую теологію латинскую въ непозволительномъ *рационализмѣ*. А методъ логики и діалектики во всякомъ случаѣ имѣлъ ту хорошую сторону, что не только возбуждалъ, но и дисциплинировалъ мысль, ввелъ порядокъ и систематичность въ умственной работѣ. Но, повторяемъ, къ концу среднихъ вѣковъ схоластика исчерпала и изжила все, что въ ней было живого и цѣннаго, потому что уже въ самомъ началѣ она таила въ себѣ зародыши разложенія. Не имѣвшая возможности обогащаться ма-

теріальнымъ знаніемъ и поставленная исключительно на почву традиціи и логическихъ понятій, средневѣковая наука утратила всякій вкусъ къ исторіи и къ познанію реальнаго міра. Схоластикъ болѣе занимался мнѣніями своихъ предшественниковъ о данномъ предметѣ, чѣмъ самымъ предметомъ, и усиливался не столько собирать и познавать факты, сколько превращать факты въ понятія и изъ этихъ понятій выводить сужденія о фактахъ, опредѣлять ихъ цѣнность и заключать объ ожидаемыхъ отъ нихъ послѣдствіяхъ. Спеціалисты грамматики наприм. не отдѣльные случаи употребленія словъ собирали, чтобы установить общія правила словоупотребленія, а старались найти разумное основаніе (ratio), почему въ данномъ случаѣ долженъ быть употребленъ этотъ, а не другой падежъ; юристы, философы, теологи — всѣ они, какъ говоритъ Кауфманъ, не собирали фактовъ, а дѣлали «дистинкціи», искали аргументовъ и логическихъ убѣжищъ. Самое любопытное въ этихъ «дистинкціяхъ», т.-е. логическихъ различеніяхъ,—то, что схоластики, держась на почвѣ *преданія*, ударялись въ *раціонализмъ*. Возьмемъ наприм. канониста. Предъ нимъ масса каноническаго матеріала, появившагося въ разныя историческія эпохи, при различныхъ міровоззрѣніяхъ и обстоятельствахъ. Въ настоящее время научная обработка этого матеріала состояла бы въ томъ, чтобы объективно установить содержаніе каждаго канона, изслѣдовать мѣсто, время, поводъ къ появленію, личность составителя или законодателя и т. п., вслѣдствіе чего и выяснилось бы, какъ и почему церковь въ разныя времена объ одномъ и томъ же предметѣ устанавливала различныя правила. Въ средніе вѣка поступали не такъ. Каноническая разработка выходила изъ предположенія, что противорѣчія между канонами быть не можетъ. Пожалуй и случалось иногда, что преподаватель отдѣлывался отъ какого-нибудь неудобнаго для него каноническаго положенія замѣчаніемъ, что «оно издано было только на время», или «въ примѣненіи къ данному лицу, мѣсту, случаю», не вда-

ваясь приэтомъ, на самомъ дѣлѣ, ни въ какія историческія изысканія насчетъ времени, мѣста и проч. Обыкновенно же дѣйствовали рѣшительно раціоналистически— «дистингвировали», различали: въ канонахъ де трактуется не объ одномъ и томъ же предметѣ, а о разныхъ, слѣдовательно и противорѣчія между ними нѣтъ. Самое важное для схоластика-правовѣда—это имѣть «понятіе». Если я имѣю понятіе, подъ которое можетъ быть подведена тысяча вещей, то я могу сказать о себѣ, что знаю всю эту тысячу вещей, знаю, что онѣ могутъ дать мнѣ и чего не могутъ, и чего онѣ стоятъ въ сравненіи съ другими вещами. Раймундъ Луллъ училъ, что всѣ отдѣльныя познанія можно получить путемъ выводовъ изъ немногихъ общихъ положеній, между прочимъ и знанія юридическія, которыя, казалось бы, требуютъ обстоятельнаго знакомства съ положительными законами. Такъ какъ жизнь человѣка слишкомъ коротка, а правовѣдѣніе, въ смыслѣ изученія всѣхъ законовъ, было бы слишкомъ обширно, то изобрѣтено искуство постигнуть правовѣдѣніе съ помощью маленькой книжки. Путемъ выводовъ изъ немногихъ общихъ положеній можно человѣка посредственныхъ способностей сдѣлать юристомъ въ три мѣсяца, для человѣка даровитаго достаточно двухъ мѣсяцевъ, а человѣкъ выдающихся способностей можетъ достигнуть цѣли даже въ одинъ мѣсяцъ. И это искуство вдобавокъ непогрѣшимо. Другіе обѣщали въ три дня выучить по-еврейски, въ три дня по-гречески, въ семь дней математикѣ, въ короткій срокъ сдѣлать риторомъ и безъ всякихъ усилій философомъ. Даже латинскій языкъ, царствовавшій въ средневѣковыхъ университетахъ, оказался, какъ разъяснили гуманисты, не римскою, а особенною средневѣковою латынью. Легисты, потерявъ вкусъ къ изученію римскаго права въ его непосредственныхъ источникахъ, пробавлялись комментаріями двухъ знаменитостей: Бартола и Бальда. Теологія была исключительно умозрительною, безъ всякой исторической основы, причемъ простой буквальный смыслъ св. Писанія

совершенно забывался, а вмѣсто того старались найдти особенный символическій и мистическій смыслъ. Медицинскій факультетъ поражалъ своимъ убожествомъ: вмѣсто того, чтобы демонстрировать, читали старинныхъ авторовъ и комментаторовъ къ нимъ, или же, какъ наприм. въ Роштокѣ, ударялись въ алхимію и астрологію. Да и какія тутъ демонстраціи, когда наприм. о гейдельбергскомъ университетѣ извѣстно, что первый скелетъ былъ пріобрѣтенъ имъ не ранѣе 1559 года, за 50 гульденовъ, какъ великая рѣдкость. Нѣкоторые медики въ концѣ XV в. выдѣлялись изъ ряда другихъ, но... какъ комментаторы логики Аристотеля. Къ концу среднихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ гуманизма, обнаружился нѣкоторый подъемъ математики и астрономіи, но и тутъ случалось, что выдающійся математикъ (наприм. изъ числа вѣнскихъ артистовъ) преподавалъ не математику, а теологію, или спеціалистъ по астрономіи читалъ о римскихъ поэтахъ. А еще болѣе было такихъ профессоровъ, которые отложили попеченіе о какихъ бы то ни было научныхъ стремленіяхъ и задачахъ. Диспутаціи положительно сдѣлались болѣзнью средневѣковыхъ университетовъ. Все дѣло сводилось къ игрѣ надъ логическими понятіями и къ выработкѣ искуства больше говорить о вещахъ, чѣмъ пріобрѣтать знанія о вещахъ. Не даромъ въ средніе же вѣка противниковъ на диспутѣ называли «боевыми пѣтухами», а вопросъ, бывшій предметомъ спора,—пѣтушинымъ вопросомъ (quaestio gallinaria). А вотъ характеристика средневѣковыхъ диспутовъ, сдѣланная гуманистами. Что можетъ быть, повидимому, проще слѣдующихъ двухъ словъ: «пиши мнѣ» (scribe mihi)? Такъ вѣдь диспутантъ постарается поставить по поводу такого сюжета цѣлый рядъ вопросовъ изъ области грамматики, діалектики, физики, метафизики. Противнику не позволяютъ высказаться. Какъ скоро онъ вдается въ нѣкоторыя разъясненія, ему кричатъ: «къ дѣлу! къ дѣлу! Отвѣчай категорически». Объ истинѣ всего менѣе заботятся; стараются лишь защищать то,

что поставлено въ видѣ тезиса; если противникъ сильно прижимаетъ, то на возраженія его отвѣчаютъ прямо—голословнымъ отрицаніемъ, смѣло ниспровергаютъ всѣ препятствія, несмотря на очевидность. Доведенный возраженіями до абсурдныхъ заключеній, диспутантъ не смущается, а, напротивъ, спокойно заявляетъ: «я допускаю это, какъ выводъ изъ моего тезиса». Лишь бы послѣдовательно защищаться, всегда можно прослыть за человѣка ловкаго. На характеръ диспуты не менѣе вредно вліяютъ, чѣмъ и на умъ: кричатъ до хрипоты, расточаютъ грубости, оскорбленія, угрозы; доходятъ до пинковъ, пощечинъ, укушеній; диспутъ переходитъ въ брань, брань въ драку; на полѣ битвы остаются раненые и мертвые.— Допустимъ, что въ представленной характеристикѣ немало преувеличеній, и что до причиненія ранъ и смерти дѣло не доходило, — все же нужно признать, что диспуты, даже и относительно внѣшней ихъ стороны, велись далеко не въ тѣхъ академическихъ формахъ, на которыхъ настаивали университетскіе статуты. Извѣстный знатокъ средневѣковой литературы канонического права, Шульте нашелъ, что наиболѣе прославленные аргументаторы, составившіе себѣ громкое имя на диспутахъ, были авторами самыхъ неудовлетворительныхъ и пустыхъ каноническихъ трактатовъ. А вѣдь какою гордостію упоены были разные схоластики, пожинавшіе лавры на диспутахъ! О нѣкоемъ Симонѣ турнейскатъ извѣстно, что онъ однажды произвелъ сильнѣйшее возбужденіе въ Парижѣ, поставивъ рядъ рискованныхъ вопросовъ о св. Троицѣ и отложивъ разрѣшеніе ихъ до слѣдующаго дня Громадная толпа теологовъ сбѣжалась на другой день слушать Симона, который былъ однимъ изъ прославленныхъ теологовъ Парижа, и всѣ съ изумленіемъ слушали, какъ учитель «столь ясно, столь изящно и столь канонически» разрѣшалъ вопросы, казавшіеся неразрѣшимыми. Когда близкія къ нему лица попросили его записать свои разъясненія, чтобы они не пропали для потомства, упоенный гордостію діалектикъ воскликнулъ:

«о Іисусъ! (о Iesule, Iesule!) какъ много содѣйствовалъ я укрѣпленію и превознесенію твоего закона! А вѣдь захоти лишь я выступить противъ него, я съумѣлъ бы ниспровергнуть его еще болѣе сильными резонами и аргументами!» Законъ Христовъ очевидно уцѣлѣлъ, благодаря лишь той счастливой случайности, что схоластикъ, вмѣсто того чтобы обратить его въ прахъ, милостиво принялъ его подъ свое покровительство. Легенда, впрочемъ, говоритъ, что какъ только Симонъ произнесъ вышеприведенныя слова, сейчасъ же и онѣмѣлъ.

Въ Лейпцигѣ около половины XV в. раздались громкія жалобы на то, что факультетъ артистовъ возводитъ въ ученыя степени недостойныхъ людей, съ цѣлью увеличенія своихъ доходовъ, и что нѣкоторые магистры заставляютъ испытуемыхъ уплачивать, кромѣ положенныхъ пошлинъ, еще подарки, подъ названіемъ: Trinkgeld, propina, перебивая ихъ другъ у друга, да и самъ деканъ не оказался стойкимъ противъ искушенія поживиться на счетъ испытуемыхъ. Позднѣе въ Лейпцигѣ лѣность преподавателей и фальшивая снисходительность при испытаніяхъ вызвали вмѣшательство князя, и въ то же время вражда двухъ выдающихся профессоровъ по самому мелочному поводу поколебала университетъ въ самыхъ его основахъ. Въ Тюбингенѣ соперничающія между собою университетскія партіи и институты привлекали къ себѣ школяровъ непозволительными средствами, а магистры и доктора, «вмѣсто здравыхъ понятій, ударялись въ тонкости и, вмѣсто таинъ Слова Божія, преподносили слушателямъ путаницу философскихъ проблеммъ». Въ виду такого положенія дѣлъ, государственною властію въ 1525 г. была учреждена коммиссія, которая должна была новымъ устройствомъ дать университету новую жизнь. Король Фердинандъ, управлявшій тогда территоріей, въ которой находился Тюбингенъ, призналъ своимъ долгомъ устранить существовавшую пагубную систему преподаванія, «какъ источникъ смутъ, угрожающихъ и религіи, и вмѣстѣ основамъ всякаго порядка». Въ Ингольштадтѣ

въ 1487 г. раздавались жалобы на то, что получающіе жалованье преподаватели юридическаго факультета злоупотребляютъ своею должностію и лѣнятся, и что нѣкоторыя лекціи—прямо трата времени и труда. Въ Ростокѣ, около того же времени, произошло возстаніе горожанъ противъ соединенія каѳедральнаго капитула съ университетомъ, въ чемъ многіе видѣли гибель университета, члены котораго, будучи вмѣстѣ канониками, неминуемо будутъ манкировать лекціями, ибо «иное дѣло пѣть», говорили возставшіе, «иное дѣло штудировать и лекціи читать», — говорили это въ виду опыта, если не своего, то другихъ университетскихъ городовъ. Въ кельнскомъ университетѣ и въ самомъ дѣлѣ въ 1495 году изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ юридическаго факультета читалъ только одинъ, а всѣ прочіе замѣняли себя «представителями». Въ Грейфсвальдѣ въ 1449 г. между преподавателями, по самымъ мелочнымъ поводамъ, произошли распри, грозившія уничтоженіемъ всякаго порядка, и спокойствіе возстановилось только благодаря властному воздѣйствію со стороны княжескаго правительства. Подобныя же явленія наблюдаются во Фрейбургѣ. Въ Вѣнѣ къ 90-мъ годамъ XV в. университетскія дѣла обстояли настолько неудовлетворительно, что императоръ Максимиліанъ I, по вступленіи на престолъ, не вдругъ утвердилъ привилегіи университета, а потребовалъ сначала нѣкоторыхъ реформъ и, уже въ видѣ эквивалента желательныхъ улучшеній, далъ ожидавшееся отъ него утвержденіе. И не только императорскому правительству приходилось не разъ настаивать на реформахъ, но самому проводить реформы чрезъ поставленнаго имъ суперъинтенданта, который между прочимъ получилъ рѣшающее вліяніе на замѣщеніе профессуръ, соединенныхъ съ жалованьемъ. Факультету артистовъ вѣнскаго университета пришлось выслушать въ 1492 г. отъ императорскаго правительства, что ученики его занимаются только безполезными глупостями, и что факультетъ нерадитъ о существенномъ—о самомъ текстѣ книгъ. Въ 1499 г. пра-

вительство заставило факультетъ приняться за реформу учебнаго плана, вслѣдствіе чего сначала состоялись отдѣльныя постановленія, а въ 1509 г. состоялась новая редакція статутовъ. По адресу медицинскаго факультета въ 1494 г., заявлены были гражданами ректору жалобы на то, что доктора недостойны никакого довѣрія и отличаются ненасытною жадностію. Самъ деканъ факультета внесъ въ деканатскую книгу за этотъ годъ замѣтку, которою вполнѣ подтверждается и оправдывается жалоба гражданъ; «мы погружены въ сонливость и лѣность; изъ нашихъ распрей граждане знаютъ, что мы ровно ничего не знаемъ, занимаемся суесловіемъ, ничего не дѣлаемъ и не учимъ ничему такому, что могло бы принести пользу учащимся». Вѣнскій университетъ, еще не такъ давно отказывавшійся принести присягу на вѣрность императору, теперь самъ и по самымъ маловажнымъ поводамъ обращается къ императору, прося его содѣйствія и вмѣшательства. Не менѣе поучительныя вещи происходили вначалѣ XVI в. въ Гейдельбергѣ. Курфюрстъ Людвигъ V въ 1518 году поставилъ на видъ университету, что онъ дурно управляетъ своимъ имуществомъ, позволяетъ зданіямъ приходить въ упадокъ, при производствѣ выборовъ и въ другихъ дѣлахъ рѣшаетъ партійно, а не по справедливости, магистры небрежно относятся къ диспутаціямъ, между ними царятъ раздоръ, завистничество, ненависть. Поводомъ къ этой обличительной рѣчи послужило приглашеніе университетомъ неспособнаго лица на профессуру кодекса; но это былъ именно только поводъ, которымъ курфюрстъ поспѣшилъ воспользоваться, чтобы высказать все, что накопилось у него на душѣ. Онъ потребовалъ прекращенія злоупотребленій и устраненія нѣкоторыхъ статутовъ, угрожая въ противномъ случаѣ самъ приняться за реформу. Угроза, какъ видно, не произвела должнаго эффекта, такъ какъ въ 1521 г. курфюрстъ оказался вынужденнымъ снова высказать рѣзкое порицаніе юридическому факультету за предположенную имъ промоцію необыкновеннаго числа докторовъ безъ соображе-

нія съ статутами. Курфюрстъ писалъ, что подобное злоупотребленіе факультета своимъ правомъ обратится въ позоръ цѣлому университету, курфюрсту самому и всей странѣ, и если факультетъ не оставитъ своего намѣренія, то онъ, курфюрстъ, подвергнетъ виновныхъ наказаніямъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, онъ потребовалъ черезъ канцлера мнѣнія (Gutachten) отъ выдающихся людей о всестороннемъ и глубокомъ реформированіи университета и указалъ выработать реформу, не спрашиваясь университета. Канцлеръ обратился къ тремъ уважаемымъ гуманистамъ: Якову Штурму, Якову Вимпфелингу и Якову Шпигелю. Всѣ трое высказали рѣзкое осужденіе порядковъ гейдельбергскаго, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣхъ другихъ университетовъ. Во время моего ученья, писалъ Штурмъ (т.-е. въ первые годы XVI в), на факультетѣ артистовъ господствовалъ такой порядокъ преподаванія, хуже котораго выдумать нельзя; можно бы было даже полагать, что онъ и выдуманъ былъ собственно съ тою цѣлью, чтобы портить умы и тратить время. Аристотеля читали въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ такимъ лицомъ, которое одинаково не знало ни греческаго, ни латинскаго языка, и ни профессоръ, читавшій лекцію, ни ученики его одинаково ничего не понимали. Хороши тоже были и теологи по словамъ Штурма: изученіемъ Библіи пренебрегали, занимаясь сентенціями Петра Ломбарда и изумительными вопросами, не имѣвшими ровно никакого значенія для жизни христіанъ.

Ко всему сказанному присоединялось несоотвѣтствіе устарѣвшихъ привилегій складу и потребностямъ государственной жизни, которая начала устраиваться на новыхъ основаніяхъ. Вначалѣ свободный цехъ, университетъ сдѣлался автономною политическою корпораціей, захватывавшею широкій кругъ лицъ; духъ, когда-то проникавшій отдѣльныя университетскія привилегіи, отлетѣлъ, и остались лишь одно пустое чванство и невыносимое своеволіе. Такъ изъ Кельна послышались жалобы на злоупо-

требленія привилегіями, именно юрисдикціей консерваторовъ, свободой отъ акциза и судебными привилегіями школяровъ. Было время, когда церковный процессъ дѣйствительно можно было считать привилегированнымъ, такъ какъ процессуальныя формы церкви были выше и совершеннѣе формъ средневѣковаго свѣтскаго процесса, и когда охрана привилегій папскими консерваторами была дѣйствительно благодѣяніемъ для университетовъ. Недаромъ же многіе для того только и имматрикулировались, чтобы свои гражданскія взысканія даже по требованіямъ, пріобрѣтаемымъ посредствомъ цессіи, предъявлять суду консерваторовъ. Но времена варварства и кулачнаго права проходили, государство росло, и вновь слагавшійся государственный порядокъ съ старыми привилегіями уже не мирился. Бурныя столкновенія имѣли мѣсто въ Кельнѣ то по поводу безакцизнаго разлива пива студентамъ, то по вопросу о томъ, имѣютъ ли право пользоваться привилегіей безпошлинности бывшіе члены университета, поступившіе на городскую службу, главнымъ же образомъ изъ-за дерзкаго поведенія школяровъ, которымъ граждане въ свою очередь мстили неоднократными насиліями. Школяры вели себя возмутительно: дѣлали дерзости, опустошали сады гражданъ, врывались ночью въ дома, оскорбляли невѣсту на пути въ церковь, вторгались въ свадебныя пиршества и требовали, чтобы ихъ угощали какъ господъ, по ночамъ производили шумъ на улицахъ, натыкаясь на камни и бренча оружіемъ, нападали на сторожей и прохожихъ и т. п. Краснорѣчивыя свидѣтельства о разнузданности школяровъ оставили Лютеръ и Меланхтонъ. По выраженію перваго, лучше мальчиковъ изъ христіанъ посылать прямо въ пасть ада, чѣмъ въ университетъ, такъ какъ сатана отъ начала міра не выдумывалъ ничего болѣе сильнаго, чѣмъ высшія школы. А Меланхтонъ говорилъ о студентахъ, что они рыщутъ цѣлыя ночи по улицамъ съ шумомъ и гамомъ, какъ циклопы и центавры, наполняя все дикимъ крикомъ, нападая на мирныхъ безоружныхъ людей, осыпая ихъ

бранью и каменьями, бросаясь на нихъ съ оружіемъ, даже осаждая домы гражданъ, выбивая двери и окна, лишая сна роженицъ, больныхъ и престарѣлыхъ, опрокидывая прилавки и воза на рынкѣ. Понятно, что и горожане въ долгу не оставались. Въ Вѣнѣ часто происходили кровавыя схватки школяровъ съ бюргерами, особенно съ нѣкоторыми ремесленными цехами. Городской магистратъ часто жаловался университетскому начальству на вызывающее поведеніе и распущенность студентовъ и сталъ наконецъ самъ подвергать аресту нарушителей спокойствія, не взирая на университетскія привилегіи, заключать въ тюрьму и наказывать. Въ Роштокѣ въ 1471 г. грубость и недисциплинированность студентовъ потребовала предпринятія чрезвычайной мѣры: епископъ, въ качествѣ канцлера, архидьяконъ, ректоръ университета, доктора, бургомистръ и ратманы вступили между собою въ соглашеніе насчетъ устройства тюрьмы, для препровожденія въ нее лицъ, совершившихъ эксцессы въ ночное время, причемъ за всѣми вступившими въ соглашеніе сторонами оговорены равныя права на арестованіе и на отобраніе присяги отъ тюремнаго надзирателя. Соглашеніе это, утвержденное герцогомъ Магнусомъ, имѣло эффектъ довольно неожиданный. Городской совѣтъ, который уже и раньше стремился ограничить права академіи и сократить ея привилегіи, воспользовался соглашеніемъ, въ которомъ академія отказывалась фактически отъ исключительнаго осуществленія юрисдикціонныхъ правъ, для того чтобы поставить академическую юрисдикцію въ болѣе и болѣе тѣсныя границы. Въ 1501 г. кельнскіе бочары, плотники и каменьщики взяли штурмомъ бурсу, избили студентовъ и домъ разграбили. Въ Лейпцигѣ сапожные подмастерья послали университету формальное объявленіе войны, и иногда дѣло дѣйствительно доходило (какъ въ Кельнѣ, Гейдельбергѣ) до генеральныхъ сраженій, во время которыхъ развѣвалось знамя. Понятно, что, при обостренныхъ отношеніяхъ, зачинщиками въ отдѣльномъ случаѣ могли быть и не сту-

денты. Приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для предупрежденія столкновеній, каково наприм. воспрещеніе горожанамъ посѣщать трактиры, въ которыхъ собирались студенты. Но и въ средѣ самыхъ студентовъ часто происходили взаимныя схватки, въ которыхъ притомъ участвовали и баккалавры, чѣмъ поддержаніе дисциплины еще болѣе затруднялось.

Вообще по тому, какъ вела себя штудирующая молодежь по отношенію къ постороннимъ, можно судить и о состояніи внутренней университетской дисциплины. Не смотря на то, что большинство штудирующихъ составлялось изъ духовныхъ лицъ, и что жизнь въ коллегіяхъ и бурсахъ должна была подчиняться режиму, скопированному во многихъ отношеніяхъ съ монастырскихъ уставовъ, монастырскіе порядки существовали только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Разныя пѣсенки, дошедшія по традиціи къ позднѣйшимъ университетамъ, о кратковременности жизни и проч. свидѣтельствуютъ о томъ, что сочиняли ихъ веселые люди. Школяры, если они были даже и духовными лицами, не скрывали, что они—скорѣе служители Венеры и Вакха, чѣмъ Церкви, а если изъ среды духовенства и монашества слышались укоризны школярамъ за ихъ безнравственную жизнь, они отдѣлывались разными побасенками, анекдотами, исторіями, въ родѣ напр. исторіи о раздѣлѣ міра. (Господь Богъ, при раздѣлѣ міра, забылъ о двухъ классахъ людей—о школярахъ и о проституткахъ, и, чтобы поправить свою ошибку, первыхъ поручилъ попеченію свѣтскихъ господъ, послѣднихъ попеченію духовныхъ господъ-прелатовъ; но свѣтскіе господа вскорѣ позабыли про свою обязанность, прелаты же напротивъ болѣе и болѣе входили во вкусъ исполненія возложенной на нихъ задачи). Этимъ веселымъ вольнодумствомъ дѣло, однако, не ограничивалось. Не о веселомъ вольнодумствѣ, а о полной разнузданности свидѣтельствуетъ напр. состоявшееся въ 1500 г. въ тюбингенскомъ университетѣ запрещеніе школярамъ и лицамъ, имѣющимъ ученыя сте-

пени (!) безпокоить ректора на дому, вырывать изъ рукъ педеля лицъ арестованныхъ на пути въ карцеръ, предаваться въ карцерѣ разврату и разражаться богохульными проклятіями. И замѣчательно, что въ коллегіяхъ магистровъ жизнь, повидимому, была не лучше, чѣмъ въ бурсахъ школяровъ. Если статуты какой нибудь коллегіи запрещаютъ шумѣть во всякое время дня и ночи, участвовать въ попойкахъ съ школярами, вбѣгать и выбѣгать послѣ того какъ ворота будутъ затворены, вступать въ неприличныя сношенія съ кухоннымъ персоналомъ и т. п. то отсюда, какъ справедливо говоритъ Кауфманъ, можно заключить, какова была дѣйствительность въ коллегіяхъ. Или напр. съ чисто средневѣковымъ реализмомъ воспрещается приводить въ коллегію ad commodum suum meretricem, или actum venereum ibi exercere, бросать камнемъ, чашей и т. п. съ разными притомъ оттѣнками и градаціями вины и отвѣтственности на подобіе того, какъ это регулировалось старинными варварскими правами: кто поднялъ только руку чтобы бросить, кто бросилъ но не попалъ, кто ударилъ кулакомъ, кто вцѣпился въ волосы, кто влѣзаетъ въ окно и т. д.,—за все это положенъ опредѣленный денежный штрафъ.

Не лишены также интереса и поучительности статуты бурсъ. Ректоръ бурсы долженъ не только запирать бурсу и держать ключи у себя, но и давать присягу въ томъ, что будетъ держать дверь на запорѣ не для виду только и не для того, чтобы снова отворять: такая формула присяги, какъ справедливо опять говоритъ Кауфманъ, показываетъ, что она была сочинена софистами и для софистовъ. Но и присяга не помогала; случалось штрафовать и самихъ начальствующихъ въ бурсѣ лицъ, какъ magister или conventor introducens mulierem suspectam in bursam. Еще труднѣе было поддерживать статутарную жизнь въ бурсахъ для бѣдныхъ (Coderien), вслѣдствіе убожества помѣщенія и недостаточности средствъ содержанія Изъ того, что нерѣдко веселые люди, даже

и изъ состоятельныхъ, предпочитали поселяться въ такихъ кодеріяхъ, можно заключать, что здѣсь чувствовалась большая свобода отъ статутарныхъ стѣсненій. Наконецъ въ частныхъ бурсахъ, устраивавшихся магистрами или другими предпринимателями, надзоръ со стороны университета за жизнію въ этихъ бурсахъ чрезвычайно затруднялся тѣмъ обстоятельствомъ, что предприниматели-конкурренты въ поблажкѣ всякимъ дурнымъ наклонностямъ и порокамъ могли видѣть наилучшее средство къ тому, чтобы привлечь къ себѣ школяровъ и расширить свое предпріятіе. Въ этихъ именно бурсахъ совершались всѣ безобразія такъ называемаго «снятія роговъ» (depositio cornuum) съ новичковъ, вступающихъ въ университетъ. Обрядъ «снятія роговъ» сложился, повидимому, во Франціи въ XIV в. и принятъ былъ, какъ нѣкій священный завѣтъ академической жизни, въ университетахъ Германіи. По своей идейной подкладкѣ, онъ претендовалъ на нѣкоторое остроуміе, такъ что самъ Лютеръ, имѣя конечно въ виду эту идейную подкладку, сочинилъ въ молодые годы гимнъ на латинскомъ языкѣ въ честь «снятія роговъ;» но, по своимъ внѣшнимъ формамъ, это былъ обрядъ дикій и грубый, соединявшійся притомъ съ мучительствомъ. Идейная подкладка обряда состояла въ томъ, что субъектъ, вновь вступающій въ университетъ, раньше жившій на волѣ, какъ полевое животное (pecus campi), или какъ дикій звѣрь съ рогами, долженъ быть освобожденъ отъ этихъ роговъ, долженъ, такъ сказать, совлечь съ себя ветхаго Адама, оставить полевые нравы и пріобщиться къ культурной университетской жизни, сдѣлаться студентомъ. Такого новичка называли «пенналомъ» (отъ penna—перо, вѣроятно потому, что первогодки съ усердіемъ записывали слушаемое на урокахъ)а также «беаномъ» (beanus, bec jaune, Gelbschnabel, птенецъ); позднѣе онъ сталъ называться Fuchs'омъ. Какъ скоро обычай «снятія роговъ» утвердился, составилось слѣдующее опредѣленіе «беана»:

*B*eanus	т. е. беанъ
*e*st	есть
*a*nimal	животное
*n*esciens	не знающее
*u*itam	жизни
*s*tudiosorum.	студентовъ.

Обрядъ облекался въ такія формы, въ которыхъ наглядно выражалось отреченіе отъ прежней жизни и посвященіе въ новую. Новичекъ принятъ уже въ помѣщеніе бурсы; но вотъ два баккалавра, набившіе себѣ руку въ этого рода дѣлахъ, бурно-стремительно врываются въ комнату и чувствуютъ, что тутъ пахнетъ какимъ-то нечистымъ существомъ, которое отравляетъ воздухъ своимъ пребываніемъ, и... открываютъ присутствіе беана. Не довольствуясь цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ, они схватываютъ его и принимаются за «очищеніе». Одинъ баккалавръ дѣйствуетъ какъ очищающій, другой какъ помогающій ему; магистръ, управляющій бурсой, присутствуетъ тутъ же, а равно и бурсаки. Пускаются въ ходъ всевозможныя орудія «очищенія»: ротъ выполаскивается водою, сдобренною растеніями, выросшими въ клоакѣ, съ угрозой спустить въ самую клоаку, даются мази и пилюли изъ невыразимыхъ матеріаловъ, дѣйствуютъ щипцами, пилой и ножницами для вырванія зубовъ (деревянныхъ обыкновенно, которые вставлялись искуственно на сей случай), для отпиливанія ногтей и для остриженія головы. При этомъ рядъ нелѣпыхъ вопросъ, сопровождавшихся пощечинами, напр.

— Имѣлъ ли ты мать?

— Да.

Пощечина.

— Врешь, каналья! Она тебя имѣла.

Или:

— Сколько блохъ входитъ въ четверикъ?

— Этому меня наставникъ не училъ.

Новая пощечина.

— Онѣ не входятъ, а вскакиваютъ и т. п.

По совершеніи всѣхъ этихъ издѣвательствъ и по цѣлованіи руки производившаго «очищеніе» баккалавра, злосчастный беанъ объявлялся достойнымъ вступить, въ качествѣ члена, въ кругъ студентовъ, но.... не вдругъ.

За «снятіемъ роговъ» слѣдовало, правда обильное товарищеское угощеніе, разумѣется на счетъ новичка; но дѣло въ томъ, что въ университетъ поступали и совсѣмъ не подготовленные къ слушанію лекцій юнцы, которые, можетъ быть, еле-еле одолѣли грамоту. Вслѣдствіе этого, сложился такой «порядокъ» вещей, что новичокъ прикомандировывался одинъ, или вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, къ старшему товарищу, какъ famulus, т. е. просто на просто становился въ положеніе прислуги, или даже въ неизмѣримо худшее того положеніе.

Прикомандированный называлъ своего старшаго товарища «господиномъ» или «патрономъ», прислуживалъ ему за столомъ, чистилъ платье и обувь. Но этого мало. «Патронъ» во всякое время могъ насильственно отобрать у юнца платье, обувь, книги, вымогалъ деньги и совершалъ разные циническіе эксцессы. Новичокъ обязательно прислуживалъ «патрону» при вакханаліяхъ и оргіяхъ въ городѣ и въ деревняхъ и въ награду за самыя унизительныя услуги получалъ побои. По прошествіи года, выдержавшій испытаніе, устраивалъ снова угощеніе товарищамъ, и съ этого момента для него открывалась перспектива вымѣщать на другихъ то, чему самъ подвергался. Хорошая школа нравственности! Большая часть школяровъ, по словамъ Кауфмана, ничему не училась, или по крайней мѣрѣ ничему основательно, и сравнительно большой процентъ портился и погибалъ въ лѣности и дебоширствѣ. Въ гуманистическомъ теченіи, по словамъ того же Кауфмана, университеты совершенно неповинны, такъ какъ теченіе это шло помимо университетовъ и въ оппозицію университетамъ. Вообще германскіе историки не закрываютъ глазъ на недостатки средневѣковыхъ германскихъ университетовъ. Кауфманъ,

можно сказать даже, не щадитъ красокъ для изображенія отрицательныхъ сторонъ университетской жизни, и все таки онъ находитъ вкладъ, сдѣланный университетами въ исторію XV в., не незначительнымъ. Хотя масса и мало училась, но, при маломъ распространеніи ученаго образованія въ то время, изъ университетовъ все таки выходила болѣе и болѣе возраставшая кучка молодыхъ людей, способныхъ къ дѣламъ управленія. Не только юридическій, но и всякій другой факультетъ, и факультетъ артистовъ въ частности, поставлялъ извѣстный контингентъ на служеніе церкви и школѣ, для цѣлей управленія государственнаго и городского. А что еще важнѣе, изъ этихъ академически-образованныхъ людей возникъ новый слой общества, имѣвшій большое значеніе, проложившій мостъ черезъ пропасть, отдѣлявшую духовенство отъ мірянъ, имѣвшій образованіе, которое въ XIV и XV вв. могли имѣть почти одни только духовныя лица

Читатель въ правѣ спросить, что же сталось съ университетами Италіи, Франціи, Англіи? Можетъ быть, въ этихъ странахъ состояніе университетовъ было не такъ безотрадно? Все сказанное относится вѣдь къ германскимъ университетамъ. Изслѣдователь встрѣчается съ двумя несомнѣнными фактами: во-первыхъ, университеты Италіи, Франціи и Англіи (объ испанскихъ нечего и говорить), съ началомъ новой исторіи болѣе и болѣе падаютъ, и во-вторымъ, германскіе университеты, печальное состояніе которыхъ было изображено выше, переживъ печальныя времена, сдѣлались въ нынѣшнемъ столѣтіи образцомъ для университетовъ всѣхъ странъ. Мы вышли бы изъ предѣловъ этого очерка, если бы занялись исторіей европейскихъ университетовъ съ XVI в. до настоящаго времени, но не можемъ не сдѣлать нѣсколько краткихъ замѣчаній въ подтвержденіе и объясненіе обоихъ выше указанныхъ фактовъ.

Прежнее значеніе *итальянскихъ* университетовъ стало падать уже съ того времени, какъ прекратился приливъ

штудирующихъ изъ Германіи, съ учрежденіемъ здѣсь своихъ университетовъ. Когда затѣмъ Италія разбилась на нѣсколько мелкихъ княжескихъ или герцогскихъ или республиканскихъ территорій, университеты окончательно превратились въ мѣстныя заведенія данной территоріи, причемъ малыя государства, при желаніи сохранить всѣ средневѣковые университеты и со всѣми вѣтвями расширявшагося знанія, и въ тоже время не имѣя средствъ привлекать способныхъ профессоровъ достаточнымъ жалованьемъ и обставить занятія всѣми научными приспособленіями, могли, по выраженію одного изъ итальянскихъ министровъ народнаго просвѣщенія (Матеучи), «сохранить только умирающіе университеты, въ которыхъ умственная жизнь и дисциплина постепенно падали.» Не могло отразиться благопріятно на итальянскихъ университетахъ и то обстоятельство, что, въ виду опасностей, угрожавшихъ Италіи со стороны реформаціи, іезуиты получили возможность хозяйничать въ университетскомъ преподаваніи. Относительно Неаполя, университетъ котораго могъ бы, повидимому, процвѣтать, какъ научный центръ для наиболѣе значительной изъ территорій Италіи, извѣстно, что испытанія на ученыя степени превратились тамъ въ пустую формальность. Дѣло дошло до того, что право возведенія въ докторскую степень сдѣлалось исключительною привилегіей рода князей Карачіоли, которые смотрѣли на эту привилегію только какъ на источникъ доходовъ, вовсе не соображаясь съ познаніями и способностями аспиранта. Когда со второй половины нынѣшняго столѣтія стали приниматься правительствомъ мѣры къ поднятію и реформированію университетовъ, оказалось, что масса учащихся желала пріобрѣтать докторскую степень послѣ трехъ или даже двухъ лѣтъ ученья, не представляя притомъ доказательствъ своихъ занятій, а на реформаціонныя мѣропріятія правительства отвѣчала безпорядками, приводившими иногда къ закрытію университетовъ.

На неудовлетворительное состояніе *парижскаго* универ-

ситета жаловался еще знаменитый канцлеръ его Герзонъ (Жерсонъ). Онъ жаловался на невѣжество, небрежность и безнравственность содержателей частныхъ пансіоновъ. Они не наказывали своихъ воспитанниковъ изъ боязни потерять ихъ; воспитанники ихъ были столь же чужды основныхъ понятій христіанства, какъ язычники; поведеніе ихъ—верхъ неприличія; магистры— содержатели пансіоновъ спекулировали на пищѣ своихъ учениковъ; они вербовали ихъ въ трактирахъ и кабакахъ, сами принимали участіе въ производившихся ими безобразіяхъ, выступали даже иниціаторами и вожаками въ разныхъ неприличныхъ исторіяхъ и т. д. Не особенно благополучно обстояли дѣла и въ стипендіальныхъ университетскихъ коллегіяхъ. Такъ какъ положеніе главы коллегіи связывалось обыкновенно съ происхожденіемъ изъ извѣстнаго діэцеза, то выборъ принципала былъ ограниченъ очень тѣснымъ кругомъ, такъ что люди, сравнительно болѣе способные и опытные, но уроженцы не той мѣстности, которая требовалась статутами, оставались въ сторонѣ. Бурсы (т. е. стипендіи или мѣста въ коллегіяхъ) расточались, вмѣсто бѣдныхъ и даровитыхъ людей, друзьямъ и родственникамъ администраторовъ, хотя бы и со средствами. Счастливые обладатели бурсъ процвѣтали нерѣдко въ коллегіяхъ десятки лѣтъ, не учась и смотря на бурсу, только какъ на ренту, правда связанную съ нѣкоторыми непріятными обязательствами. Чтобы жизнь сдѣлать болѣе привлекательною, находили возможнымъ уменьшать число бурсъ или стипендій и соотвѣтственно увеличивать ихъ размѣръ для наличныхъ стипендіатовъ. Въ Сорбоннѣ, гдѣ администрація была сразу поставлена на довольно твердыя основанія, не было мѣста для подобныхъ злоупотребленій, но и для Сорбонны наступали времена паденія. Она болѣе и болѣе коснѣла въ своей схоластикѣ и нетерпимости, а вмѣстѣ съ нею и весь парижскій университетъ. Еще когда король Франциск I, въ видахъ умиротворенія религіозной вражды въ его государствѣ, возбужденной притокомъ реформаціонныхъ идей изъ Гер-

маніи, пожелалъ устроить конференцію депутатовъ отъ парижскаго университета съ Меланхтономъ и другими иностранными учеными, университетъ рѣшительно отказался отъ безплодной, по его словамъ, диспутаціи. Когда же Меланхтонъ письменно изложилъ 12 артикуловъ и Франциск I переслалъ ихъ теологическому факультету, послѣдній ограничился тѣмъ, что противопоставилъ всѣмъ 12-ти пунктамъ въ диктаторскомъ тонѣ формулированное изложеніе католической вѣры. А кто знаетъ, какія бы могли быть послѣдствія не для Франціи только, а и для Германіи, если бы желавшаяся королемъ конференція состоялась, и если бы Сорбонна оказалась на высотѣ своей *учено-богословской* задачи! Вмѣсто того, чтобы поставлять свою честь и гордость въ исполненіи этой задачи, университетъ, послѣ того какъ женевская реформація стала болѣе и болѣе распространяться во Франціи, составилъ вѣроисповѣданіе въ 29-ти артикулахъ, которому на будущее время должны были присягать всѣ лиценціаты и баккалавры, а затѣмъ, съ цѣлью предохраненія умовъ отъ яда новыхъ ученій, составилъ списокъ всѣхъ опасныхъ книгъ и передалъ его прокурору, для возбужденія преслѣдованія противъ книгопродавцевъ Когда въ 1562 г. явился королевскій указъ, дозволяющій протестантамъ собираться для богослуженія внѣ городовъ, пока еще парламентъ совѣщался относительно зарегистрованія этого указа, университетъ, хотя и переставшій состоять въ какой-либо зависимости отъ папы, сообща съ духовенствомъ, рѣшительно протестовалъ противъ указа. Хорошо хоть то, замѣчаетъ Ганъ, что университетъ остался непричастнымъ Варѳоломеевской ночи! Поучительна также исторія возникновенія «коллегіи Франціи» (collège de France). Отдавая дань гуманистическому теченію времени и самъ высоко цѣня изученіе языковъ, король Франциск I желалъ дать гуманистическимъ занятіямъ прочное мѣсто въ системѣ преподаванія. Но не только не разсчитывая на дѣятельную помощь со стороны университета, а и встрѣтивъ оппозицію со стороны факуль-

тета искуствъ, опасавшагося за свои лекціи, король основалъ въ Парижѣ независимый отъ университета институтъ съ назначенными королемъ профессорами, обезпечиваемыми хорошимъ жалованьемъ. За неимѣніемъ вначалѣ собственнаго помѣщенія, эти профессора читали въ помѣщеніяхъ университетскихъ коллегій; но при Генрихѣ IV и окончательно при Людовикѣ XIV было устроено для «collège de France» особое зданіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ число учебныхъ предметовъ было увеличено. Кромѣ преподаванія языковъ греческаго, латинскаго, еврейскаго, арабскаго, сирійскаго, введено преподаваніе философіи, физики, математики, такъ что уже къ половинѣ XVII в. число профессуръ въ collège de France возросло до 19-ти. Своимъ жалованьемъ королевскіе профессора настолько обезпечивались, что должны были читать безплатно всѣмъ желающимъ, а съ другой стороны эти чтенія не должны были приниматься въ расчетъ при испытаніяхъ на академическія степени,— это для того чтобы не нарушать принципа монополіи университета. При Людовикѣ XIV на капиталы, завѣщанные кардиналомъ Мазарини, была основана еще «коллегія четырехъ націй», опять въ сторонѣ отъ университета. И если въ XVI и XVII вв. университетъ все еще жилъ остатками своей прежней славы, то въ XVIII в. своею нетерпимостію и раздачей степеней по протекціямъ, а не по познаніямъ, онъ возбуждалъ уже противъ себя всеобщую ненависть и жестокія нападки со стороны людей, представлявшихъ мысль Франціи, какъ Монтескье, Вольтеръ и Руссо. Въ первые же дни революціи рухнули какъ парижскій, такъ и провинціальные университеты Франціи, которые до революціи все еще проявляли нѣкоторую жизнь. 29 іюля 1789 г. послѣдній ректоръ парижскаго университета Дюмушель, вмѣстѣ съ главами факультетовъ, представился національному собранію, заявилъ о присоединеніи къ новымъ политическимъ принципамъ и просилъ представителей народа начертать базисы университетской организаціи, которая вела бы къ истинно-національному воспитанію. «Итакъ, — говорилъ

по этому поводу не безъ ироніи Мирабо, «университетъ *начинаетъ сомнѣваться* въ томъ, чтобы воспитаніе въ коллегіяхъ соотвѣтствовало потребностямъ человѣчества и желаніямъ отечества». Національное собраніе 22 декабря 1789 г. объявило, что оно установитъ «народное просвѣщеніе, общее всѣмъ гражданамъ и даровое въ отношеніи къ тѣмъ частямъ ученія, которыя безусловно неообходимы всѣмъ людямъ». Было составлено затѣмъ нѣсколько проэктовъ организаціи народнаго образованія (Талейраномъ, Кондорсе, Мишелемъ Лепеллетье), но всѣ эти проэкты не имѣли никакихъ положительныхъ результатовъ, а имѣли лишь то отрицательное послѣдствіе, что конвентъ въ 1792 г. постановилъ упразднить всѣ коллегіи и факультеты въ области республики и всѣ ихъ имущества продать. Съ этого момента университеты въ Франціи, собственно говоря, прекратили свое существованіе и начали возрождаться лишь съ 80-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Тотъ «университетъ Франціи» (l' universite de France), который, послѣ продолжительнаго хаоса въ учебномъ дѣлѣ, произведеннаго революціей, явился при Наполеонѣ I-мъ, и который въ существенномъ продолжалъ существовать до послѣдняго времени, не имѣетъ ничего общаго съ корпораціей учащихъ и учащихся. Это есть цѣлое вѣдомство народнаго просвѣщенія со всѣми правительственными учрежденіями, завѣдующими этимъ дѣломъ, и со всѣми учебными заведеніями—высшими, средними, низшими, общими, спеціальными, правительственными и частными—такъ какъ и открывающій частную школу, получая на то дозволеніе отъ «университета», включается тѣмъ самымъ въ «университетъ». Во главѣ университета былъ поставленъ «великій магистръ» (grand-mâitre) съ совѣщательнымъ при немъ учрежденіемъ—совѣтомъ народнаго просвѣщенія—и съ корпусомъ инспекторовъ для осуществленія постояннаго контроля въ цѣлой странѣ, причемъ область дѣйствія университета раздѣлена была на нѣсколько университетскихъ округовъ или «академій». Само собою разумѣется, что этотъ «великій магистръ» ра-

но-ли, поздно-ли, долженъ былъ получить то названіе, которое ему приличествуетъ, т.-е. министра народнаго просвѣщенія. Оставляя въ сторонѣ школы первоначальнаго обученія, а также заведенія для средняго образованія (коллегіи и лицеи) и останавливаясь лишь на высшихъ школахъ, мы видимъ, что, во-первыхъ, учреждены были въ разныхъ городахъ «факультеты» (права, медицины, наукъ—des sciences, т.-е. физико-математическихъ наукъ,—литературы—des lettres, т.-е. историко-филологическихъ наукъ, наконецъ отчасти теологіи) съ правомъ и обязанностію возводить въ традиціонныя ученыя степени баккалавра, лиценціата и доктора, во-вторыхъ, кромѣ факультетовъ и кромѣ возродившейся collège de France, явилась масса высшихъ школъ. Не считая такихъ спеціально-техническихъ школъ, какъ школа минъ, школа мостовъ и шоссе, политехническая школа (артиллерійская и инженерная), появились въ разное время школа восточныхъ языковъ, школа хартій, нормальная школа, практическая школа высшихъ занятій и др. Нормальная школа, съ двумя отдѣленіями des lettres и des sciences, была учреждена еще Наполеономъ I-мъ для приготовленія преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Практическая школа высшихъ занятій (école pratique des hautes études) учреждена была въ 1868 г., вслѣдствіе сознанной необходимости устроить практическія семинаріи на подобіе тѣхъ, которые процвѣтаютъ въ германскихъ университетахъ. Collège de France не только возродилась на прежнихъ основаніяхъ, на какихъ она первоначально была учреждена, но и послужила образцомъ для другой, подобной же, школы т. н. музея (для естественной исторіи). Недовольные порядками французскаго учебнаго дѣла не мало возмущались тѣмъ, что курсы, читаемые въ этихъ обѣихъ школахъ, хотя бы и выдающимися профессорами, какъ курсы публичные, не разсчитаны на какихъ либо постоянныхъ слушателей или учениковъ, а открыты для всевозможныхъ зѣвакъ, которые поминутно входятъ и выходятъ, все равно какъ въ омнибусѣ, и

заходятъ на лекціи часто только для того, чтобы согрѣться или даже соснуть. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ недостатковъ организаціи высшаго преподаванія во Франціи, которые указывались во французской литературѣ. *) Указывалось на то, что баккалаврство, которое давнымъ-давно должно бы было замѣниться свидѣтельствомъ объ окончаніи средняго образованія, отнимаетъ у факультетскихъ профессоровъ три мѣсяца въ учебномъ году на производство баккалаврскихъ испытаній. Указывалось на вредное развитіе конкурсной системы, благодаря которой не ученыя степени, сами по себѣ, открываютъ путь къ преподавательскимъ и профессорскимъ должностямъ, а конкурсъ, дающій возможность любому верхогляду, удовлетворяющему оффиціальной программѣ, одержать верхъ надъ основательнымъ знатокомъ: по конкурсу поступаютъ баккалавры въ нормальную школу, по конкурсу лиценціаты и доктора получаютъ титулъ «причисленныхъ» (agrégés), вмѣстѣ съ правомъ опредѣленія на преподавательскія должности въ коллегіяхъ, лицеяхъ и факультетахъ—сначала въ видѣ вспомогательныхъ (suppléants), потомъ въ видѣ самостоятельныхъ учителей или профессоровъ. Указывалось на вредную централизацію высшаго образованія, благодаря которой умственныя силы отвлекались отъ провинцій и направлялись въ Парижъ уже по той простой причинѣ, что конкурсныя испытанія на аггрегацію производились только въ Парижѣ. Указывалось на то, что факультеты, особенно des lettres и des sciences, не имѣли постоянныхъ слушателей и точно такъ же были открыты для всѣхъ праздношатающихся, какъ collège de France и Muséum. Въ особенности же указывалось на то, что факультеты существуютъ, какъ изолированныя одно отъ другого государственныя учрежденія, не давая мѣста тому взаим-

*) См. напр *Taine*, Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne, t II *Ferd. Lot*, L'enseignement supérieur en France, ce qu'il est—ce qu'il devrait être, 1892.

ному соприкосновенію и взаимному проникновенію знаній разныхъ отраслей, которое сообщаетъ образованію большую солидность и бо́льшую широту. Открыто признавали наконецъ научную гегемонію Германіи во всѣхъ вѣтвяхъ знанія безъ исключенія, какъ неопровержимый фактъ, и секретъ этой гегемоніи видѣли въ организаціи германскихъ университетовъ, дающихъ поистиннѣ энциклопедическое образованіе по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Все это движеніе на французскомъ законодательствѣ начало отражаться съ 1885 г., когда оживлена была совсѣмъ позабытая (tombée en désuétude) юридическая личность факультетовъ въ смыслѣ гражданскаго права, съ признаніемъ за ними способности пріобрѣтать пожертвованія на основаніи дарственныхъ актовъ и завѣщаній, а также субсидіи отъ департаментовъ, общинъ и частныхъ лицъ, и организованъ былъ общій совѣтъ факультетовъ для разсмотрѣнія и рѣшенія вопросовъ и дѣлъ научнаго, учебнаго, административнаго и дисциплинарнаго свойства. Болѣе рѣшительные шаги были сдѣланы въ 1893 и 1896 гг. Въ силу закона 28 апрѣля 1893 г. и состоявшихся на основаніи его декретовъ, соединенные факультеты того или другого академическаго округа признаны одною юридическою единицей съ «общимъ совѣтомъ факультетовъ» (le conseil général des facultés), причемъ эта единица (le corps formé par la réunion de plusieurs facultés de l'Etat dans un même ressort académique) облечена гражданскою личностію; общій совѣтъ факультетовъ получилъ опредѣленную организацію въ отношеніи личнаго состава и точно регулированный кругъ вѣдомства, а за цѣлою новообразованною юридическою единицей признаны права юридическаго лица съ способностью имѣть свое имущество и свой бюджетъ. Затѣмъ, въ силу закона 10—11 іюля 1896 г., соединеннымъ въ одинъ «corps« факультетамъ было оффиціально усвоено названіе *университета* и общій совѣтъ факультетовъ переименованъ въ *совѣтъ университета*. Соединенные факультеты, образовавшіе собою универси-

теты въ разныхъ городахъ Франціи, суть факультеты права, медицины, физико-математическій и историко-филологическій. Существующіе во Франціи два факультета протестантской теологіи (въ Парижѣ и Монтобанѣ) остались въ сторонѣ отъ университетовъ. Что же касается факультета католической теологіи, то онъ давно уже не существуетъ, а «католическіе университеты», основанные католическою церковью (въ Парижѣ, Ліонѣ, Лиллѣ) государствомъ не признаются за университеты.

Итакъ, не рискуя впасть въ историческую ошибку, можно утверждать, что если университетъ во Франціи оживаетъ, то благодаря сознанію превосходства германской университетской организаціи высшаго преподаванія надъ существовавшею втеченіе нынѣшняго столѣтія французскою.

Англійскіе университеты *Оксфорда* и *Кембриджа* къ началу нынѣшняго столѣтія дошли до самой глубокой степени паденія. Замѣчено, что ни одинъ изъ выдающихся людей XVIII в., составившихъ славу Англіи, не обучался въ университетахъ, а Бентамъ, пробывшій нѣкоторое время въ Оксфордѣ, вынесъ изъ своего пребыванія въ немъ такое воспоминаніе: «во лжи и лицемѣріи сосостоитъ существо англійскаго университетскаго образованія». Коренной порокъ, которымъ страдали оба университета, состоялъ въ томъ, что вся власть и вліяніе сосредоточились въ коллегіяхъ (колледжахъ), особенно съ 1630 г., когда заведены были еженедѣльныя собранія директоровъ всѣхъ коллегій, къ которымъ въ сущности и перешла вся власть. Каждая коллегія въ отдѣльности, имѣя богатыя средства, давала возможность безпечальнаго существованія и учащимъ, и надзирающимъ, и учащимся джентльменамъ; въ стѣнахъ же коллегій велось и преподаваніе, а университетъ, какъ таковой, не имѣлъ даже и средствъ къ тому, чтобы устроить университетское преподаваніе. Такъ какъ главы коллегій преслѣдовали лишь матеріальные интересы своихъ коллегій, а не интересы университетскіе, и смотрѣли на свою должность, какъ на

синекуру, то преподаваніе пало, и испытанія превратились въ пустую формальность. По словамъ Ньюмана, вначалѣ нынѣшняго столѣтія, молодой человѣкъ, пробывшій въ коллегіи три или четыре года и желавшій получить степень, выбиралъ себѣ экзаминаторовъ и приглашалъ ихъ на обѣдъ, а передъ обѣдомъ производилась нѣкоторая формальность, имѣвшая подобіе экзамена. Когда благомыслящіе люди стали выражать желаніе, чтобы университетъ возвратилъ себѣ свою власть и потребовалъ дѣйствительнаго экзамена, такъ какъ въ принципѣ сознавалось съ совершенною ясностью, что ученыя степени даются университетомъ, а не коллегіей, возвращеніе къ нормальному порядку оказалось не такъ-то легкимъ: объ одной коллегіи извѣстно, что она цѣлыхъ 30 лѣтъ противилась университету и раздавала степени безъ всякихъ испытаній. Да и съ точки зрѣнія дисциплины, джентльмены-коллегіаты вели себя вовсе не по-джентльменски. Для Ньюмана идеалъ—соединеніе англійской коллегіальной системы съ германскою, какъ онъ называетъ, профессорскою системой,—такое соединеніе, при которомъ студенты слушаютъ лекціи университетскихъ профессоровъ, но живутъ и учатся въ коллегіяхъ, подъ руководствомъ суперіоровъ и туторовъ, обязанныхъ заботиться объ ихъ интересахъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Рѣшительныя мѣропріятія государственнаго правительства начались съ половины нынѣшняго столѣтія, когда парламентскою коммиссіей еженедѣльныя собранія директоровъ коллегій были признаны органомъ, негоднымъ для управленія дѣлами университета, и они лишены были тѣхъ правъ, которыми втеченіе столѣтій пользовались во вредъ университету. А по закону 1882 г., коллегіи должны были уступить въ пользу университета около 20% своихъ денежныхъ средствъ на обезпеченіе университетскихъ профессуръ.

Перевѣсъ коллегій надъ университетомъ былъ не единственнымъ недостаткомъ Оксфорда и Кембриджа. Опять таки до послѣдняго времени оба университета носили

узко-клерикальный и узко-аристократическій характеръ. Клерикально-англиканскій характеръ университеты получили съ XVI в., послѣ того какъ было предписано, при вступленіи въ университетъ, присягать 39-ти артикуламъ англиканскаго вѣроисповѣданія и королевской супрематіи въ религіозныхъ дѣлахъ, а по полученіи ученой степени и при избраніи въ товарищи въ коллегію заявлять вице-канцлеру о согласіи религіозныхъ убѣжденій съ догматами англиканской церкви. Предписанія эти, направлявшіяся первоначально противъ католиковъ, распространились потомъ на всѣхъ диссентеровъ. Аристократическій характеръ сообщался университетамъ самыми капиталами, которыми дотированы были коллегіи, и высотою платы съ своекоштныхъ, такъ что студенты университетовъ, если это не были сыновья духовныхъ лицъ, приготовляющіеся къ духовному же званію, были потомками богатыхъ аристократическихъ родовъ, учредившихъ стипендіи «Теологія, основанная на искуствахъ» (theologia in artibus fundata) составляетъ и до сихъ поръ характеристику университетскаго образованія въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Насколько учащемуся не нужно приготовляться къ духовному званію и изучать теологію, онъ ограничивается изученіемъ древнихъ языковъ, математики, логики, нравственной философіи. Назначеніе англійскихъ университетовъ не въ томъ состоитъ, чтобы подготовлять чиновниковъ, юристовъ, врачей, естествоиспытателей, а въ томъ, чтобы, путемъ классическихъ, математическихъ и другихъ занятій и путемъ воспитанія въ коллегіяхъ, приготовить государству и обществу развитыхъ и независимыхъ джентльменовъ. Даже и въ отношеніи къ тѣмъ, кто готовится къ духовному званію, задача университетовъ состоитъ въ томъ, чтобы приготовить для государственной церкви не столько теологически, сколько классически и литературно-развитой клиръ. Традиціонныя ученыя степени баккалавра и магистра искуствъ составляютъ завѣтную мечту большинства учащихся. Такъ какъ политическая партійная точка зрѣнія въ Англіи часто

бываетъ наслѣдственна (тори или виги), то и студенты англійскихъ университетовъ имѣютъ обыкновенно политическую партійную окраску, которая, однако, на университетскую жизнь не вліяетъ. Студенты далеки отъ мысли принимать активное участіе въ политикѣ; существуетъ лишь клубъ для дебатовъ, въ которомъ молодежь диспутируетъ по поводу политическихъ вопросовъ, и который служитъ подготовительною школой для парламентскаго краснорѣчія. Эти дебаты скорѣе могутъ быть сравниваемы съ средневѣковыми диспутаціями, только безъ схоластики, какъ и вообще университеты продолжаютъ оставаться на средневѣковыхъ основахъ, такъ что, на взглядъ германскаго профессора, англійскій университетъ представляется чѣмъ-то въ родѣ продолженной гимназіи съ нѣкоторымъ придаткомъ теологіи. Въ другихъ британскихъ университетахъ, существующихъ нынѣ (напр. въ шотландскихъ, которые, вообще говоря, имѣютъ мало сходства съ англійскими, какъ въ отношеніи коллегіальнаго строя, какъ и въ отношеніи аристократизма), смѣшеніе высшаго образованія съ среднимъ выступаетъ еще болѣе рѣзко: напр. въ Эдинбургѣ, какъ кажется, и теперь еще изъ приходскихъ школъ, въ которыхъ преподается немножко латыни, молодые люди прямо поступаютъ въ университетъ. Но, какъ выше было замѣчено, и старинные англійскіе университеты—оксфордскій и кембриджскій—въ послѣднее время начали отрѣшаться и отъ англиканскаго клерикальнаго, и отъ узко-аристократическаго характера. Послѣ отмѣны религіозныхъ присягъ въ 1871 г., для всѣхъ нонконформистовъ или диссентеровъ сдѣлалось возможнымъ не только поступать въ университетъ и пріобрѣтать степени университета, но и достигать должностей по управленію университетомъ. А съ расширеніемъ избирательныхъ правъ и съ допущеніемъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ новой категоріи студентовъ приходящихъ (т.-е. не обязанныхъ поступать въ коллегіи за высокую плату), въ старинные аристократическіе университеты проникъ новый духъ—демократическій, при-

чемъ на нашъ взглядъ, конечно, не можетъ не показаться страннымъ, что нуждающіеся-то именно и не имѣютъ доступа въ коллегіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что примѣръ германскихъ университетовъ всегда принимался въ большей или меньшей степени въ соображеніе государственными людьми Англіи, проводившими тѣ или другія университетскія реформы.

Но мы видѣли, въ какомъ печальномъ состояніи находились германскіе университеты къ началу новой исторіи. Невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить дальнѣйшій ростъ германскихъ университетовъ, обратно пропорціональный упадку всѣхъ другихъ? Вопросъ, разумѣется, сложный, и на двухъ-трехъ страницахъ его не разрѣшишь. Можно представить себѣ, что въ будущемъ появятся цѣлыя спеціальныя изслѣдованія, посвященныя этому вопросу, и что между авторами этихъ изслѣдованій возникнетъ не мало контроверсъ въ объясненіи и обсужденіи тѣхъ или другихъ историческихъ явленій. Но, не задаваясь цѣлью разрѣшить данный вопросъ и считая его къ тому же не относящимся къ предмету предлагаемаго читателю очерка, я все-таки нахожу не излишнимъ высказать нѣсколько замѣчаній. Весьма многое въ неудовлетворительномъ состояніи германскихъ университетовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ нужно объяснять грубостью нравовъ времени вообще, а не какими-либо органическими пороками университетовъ, такъ что, съ смягченіемъ нравовъ, должны были исчезнуть и многія ненормальныя явленія въ университетской жизни. Затѣмъ, противъ пороковъ, которые дѣйствительно могутъ быть названы органическими, какъ напр. противъ схоластики и схоластическихъ методовъ преподаванія, противъ лѣности и небрежности всякаго рода, своевременно выступили государи, проводя необходимыя реформы и оказывая поддержку гуманизму, не смотря на сопротивленіе университетовъ. Реформація, между тѣмъ, съ разрушеніемъ клира въ католическомъ смыслѣ, неизбѣжнымъ, хотя и косвеннымъ, путемъ привела къ окончательной

секуляризаціи университетовъ. Съ старинною политическою автономіей университетскихъ корпорацій, вооруженныхъ разными привилегіями и доходившихъ иногда до отказа въ присягѣ на подданство и вѣрность государю, было мало по малу покончено; но доброжелательное отношеніе государей къ наукѣ удержало ихъ отъ разрушенія университетской корпораціи. Университетъ въ глазахъ государства не былъ уже ни свободнымъ ученымъ цехомъ или гильдіей, ни политическою автономною корпораціей, а сдѣлался государственнымъ учрежденіемъ, преслѣдующимъ государственныя задачи, не утрачивая въ то же время корпоративнаго строя. Натягивая государственныя возжи, по выраженію одного историка, только въ случаяхъ дѣйствительной нужды, какъ это было въ концѣ среднихъ вѣковъ (противъ схоластики, противъ лѣности и проч.) и какъ повторялось позднѣе (наприм. противъ кумовства и непотизма, партійности, нетерпимости), нѣмецкіе князья оставляли университету, какъ самовосполняющейся корпораціи, довольно широкую сферу, въ которой онъ могъ двигаться, предоставленный собственнымъ силамъ. А предоставленный собственнымъ силамъ, германскій университетъ имѣлъ въ себѣ такія зерна прочнаго и правильнаго развитія, которыхъ недоставало другимъ университетамъ. Въ Германіи не было ни той безсвязности составныхъ элементовъ университетской организаціи, съ неестественнымъ перевѣсомъ учащихся надъ учащими, которая наблюдается въ Италіи, и которая приводила лишь къ постоянному вмѣшательству городовъ въ университетскую жизнь,—ни той анархіи, которою страдалъ парижскій университетъ, и которая приводила лишь къ постоянному вмѣшательству парламента,—ни, наконецъ, того поглощенія университета коллегіями, которое довело до глубокаго паденія оксфордскій и кембриджскій университеты. Для единства и цѣлостности университета, обнимающаго всѣ области знанія, не исключая и богословія, и различаемаго по факультетамъ, въ Германіи было болѣе задатковъ и ручательства, чѣмъ гдѣ-либо. Что факультетъ артистовъ пересталъ быть

общимъ подготовительнымъ факультетомъ для другихъ и занялъ мѣсто, подъ именемъ философскаго, между спеціальными факультетами, какъ обнимающій опредѣленныя спеціальности высшаго образованія, это также могло лишь содѣйствовать росту германскихъ университетовъ, уже по той одной причинѣ, что университетъ избавлялся отъ массы лицъ, которымъ нужно было учиться въ гимназіяхъ, а не въ университетахъ, и отъ массы заботъ и хлопотъ, которыхъ требовали эти лица. Впрочемъ, въ виду, напр., поразительнаго невѣжества по части исторіи, обнаруживающагося иногда у насъ на юридическихъ экзаменахъ, нельзя не сказать, что въ средневѣковой постановкѣ факультета «искуствъ», была нѣкоторая правильная мысль. Націи и коллегіи не привились къ германской почвѣ: сначала отошли въ область преданія націи, позднѣе коллегіи съ бурсами. Удалось ли найдти удовлетворительный суррогатъ этихъ средневѣковыхъ элементовъ университетской организаціи, которые, хотя и въ неудовлетворительныхъ формахъ, представляли собою извѣстные интересы и имѣли свой смыслъ,—на этотъ вопросъ не рѣшаются отвѣчать утвердительно и сами германскіе историки. Такъ называемыя студентскія корпораціи, не только такія, которыя проявляютъ свою жизнь единственно въ ношеніи корпоративныхъ значковъ, въ корпоративномъ потребленіи пива, въ дуэляхъ и т. д., но и корпораціи на болѣе интеллигентной подкладкѣ въ сущности стоятъ въ сторонѣ отъ университетской организаціи. Допустимъ, что профессорскія семинаріи, образцово поставленныя въ германскихъ университетахъ, стоятъ неизмѣримо выше, чѣмъ тѣ практическія упражненія, которыя велись когда-то въ коллегіяхъ и бурсахъ; но средніе вѣка имѣли то преимущество предъ новыми, что внѣшнее выраженіе принадлежности учащихся къ университетской корпораціи, такъ сказать, поражало своею наглядностью даже и не въ итальянскихъ только университетахъ, и что квартирный вопросъ разрѣшался въ средніе вѣка болѣе удовлетворительно, чѣмъ въ новое время.

Библиотека Академии